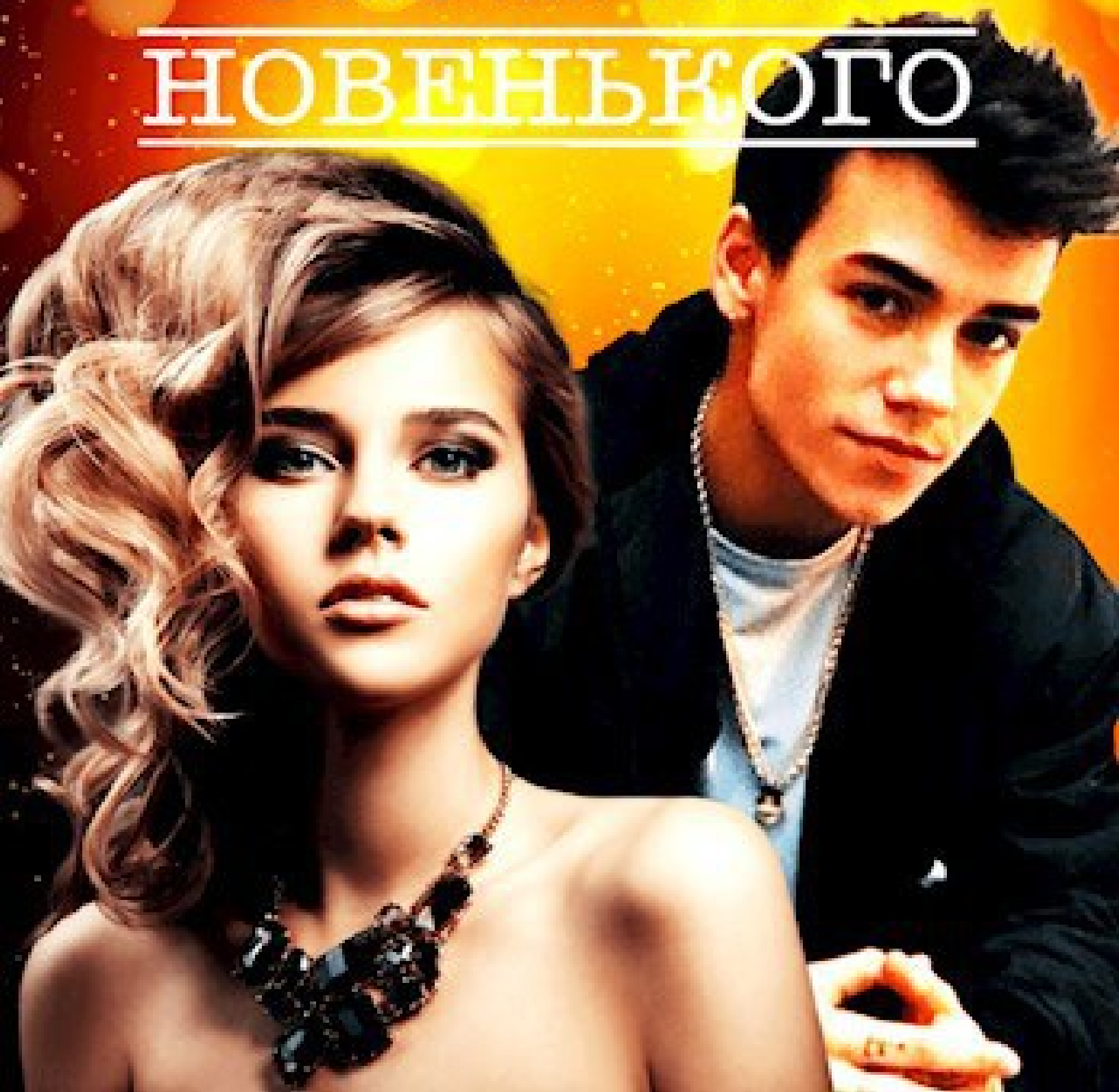

Василиса Полякова

Главная тайна

НОВЕНЬКОГО

Когда в классе появляется новенький, это всегда волнительно. Неизвестно, кем он станет тебе — другом или врагом. Поладите ли вы с ним? Я изо всех сил пыталась принять его нездоровый нарциссизм, но в итоге при первой же встрече оказалась с ним вместе в кабинете директора, где ни разу в жизни не была. Что от меня нужно этому самовлюблённому типу? И вообще он не такой, как все вокруг, в прямом и переносном смысле... Что же скрывается за этой личиной бездушия и наглости? И какая у новенького тайна?

Главная тайна новенького
Василиса Полякова

Эля

— Ты уже слышала о нём? Говорят, он будет учиться в одиннадцатом «А»!

Я иду по школьному коридору мимо каких-то восьмиклассниц и, услышав их болтовню, не без презрения фыркаю себе под нос. Те замечают моё недовольное лицо и спешат ретироваться куда подальше. У них у всех, что ли, ветер в голове? Я вот такой не была. В их возрасте я алгебру с биологией учила, а не бегала по этажам с целью посплетничать.

Произнесённые одной из школьниц слова заставляют меня задуматься. Она сказала, что некто «он» будет учиться в одиннадцатом «А». Это мой класс. Не надо иметь особого ума, чтобы тут же догадаться — у нас в классе будет новенький. Станным мне кажется лишь то, что этот парень (а судя по восторженным возгласам восьмиклашек и их словам это действительно парень) — так вот что этот парень переводится к нам среди года. Хотя, наверное, удивляться подобному обстоятельству не стоит. Ну переводится к нам кто-то — и что? В этом нет ничего криминального. Однако когда в классе появляется новенький — это всегда волнительно. Кем он для тебя станет — другом или врагом? Я, например, по жизни в вопросах отношений люблю поддерживать нейтралитет. Иными словами, если мне не нравится человек, то я просто не лезу к нему. Здравуюсь и прощаюсь — не более. В моём классе сейчас есть парочка таких людей. К счастью, они тоже понимают, что если не трогать меня, то и я не трону их. И наоборот. Поэтому появление ещё одной личности в нашем маленьком коллективе меня нисколько не заботит.

С такими мыслями я захожу в кабинет. Сейчас у меня геометрия. Одноклассники бурно обсуждают сложную задачу из домашней работы, которую я, как и полагается отличнице, решила ещё на выходных. Не люблю откладывать дела в долгий ящик. Тем более геометрия не так проста, как кажется.

— Эль, ты сделала домашку? — подходит ко мне Ерёмина Настя, рыжеволосая девушка с проколотым трижды хрящом левого уха.

— Сделала, — отзываюсь я, выкладывая из сумки на стол учебник и две толстые тетрадки.

— Дашь списать? Ну пожа-а-алуйста... — хнычет Настя, и я не могу ей отказать. Мы с ней с детства знакомы, только Настя девять лет училась в «В» классе. Ерёмина — единственная, с кем я более-менее нормально общаюсь. Хотя о многом я перед Настей умалчиваю. Она любит посплетничать, причём не с самыми приятными моему сердцу людьми. Потому мне приходится держать язык за зубами, но на самом деле подобные обстоятельства совсем не отягощают мою жизнь.

Отдаю Ерёминой тетрадку, и Настя радостно бежит к своей парте на первом ряду. Через десять секунд вокруг Ерёминой подобно муравьям кишит добрая половина класса, которая, естественно, домашку не сделала. Хмыкаю. Всё как всегда.

В кармане моих чёрных брюк вибрирует телефон. Достāju его и вижу сообщение от Миши.

«Доброе утро! Удачного тебе дня!» — пишет он. Я улыбаюсь и отправляю ему ответ: «Доброе утро! Спасибо, и тебе хорошего дня!» Потом шлю Мише стикер в виде сердечка. Через полминуты приходит ответ с улыбающимся смайликом.

Миша — мой парень. Мы дружим уже почти год. Почему дружим? Сложный вопрос.

Наверное, у меня язык не поворачивается сказать «встречаемся» из-за того, что Миша до сих пор не признался мне в любви. На день Святого Валентина он подарил мне шоколадку и открытку и при этом сказал: «Ты мне очень нравишься». С тех пор прошло уже много времени, но признания я до сих пор не услышала.

Миша рождён в январе. Он моложе меня на семь месяцев, поэтому по школьным меркам был бы сейчас в десятом классе. Однако Миша «ушёл» после девятого и теперь учится в техникуме на ветеринара. Несмотря на разницу больше чем в полгода, Миша — сообразительный и достаточно самостоятельный парень. Заботливый, всегда обращается ко мне по имени и пишет смс-ки утром и вечером, желая хорошего дня или доброй ночи. Мы видимся с ним почти каждую неделю на выходных, правда в последнее время у меня не получается выходить гулять, так как я начинаю готовиться к экзаменам. Сдавать мне химию и биологию. Эти предметы нешуточные, и потому я ограничиваю себя по максимуму. Мама почти каждый день твердит мне, что я должна поступить в институт без проблем. И я беспрекословно следую этому правилу.

От мыслей меня отвлекает тетрадка, которую кладёт на мою парту Настя. В ту же секунду в кабинет заходит математичка. Светлана Васильевна — почтенный педагог. Я её уважаю. Вот бывает же так, что учитель тебе нравится, а предмет нет. И наоборот: предмет замечательный, а учитель — тот ещё стервяк. Ну прям как наш физрук, дерущий по три шкуры с учеников и вечно недовольный тем, что у девочек распущены волосы.

— Здравсьте, Светлана Васильевна! — хором приветствуем мы математичку.

— Здравствуйте, садитесь! — отвечает нам учительница, и одноклассники с грохотом плюхаются на стулья. С задней парты раздаётся зевок — кто-то явно не выспался сегодня, играя до часу ночи в Доту или в Майнкрафт.

Светлана Васильевна начинает переключку. Как всегда, пары человек в классе стабильно нет. Это уже традиция — когда кто-то не приходит. У нас даже физик говорит, что если когда-нибудь мы появимся на его уроке в полном составе, то он упадёт со стула.

— Гладкова!

— Здесь! — отзываюсь я на свою фамилию.

Пока математичка продолжает перечислять инициалы одноклассников, замечаю, что новенького в классе нет. Возможно, те восьмиклашки что-то перепутали, и переводится он в «Б», а не к нам в «А». В принципе, мне всё равно. Это меня никак не касается.

Светлана Васильевна закрывает журнал и подходит к доске.

— Записываем сегодняшнее число, — произносит она и берёт в руку мел. — Тема: «Угол между плоскостями. Площадь ортогональной проекции многоугольника».

И в этот момент раздаётся стук в дверь. Все мы как по команде поднимаем головы. В кабинет заглядывает тёмненькая макушка нашего школьного завуча Алевтины Олеговны.

— Здравствуйте, — здоровается с нами завуч, и мы поднимаемся со стульев. — Светлана Васильевна, вы уже начали? Садитесь, садитесь! — машет нам рукой Алевтина Олеговна, и одноклассники со всё таким же, как раньше, грохотом бухаются на места.

— Да, сегодня пораньше, — отвечает математичка. Она права — звонка на урок ещё не было, но тема сегодня достаточно трудная, и потому за два урока нам надо разобрать её «от и до».

— А, ну ничего, — пропуская слова Светланы Васильевны мимо ушей, говорит завуч. — Ребята, у вас пополнение! — обращается Алевтина Олеговна к нам, отчего на третьем ряду с последней парты кто-то смеётся, очевидно, не в том русле истолковав слова завуча. —

Проходи!

Все тотчас устремляют взгляды на дверь. Все, кроме меня. Новенький. Ну и что ж теперь? Встать и в ноги ему кланяться? И почему этим новичкам всегда так много внимания? Ну пришёл и пришёл — учись себе на здоровье.

Закусив губу, вывожу в тетради тему занятия и пытаюсь абстрагироваться от происходящего, но слух, несмотря на мои усилия, всё равно улавливает шаги входящего в кабинет человека. Любопытство внутри закипает. Пытаюсь его унять, но безуспешно. Нерешительно поднимаю голову и вижу рядом с завучем высокого темноволосого парня. Одет он в узкие чёрные брюки и белую рубашку. На ногах у него белые кеды с каким-то рисунком, а на шее — цепочка. Даже с третьей парты несмотря на далеко не идеальное зрение успеваю разглядеть в правом ухе парня серьгу. Неформал? Не похоже. Но всё равно какой-то странный.

Пока завуч о чём-то договаривается с математичкой, новенький с интересом и каким-то сквозящим в его взгляде высокомерием осматривает нас. Одноклассники, почему-то, затихают. И лишь Настя с её не менее лучшей, чем я, подружкой Кирой начинают перешёптываться.

Тут новенький устремляет взгляд на меня, и я чувствую, как сжимаюсь в комок от хлынувшего в мою душу... страха. Мне действительно страшно. И я не знаю, почему.

— Что ж, договорились, — слышу голос завуча сквозь туман мыслей. — Знакомьтесь, ребята: Де...

— Диомид, — резко обрывает новенький Олеговну, отчего та на мгновение замолкает, а потом начинает тараторить:

— Да-да, Диомид Хромов. Ну всё-всё, у меня урок. Располагайся... Диомид, — подчёркивает она голосом имя новенького, но тот смотрит на неё как на дикое животное.

Светлана Васильевна снова разворачивается к доске и начинает писать из книжечки «Дано» и строить чертёж. Я старательно перерисовываю всё в тетрадь, как вдруг чувствую рядом с собой чьё-то присутствие. Поднимаю глаза и... вижу возле своей парты новенького.

— Здесь свободно? — тоном короля спрашивает он, указывая на пустое место рядом со мной.

Не без испуга я смотрю новенькому в зрачки. Секунды мне достаточно, чтобы понять, что это — самый обыкновенный нарцисс, которых на свете пруд пруди. Не хватает мне только с ним сидеть! И почему он остановился возле меня? В кабинете полно свободных мест, так как класс у нас небольшой — всего пятнадцать человек.

Всё это молнией проносится у меня в голове. Чтобы избежать неприятной «ауры» рядом с собой, снимаю сумку с крючка, приделанного сбоку к парте, и ставлю её на соседний с моим стул.

— Занято, — отвечаю новенькому я, отчего у Хромова появляется странная ухмылка на лице. Не говоря ни слова, он отходит и... плюхается за стоящий сзади меня стол.

В эту минуту я готова разорвать кого-нибудь на клочки. Мне противно столь близкое присутствие этого новенького. Казалось бы, он не сделал мне ничего плохого, а всё равно... я его уже не «перевариваю».

За моей реакцией с интересом наблюдают Настя и Кира. Они сидят за второй партой первого ряда и, судя по их едва не ломающимся шеем, им крайне интересно, что происходит у нас с новеньким.

— Итак, кто пойдёт к доске решать задачу? — вырывает меня из раздумий голос

Светланы Васильевны. Кошу взглядом по сторонам. Как всегда, «лес рук». А ведь задача достаточно лёгкая. Значит, надо выходить и решать мне. Одноклассники давно уже «просекли», что я всегда всё учу, и, несомненно, знают, что на меня можно в любой момент взвалить груз ответственности перед учителем. А я и не противлюсь этому. К тому же, лишняя оценка никогда не помешает, и потому я поднимаю руку.

— Пожалуйста, выходи, — говорит математичка, и я не без гордости встаю со стула. Но только вместо меня у доски оказывается... новенький!

От неожиданности я прирастаю к полу. Он что, знает, как это решать? По нему не скажешь! Выглядит он на троечника, причём заядлого. Математичка протягивает новенькому сборник задач, указав пальцем на ту, которую ему нужно решить, а потом удивлённо смотрит в мою сторону.

— Тебе нужно выйти, Эвелина? — обращается ко мне Светлана Васильевна, отчего Хромов оборачивается и с нескрываемым удивлением пялится на меня, будто я сажей размалёвана.

— Н-нет, — заикаюсь я и сажусь на стул. Вот гад! Лишил меня оценки!

— Условие задачи: катеты прямоугольного треугольника равны... — начинает читать новенький, и я чувствую, что сейчас со стороны, наверное, похожа на чайник, из которого вот-вот повалит пар. Прикусываю язык, дабы не сказать чего лишнего. И яростно начинаю записывать за новеньким решение в тетрадь. Ненависть моя к Хромову вырастает в разы. Хочется встать и прибить его прямо у доски.

И тут я замечаю, что новенький допустил ошибку. Не подумав, тяну руку.

— Да, Эля, — отзывается математичка.

— Там ошибка, — со злорадством в голосе произношу я. — В последнем действии сторону CD надо находить через косинус...

— Катет прямоугольного треугольника равен его гипотенузе, умноженной на синус противолежащего или на косинус прилежащего к этому катету угла. У нас известен противолежащий угол, — отвечает мне новенький, слегка поворачиваясь и с презрением глядя в мою сторону.

— Всё верно, Диомид. — Голос математички бьёт меня как обух по голове. — Эля, прочитай внимательно условие. Не спешите решать такие задачи с ходу, лучше подумайте, — обращается ко всем математичка, а я чувствую, как начинают гореть мои щёки. Как же я так опозорилась? Чёрт, этого не может быть!

Чуть не плача, дописываю за новеньким решение. Хочется провалиться сквозь землю. Настроение исчезает, будто бы его и не было. Рука тянется написать смс-ку Мише, но я отбрасываю эту мысль — он сейчас на парах, ему некогда.

— Молодец, садись, «пять», — разрезает тишину голос математички. Новенький кладёт в коробочку мел и, пройдя мимо меня с гордо поднятой головой, занимает своё место.

Остаток урока проходит будто в тумане. Я не могу сосредоточиться на объясняемом нам материале. Чувствую, как новенький сверлит взглядом мою спину. Хочется обернуться и чего-нибудь ему нахамить, но я держу себя в руках. Слишком жирно для Хромова, чтобы я уделяла ему внимание.

Наконец, звенит звонок. Все бросают ручки и тетрадки и с гвалтом выбегают из кабинета. Математичка тоже берёт журнал и уходит вместе с шумящими одноклассниками. Дверь захлопывается, и в кабинете остаёмся только я и... новенький.

Эля

Дописываю решение задачи. Клокочущую во мне злобу не может унять даже очередное сообщение от Миши. Мне надо что-то ему ответить, но мозг копит от негодования и обиды на новенького. Тоже мне, умник фигов!

— Злишься на меня? — слышу я над своим ухом. Поднимаю голову — новенький стоит рядом с моей партой. Пожалуй, стоит ему нагрубить, но я молчу, стиснув зубы.

— Да ладно тебе, подумаешь, ошиблась в задаче. Скажи спасибо, что я тебя спас. А так бы точно «тройку» получила.

От сказанного новеньким я едва не проделываю ручкой дырку в тетради — настолько сильно въедается шарик на конце стержня в клетчатую бумагу. Гневно поднимаю на Хромова глаза.

— Закрой рот, умник блин! — цежу я, неправильно компануя слова. Ну и ладно. Не это главное. Главное доказать ему сейчас, что он для меня никто.

— Вау, ты умеешь ругаться? — улыбается новенький, и улыбка эта ставит меня в ступор. Что смешного я сказала?

Всеми силами призываю себя замолчать. Но я от природы достаточно резкая с теми, кто чем-то меня задевает. Задевает без почвы, необоснованно.

— Слушай, а не пойти бы тебе куда подальше? На перемену, например? — черню я новенького словами. Но вопреки моим ожиданиям на лице того не видно ни намёка на огорчение или разочарование.

— А я не думал, что ты такая дерзкая, — внезапно наклоняется ко мне новенький, отчего я роняю ручку на парту. — Мне это нравится.

Вижу перед собой горящие чёрные глаза Хромова и чувствую разливающуюся волну дрожи по телу. Что это со мной?

За дверью слышится гомон из знакомых голосов одноклассников, и прежде чем я успеваю сориентироваться, новенький отходит от меня. Через пару мгновений в кабинет вваливаются одноклассники и не без интереса пялятся на нас с Хромовым. Но я с хмурым лицом вывожу на полях тетради карандашом какие-то закорючки, а новенький, вполне себе спокойный, раскачивается на стуле.

В конце второго урока к нам заходит наша классная. Виктория Сергеевна преподаёт у нас русский и литературу. Обсудив что-то с химичкой, она приближается ко мне.

— Эля, ты помнишь о своём выступлении на концерте в честь Дня школы? — говорит мне она.

Я растерянно хлопаю глазами. На самом деле я уже про это забыла. Так уж сложилось, что ещё с начальной школы я начала петь. Меня приглашали выступать на любой концерт, сольно или в хоре — не было разницы. Лишь бы я присутствовала на сцене и «украшала её собой», как когда-то сказала Ольга Петровна, наша директриса. Перед осенними каникулами учительница музыки, Софья Николаевна, рассказала мне о предстоящем концерте и дала разучивать новую песню, предупредив, что репетиции начнутся за три дня до концерта. Время пролетело незаметно, концерт уже через десять дней, песню я не выучила, а мозг мой будоражит странное ощущение: мне кажется, будто то, что говорит мне сейчас классная, я впервые слышу... А всё из-за этого новенького! Распушил тут хвост, павлин...

— Эля? — вопросительно смотрит на меня классная.

— Я помню, — отрываясь от раздумий, вру я.

— Тогда не забудь сегодня зайти сегодня к Софье Николаевне. После шестого урока.

— Хорошо, — отвечаю я и, немного скосив глаза в сторону, вижу, с каким любопытством наблюдает за мной новенький.

— А ты у нас, оказывается, артистка, — шепчет он мне в спину, когда классная уходит из кабинета. — По тебе и не скажешь.

— Заткнись! — шикаю я на Хромова, из-за чего получаю в свой адрес слегка недовольный взгляд химички.

На третьем уроке — уроке русского языка — Виктория Сергеевна объясняет нам материал, который точно пригодится на предстоящем летом экзамене. Принуждаю себя забыть на пару минут о новеньком и внимательно вслушиваюсь в слова классной, как вдруг на мою парту прилетает скомканный листик бумаги.

Пялюсь на бумажку как будто на упавший из космоса метеорит. Осторожно поворачиваюсь и вижу смеющееся лицо Хромова. Глазами он указывает на листок.

Хмурясь, вновь устремляю взгляд на классную. Листик по-прежнему лежит на парте. Закусываю нижнюю губу до боли, но в итоге не удерживаюсь и незаметно для одноклассников и Виктории Сергеевны хватаю бумажку и разворачиваю её. Довольно-таки неплохим для парня почерком на ней написано:

«Русалочка, а, если не секрет, у тебя есть принц?»

Глаза мои едва не вылезают из орбит не то от странного обращения ко мне, не то от разливающегося от этой бумажки хамства. Какая я ещё тебе Русалочка? Обнаглел или как?

«Отвали», — пишу я ниже крупными печатными буквами и, повернувшись, швыряю Хромову бумажку чуть ли не в лицо.

— Эвелина! — слышу строгий голос пожилой классной, которая, вероятно, запалила меня. — Что-то случилось?

— Н-ничего, — бормочу я. Под партой собираю кисть в кулак и трясусь им. В спину мне тут же доносится смешок. Вот же гад!

К счастью, следующие два урока у нас — технология. На ней мы занимаемся по отдельности — девочки на первом этаже, мальчики на втором. Чувствую себя гораздо лучше — теперь никто не сверлит мою спину и не кидает мне написанную на бумажке чушь. Однако и на «девчачьем» уроке новенькому находится место. Полтора часа я слушаю бубнёж одноклассниц, которые обсуждают чуть ли не все клетки тела новенького. Не выдержав, достаю наушники и, несмотря на брошенный на меня полный удивления взгляд учительницы технологии, сижу в них до конца второго урока.

Эля

Учебный день медленно подкрадывается к своему концу. На урок истории я прихожу со звонком. На перемене Настя не отлипала от меня и все уши прожужжала об этом новеньком. У меня чесался язык сказать Ерёминой, что Хромов — обычный нарцисс, ничего не стоящий, однако Настя не умолкала ни на минуту, из-за чего я просто физически не могла встрять в её «пламенную» речь.

Наша историчка, Тамара Львовна, — довольно интересная особа. Она ужасно любит поговорить на тему и не по теме. И даже без темы. Несмотря на это, историю и обществознание Лаврухина знает «от и до», чего вовсе нельзя сказать обо мне. Я терпеть не могу заучивать даты, а именно их болтливая историчка и дерёт со всех учеников. По истории и обществознанию у меня твёрдые пятёрки, хотя каких трудов мне стоит их получать — кто бы знал.

Когда мы занимаем свои места, любопытный взгляд исторички тотчас приклеивается к новенькому. Дождавшись тишины и поздоровавшись с нами, Тамара Львовна садится за учительский стол и проверяет наше присутствие по списку.

— Хромов, Хромов... — бормочет она, явно не припоминая такой фамилии. Историчка ведёт у нас предметы уже пятый год, и потому фамилия новенького ей, очевидно, не знакома.

— Хромов Диомид, — старательно выговаривает историчка имя новенького, отчего я морщусь — слишком много внимания этому нарциссу. — Это ты? — обращается она к новенькому.

Хромов молча кивает головой. Но так как историчка любит «побазарить», подобный ответ её не удовлетворяет.

— Ты новенький? Из какой школы перешёл?

— Из тридцать седьмой, — сухо отвечает Хромов. Надо же, а ведь эта школа находится не так далеко от нашей, думаю я. Минут двадцать ходьбы пешком.

— А как ты учился? — спрашивает историчка.

— Как и все — по учебникам, — хмыкает новенький, отчего на третьем ряду кто-то смеётся, прикрываясь кулаком.

Глаза у исторички лезут на лоб, около двадцати секунд она молчит. А я думаю про себя: Хромову пальца в рот не клади. Он единственный за всё это время, кто смог заставить историчку замолчать. Но ненадолго.

— И куда же ты собираешься поступать, Диомид, если не секрет? — продолжает пытаться нахального новенького говорливая Тамара Львовна.

— На биофак, — отвечает ей Хромов так, будто он уже зачислен в вуз давным-давно. С «Камчатки» слышится пара смешков.

Я недоуменно хлопаю глазами. Он что, шутит? На биологический факультет могут поступить только сильнейшие и лучшие в своём деле ученики! Я не понаслышке знаю, какой жёсткий отбор осуществляет приёмная комиссия. Моя мама преподаёт в институте ботанику и каждый год рассказывает мне о том, как непросто поступить в вуз. Поэтому я ещё со средней школы начала усиленно готовиться ко вступлению во взрослую жизнь. Накупила себе книг по зоологии, генетике, медицине и зачитывалась ими до поздней ночи. Но как,

интересно мне знать, собирается поступить на биофак новенький? Допустим, в математике он шарит, хотя я думаю, что успешно решённая им задача — чистая случайность. И не более!..

— Наверное, у тебя там кто-то работает, не так ли? — не без доли иронии спрашивает Хромова историчка.

— Нет, Тамара Львовна, никто у меня там не работает, — с не меньшей по уровню долей цинизма цедит новенький. — В отличие от большинства поступающих, у меня нет блага. Хотя я прекрасно знаю, что дети тех, у кого родители преподают в институте, проходят туда без особых проблем.

От неожиданности у меня глаза вылезают на лоб... Новенький только что прилюдно, сам того не зная, оскорбил меня! И хотя все одноклассники в курсе того, кем работает моя мама, они никогда не позволяют себе каких-либо двусмысленных шуток в мой адрес по этому поводу.

Чувствую, как внутри меня закипает злость. Около десяти секунд борюсь с тем, чтобы не начать перепалку, но в итоге не выдерживаю.

— На биологический факультет с лёгкостью поступают только те, кто успешно сдал экзамены и набрал достаточное количество баллов, — чеканю я, поворачиваясь к новенькому. Брови того от удивления ползут вверх, придавая его лицу забавное выражение. Но глаза, несмотря на это, серьёзны.

— На биологический факультет с лёгкостью поступают только те, у кого папа-мама — преподы, — отвечает мне Хромов. От такого хамства я даже забываю, где нахожусь.

— Это наглая ложь! — парирую я, злобно глядя в глаза новенькому. Такие глубокие, томные. Новенький замечает это и, к моей большей неожиданности, наклоняется через всю парту ко мне.

— А почему тебя это так беспокоит? — выдыхает он мне прямо в лицо, и я чувствую себя поверженной. — У тебя что, кто-то из родителей работает в институте?

В классе стоит гробовая тишина, и даже болтливая историчка не подаёт голоса. Воздух раскаляется, кажется, что сейчас температура в кабинете близится к тысяче градусов по Фаренгейту.

— Не твоё дело! — буркаю я, наконец, и отворачиваюсь. Тратить нервы на этого придурка — пфф, делать мне больше нечего! Перевожу взгляд на Настю — та удивлённо хлопает длинными накладными ресницами. За эти четыре часа я поняла, что Ерёмина «прониклась» симпатией к новенькому. Да что уж симпатией — она откровенно сохнет по смазливому «личичку» Хромова. Взгляд Насти слегка непонятен — то ли она сочувствует мне, то ли радуется тому, что я ненавижу новенького с каждой секундой всё сильнее и сильнее.

— Я совсем не удивляюсь тому, что ты так разволновалась, — доносится мне в спину голос Хромова, окрашенный нотками самодовольства. — Просто ты выглядишь как дочка препода. Меркантильная, сухая и бесчувственная.

И тут мой мозг окончательно взрывается. В первое мгновение я даже не могу сказать и одного слова. Просто поворачиваюсь к новенькому и вновь встречаюсь с его насмешливым взглядом. Он смотрит на меня так, будто я какое-нибудь быдло и ничего не значу в жизни. Мысленно приказываю себе замолчать, но потом, обдумав за пару секунд происходящее, что есть силы кричу:

— Ты что себе позволяешь, нарцисс фигов? Ты кого из себя возомнил? Засунь-ка свои

мажорские выходки куда подальше!

— Ничего себе, хорошая девочка умеет ругаться так, что из ушей льёт кровь? Неожиданно, — произносит новенький так, будто бы ничего не произошло. И это начинает бесить меня ещё сильнее.

— Да пошёл ты! — вновь кричу я, но вместо малейшего намёка на чувство вины получаю от Хромова очередную порцию смеха, смешанного с наглостью.

— Ну надо же, — хохочет он.

— Придурок! — опять завожусь я, но мою речь обрывает голос исторички:

— Так, Хромов, Гладкова! Ну-ка быстро вышли из кабинета! И к директору, живо! Не хватает мне тут ещё, чтобы вы подрались!

Я вскидываю на историчку слезящиеся глаза, и хотя Тамара Львовна — добрейшей души человек, очевидно, что ей не понравилась наша перепалка. Пожалуй, я погорячилась так наезжать на новенького. Но он первый начал! Проходя мимо стола исторички, кошу взглядом в её сторону. Но, вопреки моим ожиданиям, вижу в глазах Тамары Львовны только ледяную мглу безразличия к моей беде.

— Я открою, — слышу голос новенького позади себя. Хромов пытается перегородить мне дорогу, чтобы открыть дверь, но я успеваю раньше его коснуться ручки и, резко нажав на неё, распахнуть дверь и выйти в коридор.

Игнорируя присутствие новенького, с гордо поднятой головой иду по коридору. Мне нужно спуститься с четвёртого этажа на третий. Постепенно страх проходит. Ольга Петровна, директор моей школы, ценит и уважает меня как порядочную и трудолюбивую ученицу. Зайду сейчас к ней первой и всё ей объясню, а уж потом пусть она сама разбирается с этим Хромовым и профилактирует его.

— Чего надулась, Русалочка? — доносится вдруг мне в спину, и я останавливаюсь прямо посреди коридора как вкопанная. Резко оборачиваюсь. Новенький стоит в паре шагов от меня.

— Не смей меня так называть! — гневно отвечаю я. Что за глупые прозвища? Нам не по пять лет! — И вообще не приближайся ко мне даже на пушечный выстрел!

— Пушечный выстрел — это сколько? — спрашивает новенький, делая ко мне шаг, отчего расстояние между нами сокращается.

— Загугли! — бросаю я ему и семеню на каблуках к лестнице. Новенький следует за мной по пятам. Какой же он всё-таки... придурок! Типичный такой мажор, думающий, что он пуп земли и что ему всё дозволено.

Решительно подхожу к кабинету директора и стучу в дверь. Ответа нет.

— Что, Русалочка, не открывают? — слышу ехидный голос рядом с собой.

Молчу, сопя как бык перед красной тряпкой. Потом решительно нажимаю на ручку и заглядываю в кабинет. Никого. Прежде чем мозг успевает трезво подумать, захожу внутрь и захлопываю дверь прямо перед носом у новенького.

В кабинете Ольги Петровны чисто и уютно. Здесь всего одно окно, но в помещении, несмотря на это, светло. На столе у директрисы стоят компьютер, принтер, керамическая фигурка в виде слоника, баночка с ручками и карандашами, а рядом — целая гора каких-то папок с документами, которые Ольге Петровне приходится просматривать и изучать каждый день. Нелёгкая всё-таки у неё работа.

Мысли мои прерывает звук открывающейся двери. Поворачиваю голову в надежде, что это Ольга Петровна, но нет. Это новенький.

— Немедленно выйди отсюда! — шикаю я на него. Но Хромов игнорирует меня и садится рядом на стул.

— Почему это я должен выйти? — отвечает он мне, засучивая рукава рубашки и оголяя накаченные мускулистые руки с синей сеткой вен. — Я кому-то мешаю? Директрисы здесь нет. Или она стала невидимой?

Шутки новенького застигают меня врасплох. Я даже не знаю, что мне следует ответить. Пытаюсь отвести от Хромова глаза, но взгляд против воли приклеивается к венам на его руках. В свете сверкающего на улице солнца серьга в ухе новенького переливается всеми цветами радуги.

— Нравится? — спрашивает вдруг новенький, сжимая кисть в кулак, отчего сосуды на его руке наливаются кровью и выступают под кожей в виде тонких петель.

— Да иди ты! — восклицаю я, принуждая себя отвернуться. Хотя мне было доли секунды достаточно, чтобы оценить красоту рук Хромова. Всё-таки не у каждого есть такие рельефные контуры. У Миши, например, почти совсем не видно сосудов под кожей. Ростом Изотов с меня, да и особой стройностью не отличается. Новенький же выше меня головы на полторы. И со спортом явно дружит.

— Почему ты нервничаешь, Русалочка? — слышу прямо над ухом голос Хромова. — Я тебя раздражаю?

— Да, — вскрикиваю я, — раздражаешь!

— А вот ты меня нет, — доносится до меня ответ, и внутри всё замирает.

Поворачиваю голову в сторону новенького и едва не сталкиваюсь лоб в лоб с ним. Даже успеваю почувствовать его горячее дыхание у себя на щеках.

Не подумав, вскакиваю и несусь к двери, но Хромов перегораживает мне дорогу.

— Пропусти! — грозно приказываю я, но вместо этого новенький «наступает» и в одно мгновение «припечатывает» меня к стене.

— В чём дело, Русалочка? — ухмыляется он с видом победителя.

— Отойди сейчас же! — всхлипываю я, но новенький не двигается.

— Послушай меня, — начинает он спокойным тоном. — Я не собираюсь с тобой воевать, хотя если ты так этого хочешь, то пожалуйста. Но знай — я предпочитаю поддерживать нейтралитет. До поры до времени, — добавляет он, и лицо его приобретает оттенок насмешки. — Обещаю, что ты сама решишь, дружить тебе со мной или нет, но лишь в том случае, если ты разгадаешь мою тайну. Самую главную, а у меня их, поверь, очень, очень много.

Хлопаю глазами как маленький котёнок при виде бабочки. Он предлагает мне какую-то сделку? Что за бред?

— Ну а если я не хочу разгадывать твои тайны? — парирую я.

— В таком случае тебе придётся сдаться на милость победителя, потому что у тебя, Русалочка, нет шансов.

Слова звучат угрожающе. Меньше всего мне хочется в первый раз в жизни получать втык от директрисы и ругаться с каким-то придурком. Но, видимо, у жизни свои планы. И они явно не совпадают с моими.

— Если я узнаю твой секрет, то ты больше ни на шаг ко мне не подойдёшь, — со всей серьёзностью заявляю я.

— Договорились, — произносит новенький; голос его звучит как-то иначе.

— А теперь пропусти, — повторяю я в который раз.

— Не-а, — отвечает новенький и сильнее смыкает пространство вокруг меня.

— Что значит «не-а»? — возмущённо восклицаю я.

— Ты согласилась разгадать мою тайну, но в нашем уговоре не было ни слова о том, что я не могу теперь с тобой общаться. Чтобы узнать тайну человека, напротив, надо проводить с ним больше времени.

— Ты не охренел, а? — взвизгиваю я, но новенький тут же прикладывает свой палец к моим губам.

— Тсс, хорошие девочки так не ругаются, — шепчет он, и голос его звучит глухо. — Ты же хорошая девочка, не так ли? — спрашивает Хромов, и я вижу, как его розовые, слегка пухлые губы движутся в направлении моих...

— Эля? — слышу я голос со стороны и, повернувшись, вижу в дверях Ольгу Петровну. Директриса удивлена донельзя. Ну ещё бы: заходишь к себе в кабинет, а там посторонние, да ещё и в таком положении!

— Здравсьте, Ольга Петровна, — лепечу я и выныриваю из-под рук новенького. — Нас к вам прислала Тамара Львовна...

— Что на этот раз? — спрашивает директриса. Я вдыхаю побольше воздуха, чтобы всё рассказать и реабилитироваться, как вдруг новенький прерывает меня.

— Она прислала нас к вам с просьбой о том, чтобы мы пошли домой, так как на уроке нам делать нечего — мы слишком сообразительные.

Мои глаза округляются до пределов возможного. Очки у директрисы от удивления едва не слетают с носа. Ольга Петровна явно не ожидала такого хамства. Я же готова прибить Хромова здесь и сейчас.

— Всё паясничает, Диомид? — сурово спрашивает новенького Ольга Петровна. — Твоя мама — замечательный педагог, а ты так себя ведёшь! Тебе не стыдно?

Вылупляю глаза на Хромова. Кажется, он сконфужен. Его мама — учитель? Или же преподаватель в вузе? В голове проносится миллион вопросов. Сам на меня говорит, что я дочь преподавателя, я за себя-то забывает!

Я злорадствую. Теперь у меня есть, чем насолить этому противному «фрукту».

— Виноват, Ольга Петровна, — произносит новенький наконец. — Мы с Элей поссорились немного. Постараемся исправиться.

— Идите уже, — милостиво машет рукой директриса — ей явно не до нас.

— Спасибо, — бормочу я и, обескураженная уверенностью новенького, выхожу из кабинета.

— Ну как ты? — спрашивает меня Хромов, закрывая отворённую им ранее для меня дверь.

— Отстань, — бросаю я ему, идя вперёд и шатаюсь, будто пьяная. Тело помнит близость новенького и почему-то, против воли мозга, пытается воссоздать ту картинку в мельчайших подробностях.

— Не обижайся, Русалочка, — подходит ко мне новенький, но я не поднимаю на него глаз. Потом вдруг осознаю, что сейчас узнала чрезвычайно важную информацию о Хромове, и останавливаюсь посреди коридора.

— Твоя мама — учитель. Ну или же преподаватель, — твёрдо начинаю я. — Это и есть твоя «большу-ущая» тайна, — нарочно тяну я слова и гордо закидываю голову, будто я Юлий Цезарь.

— Моя мама — учитель начальных классов в другой школе, — смеясь, отвечает мне

Хромов. — И в этом нет никакого секрета. Ты ошиблась, Русалочка. Это далеко не главная моя тайна. Но у тебя ещё есть шансы. Я сегодня добрый, — наклоняется к моему лицу новенький, но я отскакиваю от Хромова как от огня.

— Ты ужасен, — выдавливаю я из себя и, оставляя новенького одного, спешу в класс.

Диомид

Уроки заканчиваются. Первый день в школе вызывает у меня массу новых эмоций. Я даже не знаю, как стоит реагировать на происходящее. Особенно на ту неприязнь, которую выказывает по отношению ко мне... Эля. Что ж, ничего. У меня уже есть план. И я ни за что не отступлю от него.

Ведь всё только начинается.

Несмотря на жгучее желание как можно быстрее осуществить задуманное мною, я понимаю, что надо действовать в точности с намеченной схемой. Поэтому после шестого урока я без труда нахожу кабинет музыки на первом этаже и, долго не церемонясь, захожу туда.

К моему великому счастью, Эля сидит в гордом одиночестве. Перед ней лежат какие-то листики, вероятно, с текстами песен. Учителя музыки не видно. Что ж, отлично. Приступим.

— Чем занимаешься, Русалочка? — спрашиваю я девушку, которая даже не заметила, как я вошёл в кабинет.

Эля испуганно отрывает голубые глаза от бумаги.

— Ты что здесь делаешь? — восклицает она.

— Как что? — пожимаю я плечами. — Знакомлюсь с нашими учителями, или мне кто-то это запретил?

Лицо Русалочки приобретает растерянное выражение. Ну ещё бы: ведь Эля не может мне ничего возразить. Я новенький, а у новеньких, как известно, свои привилегии.

— Как успехи с разгадыванием тайны? — спрашиваю я Элю и сажусь рядом с ней, но та резко вскакивает и уходит в самый дальний угол кабинета.

— Ты меня слышишь или нет? — говорю я, когда Эля ни единым словечком не реагирует на мой вопрос.

— Не глухая, — угрюмо буркает себе под нос Русалочка и отворачивается. Я смеюсь. Она такая забавная. И повадки всё те же...

— Почему ты такая недовольная? Я что-то не так сделал? — обрывая собственные мысли, спрашиваю я Элю и подхожу к ней.

— Ты всё делаешь не так! — кричит она и поворачивается ко мне. — Что ты вообще за человек?

— Обычный, — усмехаюсь я. — Ни больше, ни меньше.

— Ага, конечно, — передразнивает меня Эля и идёт обратно к парте, где разложены листки. Садится и, обхватив голову руками, начинает делать вид, что читает текст. Я смотрю на Русалочку со спины. Какая она всё-таки милая, несмотря на её «выкидоны». Хочет казаться крутой, а на деле такая... беззащитная.

— Кстати, ты не ответила на мой вопрос, — начинаю я, вновь приближаясь к Элиной парте. — У тебя есть принц?

Эля поднимает на меня глаза; они сверкают неподдельной злостью.

— Есть! — кричит она так, что её голос на мгновение оглушает меня. — Ещё вопросы?

Почему-то чувствую, что сердце будто иголкой укололи. Как странно. Призываю себя отбросить это ощущение и, ухмыльнувшись, продолжаю пытаться Русалочку:

— Одноклассник?

— Не твоё дело!

— Да ладно тебе, чего стесняешься? Я никому не расскажу, — тихо добавляю я, наклоняясь к самому лицу Эли, как вдруг дверь хлопает и в кабинет заходит женщина в клетчатом синем платье.

— Здравствуйте, — здороваюсь я, должно полагать, с «музычкой».

— Здравствуй, — отзывается учительница. — Ты новенький?

— Да, а откуда вы знаете? — удивляюсь я.

— В учительской о тебе говорили. Де... Дио...

— Диомид, — перебиваю я женщину, боясь своего «краткого» имени, будто оно проклятое.

— Хорошо, меня зовут Софья Николаевна. Тебе выдали учебник по мировой художественной культуре?

— Да, — отвечаю я.

— Замечательно. Рада с тобой познакомиться.

— Я тоже, — говорю я и вдруг вываливаю то, что совсем уж не ожидаю от себя услышать: — А можно я послушаю, как поёт Эля?

«Музычка» смотрит на меня как-то неопределённо. Русалочка же в этот момент, кажется, хочет меня растерзать.

— Отчего же нет, оставайся, — говорит учительница, и теперь Русалочка готова растерзать ещё и её.

Дабы не нервировать Элю, сажусь на последнюю парту. Подперев щёку кулаком, наблюдаю за девушкой. Она... волнуется? «Музычка» включает минусовку песни, и после небольшого проигрыша Эля начинает петь...

Из моих глаз выступают слёзы. Как же, чёрт возьми, красиво она поёт... Я бы, наверное, жизнь отдал за то, чтобы слышать этот голос вечно... Но такого не будет. Ибо моя цель совершенно другая.

Под наплывом чувств я не дожидаясь конца песни и, махнув «музычке» рукой на прощание, выхожу из кабинета. Схватив куртку, выбегаю на улицу и втягиваю в себя холодный ноябрьский воздух. Вытираю с щёк выкатившиеся из глаз слёзы и, не застегнув куртку, убегаю из этой школы, в которой я никак не ожидал встретиться со своим прошлым.

Эля

Утро следующего дня у меня не задаётся сразу. Я едва не опаздываю на урок биологии, которую у нас ведёт не менее своенравная, чем физрук, женщина лет пятидесяти пяти. Светлана Михайловна — довольно требовательная учительница. От неё поблажек можно не ждать. Хотя меня, в принципе, биологичка устраивает. По крайней мере, на её уроках всегда всё справедливо. Она не «натягивает» оценки, но и не занижает их тому, кто, в силу каких-то обстоятельств, несколько плохо ориентируется в материале, хотя до этого показывал хорошие результаты. Ребята недолюбливают Светлану Михайловну. Многим из них биология «не даётся», особенно задачи по генетике и прочая, как выражаются одноклассники, «мура».

Несмотря на опоздание, отмечаю про себя, что новенький ещё не пришёл. По его поведению с уверенностью можно заявить, что он — отсталая личность и прогульщик. Однако на деле получается так, что Хромов — чуть ли не отличник. Вот же бред!

Одноклассники затихают, когда в кабинет заходит Светлана Михайловна. Поздоровавшись с нами, биологичка направляется в лаборантскую за учебником и прочей учительской атрибутикой. Пока Назарова возится там, в кабинет спокойным размеренным шагом заходит новенький. Никого не поприветствовав, он садится позади меня.

— Доброе утро, Русалочка, — обращается он ко мне негромко. Я не поворачиваюсь. После вчерашнего я зла на новенького как чёрт. Так опозориться перед директрисой! Ужас просто! Я весь день была сама не своя, уроки дома сделала как зря... Если Хромов думает, что ему удастся «приклеиться» ко мне, то напрасно. И дело даже не в Мише, а в том, что я не потерплю рядом с собой таких избалованных «золотых» детишек.

— Итак, ребята, сегодня у нас с вами лабораторная работа, — отрывает меня от раздумий голос Назаровой. — Открывайте «конец» учебника и ищите в списке номер пять.

От слов биологички морщусь, как будто только что съела лимон. Даже на языке успеваю ощутить неприятную кислинку. Какая лабораторная? На прошлом занятии Назарова нам ни слова не сказала об этом. Что ж за напасть-то такая, а!

Не без досады открываю учебник, но тотчас понимаю, что переживания мои беспочвенны. Текст лабораторной выглядит довольно понятно, и её название несколько не пугает меня. Всего-то надо изучить морфологический критерий вида — легко, не правда ли? Однако одноклассникам поставленная задача кажется невероятно трудной — это можно сразу понять по прокатившемуся по рядам недовольному шёпоту и печальным вздохам. Осторожно кошу глазами в сторону новенького. Лицо того по-прежнему не выражает никаких эмоций, кроме самодовольства.

Светлана Михайловна выносит из лаборантской продолговатые коробочки советских времён. В таких обычно хранят гербарии. Биологичка проходит по рядам и раздаёт по одной коробочке на каждую парту. Поравнявшись с новеньким, она говорит:

— Сядь сюда. — И указывает глазами на... мою парту!

В виски мне ударяет кровь. Я, конечно, понимаю, что у нас в кабинете биологии дефицит всякого рода вещей, добытых с научной целью. Но не до такой же степени!

— Не стоит, — подаю я голос. И зря. Биологичка оглядывается и смотрит на меня как Ленин на буржуазию.

— Тогда ты будешь рада получить за работу «два», Гладкова, не так ли? — произносит

ледяным тоном Назарова. — Если это тебя устраивает, можешь вообще выйти из кабинета, — продолжает она, и я сжимаюсь в комок, осознав, что натворила...

— Она шутит, Светлана Михайловна, — перебивает вдруг биологичку новенький и резво пересаживается за мою парту. Назарова тотчас сменяет гнев на милость, кладёт между нами коробочку с гербарием и уходит к доске. Новенький засучивает рукава голубого свитшота, протягивает тонкие мускулистые руки к коробочке и снимает с неё крышку. Сквозь туман от подступивших слёз успеваю разглядеть на дне коробки какие-то высушенные части растений, очевидно, клевера.

— Скажи спасибо, Русалочка, что я тебя снова спас, — слышу тихий голос Хромова. Поворачиваю к нему голову. Новенький не смотрит на меня, но я вижу, как его глаза то и дело косят в мою сторону. Я же напрочь забываю об окружающих меня одноклассниках и о Назаровой и плююсь на серёжку новенького как на какую-нибудь драгоценность или антиквариат.

— У вас остаётся тридцать минут! — слышу грозовой голос биологички и поднимаю на Светлану Михайловну испуганные глаза. Та многозначительно смотрит в мою сторону. Сглотнув нервный комок, тяну руки к коробочке, как вдруг ладони новенького накрывают мои...

— Молчи, Русалочка, — шепчет мне Хромов, и наши глаза встречаются. На мгновение мне кажется, что из этой манящей глубины исчезли нотки наглости и самолюбия. Буравлю взглядом лицо новенького. Он и правда очень красив. Неудивительно, что на него заглядываются все одноклассницы... Стоп, Эля! Хватит уже... Очнись!

Выдёргиваю руки из тёплых кистей Хромова и вовремя — к нам подходит биологичка и «сканирует» суровым взглядом меня и Диомида. Боясь очередного втыка, спешно пишу в тетради название лабораторной работы. Перечерчиваю таблицу и начинаю её заполнять. Но в голову ничего не лезет. Мозг словно не понимает, что ему надо сделать, а глаза, против воли, скользят по лежащим на парте обнажённым рукам новенького...

— Через пять минут сдаём работы! — слышу голос биологички и едва не подскакиваю на стуле. У меня не заполнено и трети таблицы! Что же делать? В отчаянии смотрю по сторонам — урок уже заканчивается, все собирают тетрадки и учебники в рюкзаки, а я будто бы только услышала задание!

— В чём дело, Русалочка? — слышу я голос новенького, вновь выкрашенный во все оттенки хамства.

— Отвяжись! — буркаю я. Это он во всём виноват! Он меня отвлекает, раздражает, бесит и ещё много всякого в этом роде...

— Переписывай быстрее, — вдруг говорит Хромов и подкладывает свою тетрадку под мою. Я от неожиданности чуть не падаю под парту. Перевожу взгляд на Хромова, но тот смотрит куда-то в сторону. Пытаюсь изогнуться сильнее, но всё равно ракурс, который принял новенький, таков, что я ни при каких обстоятельствах не увижу лица Диомида сидя. Хочется встать, но очередного нагоняя от биологички мне не нужно. Пока я переписываю текст, Хромов сидит неподвижно и ни на кого не смотрит. Что это с ним? Как странно...

Дописываю таблицу даже не пытаясь перестроить фразы и предложения новенького. В тот момент ловлю себя на мысли, что Хромов пишет по делу, лаконично и вместе с тем ёмко. Похоже, не такой уж он дурак, каким я его посчитала.

Успеваю сдать тетрадь точно со звонком с урока. Не видя ничего перед собой, сгребаю в сумку лежащие на парте принадлежности. Выхожу из кабинета последней. Одноклассники

уже разбежались кто куда. Закрываю дверь и вдруг слышу за собой:

— Будешь мне должна, Русалочка.

Оборачиваюсь. Новенький?..

Эля
Новенький?..

— Что? — бормочу я, не до конца осознав смысла ситуации.

— Будешь мне должна, Русалочка, — ухмыляется Хромов и подходит ко мне. — Долг платежом красен, забыла?

Хищный взгляд новенького вгоняет меня в панику. Вновь против воли мозга начинаю изучать красивое лицо Хромова. Острые скулы, пухловатые губы, чёрные, как угли, глаза — разве бывают на свете такие красивые люди? В ту минуту почему-то вспоминаю о Мише и, кажется, краснею вся — от ушей до пяток. Спешу отойти от новенького. Мне никак нельзя находиться рядом с ним. Ведь я с первого дня решила его ненавидеть. Что же мешает мне осуществить этот план? То, что новенький — самый симпатичный парень из тех, кого я когда-либо встречала, не делает его лучше. Мне кажется, что душа у Хромова гнилая. А сердце холодное и чёрствое.

Остаток дня проходит будто во сне. Хорошо ещё, что у меня много оценок по русскому и алгебре. Меня не вызывают к доске, и я этому несказанно рада, ибо я просто «отсутствую» во время занятий. На последнем уроке мне приходит сообщение от Миши. Изотов пишет, что будет ждать меня возле школы, так как пары у него уже закончились. Я искренне радуюсь этому и будто пробуждаюсь от тяжёлого сна. Но несмотря на это мысли о новеньком никуда не деваются. Прогоняю их словно стаю назойливых комаров или мух. Однако ничего не меняется. На английском, не дожидаясь звонка, незаметно от англичанки начинаю складывать учебники в сумку. И как только в коридоре раздаётся знакомая трель, я со всех ног несусь прочь от того, что так сильно манит к себе, но не принесёт мне ничего, кроме несчастья.

Я резво надеваю куртку, переобуваюсь и спешу выйти из школы. Сегодня устала так, будто вместо шести уроков у меня их было двадцать. Спускаюсь по порожкам и озираюсь по сторонам. Тут же замечаю невдалеке Мишу и машу ему рукой.

Миша подходит ко мне и ненавязчиво обнимает. Слишком ненавязчиво.

— Как твои дела? — спрашивает он, когда мы выходим за пределы школьной территории.

— Да нормально, — отвечаю я — язык у меня чешется рассказать Мише о новеньком. Около двух минут мы идём молча, но в итоге я не выдерживаю: — Ты представляешь, у нас в классе...

— А мы сегодня лягушку вскрывали, — перебивает меня Миша на полуслове.

— Ого, здорово, — растерянно произношу я. — Так вот, у нас в классе...

— Девчонки как резаные визжали, — не слышит меня Изотов. — Препод им втык делает, а им всё равно...

— Дай же ты выговориться девушке, в конце концов, малявка, — раздаётся позади нас голос, и я чуть не падаю на асфальт от резкого торможения.

Это он!

Мы с Мишей оборачиваемся. Новенький стоит перед нами, запустив руки в карманы узких брюк. Волосы его трепет ветер. Глаза Хромова горят как-то по-другому. Выглядит он крайне раздражённо.

— Это кто? — спрашивает у меня Миша, даже не понимая ситуации.

— Одно... классник, — бормочу я, пытаюсь сдержать в себе готовый вырваться крик. Опять новенький! Он что, преследует меня? Этого ещё не хватало! Надо что-то предпринять, но я внезапно теряюсь. Миша с удивлением смотрит на Хромова. Последний сверлит Изотова каким-то ядовитым взглядом.

— Что тебе нужно, чего ты лезешь к нам? — по-детски начинает, наконец, Миша, и я замечаю, как в глазах его сверкает страх. Неудивительно. Миша — очень тихий, и драться, скорее всего, не умеет.

— Ты зачем перебиваешь девушку? — повышает голос новенький, и я пугаюсь промелькнувшей в голове мысли о том, что в данный момент Хромов... прав. — Неужели трудно дослушать предложение из пяти слов?

На щёках у Миши появляются алые пятна — не то от смущения, не то от злости.

— Какое твоё дело? — буркает Миша. — Отвали! — вдруг восклицает он и ткает обеими руками Хромова в его мощный корпус. Вопреки ожиданиям Изотова, новенький всё также стоит на месте, даже не шелохнувшись.

— Зря ты это, — тихо говорит Хромов и внезапно толкает Мишу так, что тот летит метра на три назад и не слишком удачно приземляется на собранный утром местным дворником ворох листвы.

Я от неожиданности даже не могу слова сказать. Миша барахтается в куче листьев, пытаюсь встать, а новенький с презрением смотрит на него.

— Дорасти сначала, чтобы драться, мелюзга, — произносит Хромов сквозь зубы и, резко развернувшись, уходит, оставляя нас одних. С минуту мы с Мишей растерянно смотрим ему вслед.

— Тебе очень больно? — спохватываюсь я и тяну Мише руку. — Сильно ушибся? — Однако Миша не отвечает на мои вопросы. Поднимается, потирая левое бедро, с земли и... уходит, ничего мне не сказав.

В первое мгновение мне хочется броситься вслед за Изотовым. Но ноги будто вросли в асфальт. Я же не виновата в том, что новенький решил устроить драку! Хотя косвенно я замешана в этом тоже... Что нужно, в конце концов, этому нахалу? Пусть катится на все четыре стороны, подальше от меня! Нужен он мне больно был!

Обида на новенького, на Мишу и на саму себя сжимает грудь. Мне не хватает воздуха, я чувствую, что вот-вот разревусь. Сглатываю подкативший к горлу комок. Надо держать себя в руках, ведь я никогда...

— Ну и зачем ты с ним общаешься, Русалочка? Тебе разве не кажется, что он просто-напросто хлюпик?

Кровь вскипает у меня в сосудах. Мне ничего не стоит узнать этот голос, вьёвшийся за два дня не только в мою душу, но и в тело.

Новенький.

Разворачиваюсь и вижу перед собой вечно улыбающееся лицо Хромова.

— Ты зачем его ударил? — не отвечая на поставленный новеньким вопрос, кричу я, отчего проходящая мимо нас бабуля с испугом оглядывается.

— Потому что он тряпка, — твёрдо отвечает новенький, зачёсывая свои тёмные волосы наверх.

— Тебя это не касается! — кричу я, всплыв. — Можно подумать, ты у нас герой! Рыцарь на белом коне!

— Ну а хотя бы и так, — ухмыляется Хромов, и мне почему-то становится не по себе. — Тебе разве мало было биологии? Хочешь ещё проверить?

— Не хочу! — бросаю я в ответ и стремительно отхожу от новенького. Семеню на каблуках по разбитой дорожке, отчего дважды подворачиваю ногу.

— Ты бы не неслась так по колдобинам, а то споткнёшься, — слышу голос Хромова позади себя.

— Иди в баню! — цежу я сквозь зубы, продолжая набирать скорость. До моего дома осталось всего метров пятьдесят. Несмотря на грязные лужи и поползшую от дождей землю, упорно шагаю вперёд. Наконец-то я избавлюсь от нахального новенького и...

— Ай! — вскрикиваю я, в первую секунду даже не понимая, что лечу напрямик в лужу. Раздаётся плеск воды, и левую половину моей куртки обдаёт грязными брызгами.

— Ты в порядке? — слышу я над собой. Неужели это спрашивает новенький? У него же совсем нет каких-либо человеческих чувств. Он только и умеет, что смеяться над людьми.

— Давай руку, — произносит Хромов, но я не реагирую.

— Давай же.

— Отстань от меня! — грубо выкрикиваю я. — Это всё из-за тебя!

— Из-за меня? — Новенький удивлённо выгибает брови. — Интересно. Я же тебе вроде говорил сбавить скорость.

— Ты меня бесишь! — едва не визжу я, пытаюсь вновь принять вертикальное положение. Несмотря на моё сопротивление, новенький подхватывает меня под руки, помогает встать и подаёт мне выпавшую из рук сумку. Но внешний мой вид всё равно оставляет желать лучшего.

— Теперь ты не Русалочка, а свинка, — смеётся Хромов, отчего мне хочется дать ему под дых. — Свинка Пеппа!

Шутка показалась бы мне забавной, но в другой ситуации, например, если бы я вымазалась при Мише кремом из пирожного. Однако сейчас последняя фраза Хромова максимально неуместна.

— Какая же ты... сволочь! — неожиданно для самой себя выдаю я и, собрав последние силы, ковыляю к дому. Хорошо ещё, что ничего не сломала, хотя синяка мне теперь не избежать.

— До встречи, Русалочка! — доносится мне вслед. Хочется обернуться и показать новенькому средний палец, но я удерживаюсь от этого, так как вижу на лавочке у подъезда свою соседку Инну Антоновну. Угрюмо здороваюсь с ней и, боясь лишних расспросов, юркаю в подъезд.

Зайдя домой, бросаю куртку в стиральную машинку и выставляю нужный режим. Мою руки и, не поев, бухаюсь на кровать. Какой тяжёлый день... А всё из-за него, из-за этого ненавистного новенького!..

Чувствую, как смыкаются мои веки, и уже через десять минут я крепко сплю.

Диомид

— Какая же ты сволочь! — кричит на меня Русалочка, тщетно пытаюсь очистить рукав куртки от прилипшей грязи. В этот момент мне бесконечно жаль Элю. Я словно чувствую её боль и обиду, но ничего не могу с этим поделать. Не поддавайся эмоциям, Диомид. Помни о том, что произошло, и не изменяй своего плана...

— До встречи, Русалочка! — кричу я Эле вслед, стараясь придать голосу оттенок издёвки. Эля, насколько это возможно в её положении, ускоряет шаг и через минуту заходит в подъезд, слишком громко хлопнув дверью. Как не похоже на неё... Если бы она знала все обстоятельства, то не стала бы... А впрочем, зачем ей это знать? Мне это только на руку. Главное не отступить от плана. Не отступить...

Прихожу домой и лениво плюхаюсь на кровать. В квартире тихо. Мама сегодня задерживается, а отец придёт только в семь вечера. Что ж, тем лучше. Сейчас мне просто необходима тишина. Я... должен подумать. Хотя думать уже нет сил...

Пытаюсь представить у себя в голове варианты развития событий. Ситуацию немного осложняет то, что у Эли есть парень. «Чьих будет?» — думаю я про себя и тянусь за лежащим в кармане рюкзака телефоном. Нахожу Элину страничку в «Друзьях» у Ерёминой, которая за эти два дня успела «пролайкать» мне все фотографии и написать около десятка комментариев. Настя мне даже заявку в «Друзья» отправила, но я проигнорил её. Ерёмину я не перевариваю, даже если она не знает, что я — это я. Просматриваю «стену» Эли, но кроме пары цитат из классических произведений литературы ничего не нахожу. Дата рождения у Эли не указана, вместо фотографии на аватарке — какая-то картинка с бабочками. Почему? Эля ведь может похвастаться своей естественной красотой. Не то что Ерёмина, у которой пластиковые ресницы по три сантиметра и губы на пол-морды. Ну и чучело! Ей бы было хорошо ворон пугать на огороде. Тогда бы ни один урожай не пропал.

Листаю список «Друзей» Русалочки. Без труда нахожу нужного мне человека. Так его зовут Изотов Миша... Угу... Где учится? В техникуме, специальность «Ветеринария»... Год рождения... И тут мои глаза округляются донельзя. При встрече с Изотовым я сразу же подумал, что выглядит он как-то... молодо в сравнении с нами. И точно — он рождён на год позднее нас. Вот так поворот. Выходит, он и правда малолетка. А я ведь совершенно случайно обозвал его так. Случайностей, выходит, в жизни нет. Хорошо, допустим, Русалочка и он встречаются. Но за каким чёртом, твою дивизию?!

Швыряю телефон в сторону. Кровь моя бурлит от негодования. Как этот малявка смог «урвать» такую девушку? На него без слёз не взглянешь! Вот же гад! Я не понимаю, как такой человек может...

И тут я вздрагиваю от собственных мыслей. Чувствую, как по спине пробегает холодок, хотя дома тепло. С чего это я вдруг так думаю об Эле? И об её... «парне»? Мне же только это и надо! Убью двух зайцев одним залпом, разве это не... здорово?

— Чёрт! — взрываюсь я и что есть силы бью кулаком по стене. С гвоздика слетает фотография в рамке и, ударившись о край кровати, падает на пол. Стекло разлетается на куски, под которыми сквозь слёзы я вижу милых девочку и мальчика, которые и не знали, какие испытания уготовила им интересная и вместе с тем безжалостная жизнь...

Проходит два дня. В школе я хожу сам не свой. Эля даже пару раз смотрит на меня как на ненормального. А я и вправду ненормальный. Затеял эту глупую игру... Какая нафиг тайна? У Эли даже и в мыслях нет, что я — тот, кого она погубила. И сейчас, и... А, не важно...

На одном из уроков пытаюсь вывести Русалочку из себя, говоря ей в спину какую-то чушь. Эля, естественно, поворачивается ко мне и не без раздражения приказывает «отвязаться от неё». В итоге Русалочка получает в свой адрес замечание, но я, несмотря на желаемый результат, вместо удовлетворения чувствую укол в самое сердце, будто я только что убил человека. Почему так? Ведь я должен радоваться, а не огорчаться. Как же это паршиво, чёрт возьми...

Расклеенный, будто попавший в печку «стойкий оловянный солдатик» из сказки Андерсена, бреду по школьному коридору. Тоска... Уроки закончились, завтра воскресенье. Мысли поворачивают по кругу и возвращаются к тому самому моменту, когда я впервые увидел Русалочку. Я пропал ещё тогда... А она и не знает этого...

— В кино? Здорово! В пять? У «Мелодии»? Ага, договорились... Да, сейчас спущусь!

Звуки голоса, который преследует меня уже неделю, сладким эхом разносятся по пустому коридору. А через минуту из выступающего в виде балкончика фойе выбегает Русалочка и, не заметив меня, спешит по направлению к лестнице. Через минуту знакомый цокот каблучков затихает, и я вновь остаюсь один в этом жестоком, наполненном одиночеством мире...

Около минуты смотрю в ту сторону, куда только что убежала Эля. Потом спохватываюсь и направляю свои шаги к окну, у которого стояла девушка. Зачем-то смотрю вниз и... вижу, как Элю обнимает тот самый Миша, которому я накостылял пару дней назад. Чёртов малолетка, думаю про себя, до боли стискивая зубы, чтобы не закричать нецензурными выражениями при проходящих мимо меня пятиклассниках. Поправляю рюкзак и отхожу от окна, но вдруг останавливаюсь будто вкопанный. Наклоняюсь и поднимаю с пола маленький листик розового цвета с самоклеющимся краем. Пробегаю по написанному на листочке тексту глазами и чуть не падаю в обморок от осознания того, кто это написал...

С минуту перечитываю две строчки. Это Элин почерк. А написано на листике название популярного фильма, который сейчас крутят в кино. Я и сам хочу его посмотреть. Но Эля... она... тоже...

Недолго думая, несусь по коридору как сумасшедший и на лестнице чуть не сбиваю какую-то учительницу, которая кидает мне вслед нелестное замечание. Но мне всё равно. Выбегаю из школы и, перейдя дорогу в неполюженном месте, мчусь в кассу кинотеатра «Мелодия»...

Через десять минут выхожу из «Мелодии» совершенно довольный. Билеты у меня в кармане. А остальное — мелочи. Даже если Эля будет упираться, у меня есть причина возразить ей. Ведь она «должна» мне за «пятёрку» по биологии, хотя списать я дал Эле просто потому, что мне стало её жалко... Впрочем, это не суть важно. Завтра Русалочка узнает, что такое настоящие эмоции. Уж это я ей гарантирую. А иначе я не я, если не заставлю Элю визжать от восторга и плакать от наслаждения...

Эля

Сегодня мы с Мишей идём в кино. В сообщении он пишет, что будет ждать меня в пять вечера у кинотеатра. И я счастлива, так как сейчас мне просто необходимо сбросить с себя тот груз проблем, который накопился за последнее время. Ненавистный новенький не даёт мне прохода. К тому же его поведение откровенно раздражает меня, из-за чего я всё чаще получаю нагоняй от учителей. Но сегодня наконец-то я поговорю с Мишей. И хотя та встреча с новеньким больно «отозвалась» в сердце у Изотова, мы с ним помирились, хотя текст с извинениями пришлось написать мне. Но не важно. Ведь Миша тихий и скромный. Таким как он сложно не только вступить в перепалку, но и общаться. Потому и приглашение погулять от него — всегда большущий подарок, пусть даже сейчас мы идём не на тот фильм, о котором я мечтала.

Без пятнадцати пять я уже на месте. Чуть ли не вприпрыжку бегу к условленному заранее с Мишей месту, но Изотова не вижу. Как странно. Миша обычно приходит раньше меня. Почему же сегодня он опаздывает?

Проходит семь минут. Миши так и нет. В растерянности я достаю телефон и набираю номер Изотова. Но тот не отвечает. Второй, третий звонок... Что, чёрт возьми, происходит?

Я в отчаянии. После стычки с новеньким Миша эти дни вёл себя довольно некорректно по отношению ко мне. Я закрываю на это глаза, потому что у Изотова такой возраст. И хотя новенький ненамного старше Миши, интересы у него уже... недетские.

При мысли об этом мне становится холодно. Мозг в тот момент вспоминает эпизод в кабинете у директрисы, а тело, вопреки здравому смыслу, пытается во всех подробностях воссоздать тот чарующий момент... Но я пугаюсь собственных ощущений и резко встряхиваю головой, пытаюсь скинуть с себя остатки этого сладкого дурмана.

До начала фильма остаётся пять минут. Миши до сих пор нет. В тот момент я почему-то дико зла на него. Хочется плюнуть на всё и пойти на киносеанс одной, но билеты у Изотова, а лишних денег с собой я не взяла.

Глубоко вздыхаю. Отношения с Мишей трещат по швам. А всё из-за этого Хромова, будь он неладен. Попадись мне сейчас на глаза новенький, я бы его точно прибила.

Настроение моё портится вконец. Постояв ещё полминуты и удостоверившись, что Изотова ждать бесполезно, я разворачиваюсь, но не успеваю сделать и пары шагов, как чьи-то руки закрывают мои глаза...

— Миша? — не без волнения спрашиваю я. Он всё-таки пришёл!

— Сюрприз... — слышу я знакомый голос, и моё сердце, кажется, в эту секунду останавливается...

Диомид

В четыре я выхожу из дома. И хотя я обещал отцу помочь с машиной, подобные обстоятельства заботят меня сейчас меньше всего.

Я шагаю по асфальту, втягивая в себя полной грудью напоённый ароматом дождя воздух. Ветер трепет мои волосы. Вокруг меня бегут, копошатся люди, но я уклоняюсь от их ударов, отчего траектория моего движения принимает зигзагообразный вид. Сегодня выходной, поэтому попасть в столпотворение на улице совсем неудивительно.

Наконец, я подхожу к кинотеатру «Мелодия». Оглядываюсь. Никого из тех, кто мне нужен. А нужны мне Русалочка и тот самый хлюпик Миша, с которым она встречается (ну и мерзко же это однако, думаю я). Мишутка — так лучше звучит. И что Эля нашла в этом ребёнке? Разве могут такие люди, как Изотов, делать других... счастливыми? Меня до сих пор бомбит с того, как этот Миша не дал высказаться Эле. Потому-то я ему и врезал. Малолетка, блин.

Достаю телефон. Время шестнадцать-тридцать пять. Захожу в соцсеть и проверяю мессенджер. Опять назойливая Ерёмина строчит мне какую-то бурду. Надоела уже. И в школе не сводит с меня глаз, будто я экспонат из Пинакотеки. Всё бы ничего, но мне ужасно не нравится Настя (и на то есть причины). Не нужна она мне. Да и в принципе мне никто не нужен. Наверное, так...

И тут мой взгляд натывается на проходящего неподалёку невысокого парня в серой куртке и чёрных брюках. По профилю я тут же узнаю его. Это тот самый малолетка, с которым общается Русалочка. На голове у него шапка с... помпоном? Серьёзно? В шестнадцать лет шапка с помпоном? Я едва сдерживаю смех, когда иду в направлении Изотова. Хочется шугануть его, но Мишутка замечает меня и не без испуга пятится назад. Однако я двигаюсь быстрее Изотова и уже через мгновение преграждаю ему путь.

— Привет, — сдерживая булькающий внутри смех, говорю я. Судя по всему Мишутка никак не ожидал такой реакции, потому что смотрит на меня как на ненормального. Но я сегодня добрый. По крайней мере, пытаюсь казаться таким. Внутри же у меня всё кипит.

— Ну привет, — буквально «выдавливает» из себя Изотов и, не дожидаясь моей реакции, спешит отойти в сторону. Вот только я не настроен так быстро завершать наш разговор и потому припускаю за Мишуткой.

— Послушай, малолетка, — довольно грубо произношу я, отчего Изотов останавливается как вкопанный и боязливо косит глазами в мою сторону. — Отвяжись от Эли, ясно? Если не хочешь стать вместо булочки котлетой, — добавляю я, чем наверное, больно задеваю Изотова, потому что его лицо багровеет в одно мгновение.

— Ты... ты... — пыхтит Мишутка, но я лишь смеюсь. Забавно он всё-таки выглядит сейчас. Ощущение, что Изотов хочет меня ударить. У него даже кулаки сжимаются, что ещё больше раззадоривает меня — вот будет потеха. Я напрягаю тело, готовясь к драке, но вместо удара вижу, как Изотов... убегает. Просто убегает. Он убегает, чёрт возьми! Ну и тряпка. Как же он тогда постоит за Элю, если сам себя защитить не может?

С наполняющим душу презрением смотрю вслед улепётывавшему что есть духу Элиному «бойфренду». Интересно, на какой фильм собирались идти он и Русалочка? Я ведь тоже купил билеты, да ещё и на тот фильм, название которого написала на листике Эля.

Правда согласится ли она пойти со мной на киносеанс — теперь большо-ой вопрос.

Трусливый Миша исчезает из моих глаз. Часы показывают без пятнадцати пять. Изотов не появляется. Собственно, иного и я не ожидал.

Кручу головой по сторонам. И вдруг замечаю вдалеке розовую куртку. Какая-то девушка спешно движется по направлению к кинотеатру. И я тут же узнаю её. Это Русалочка. В ту минуту мозг мой даёт осечку; мне хочется броситься к Эле и... просто-напросто схватить её. Крепко прижать к себе и не отпускать. Она должна быть моей. Только моей. Но... надо ли мне это в действительности? Я не должен привязываться к ней. Я... должен разрушить всё, что могу. И никак иначе. Почему же... сердце так щемит при виде Русалочки?.. Чёрт, что происходит?

Судя по всему, Эля не замечает меня. Она останавливается метрах в пятидесяти от того места, где нахожусь я, и достаёт телефон. Я ухмыляюсь. Наверняка звонит малолетке, а того уж и след простыл. Если бы Эля знала, какой Изотов на самом деле, то наверняка не стала бы с ним общаться.

Выжидаю около семи минут. По движениям девушки видно, что у неё начинается паника. И я покидаю свой наблюдательный пост. Решительно подкрадываюсь к Эле сзади. На мгновение задумываюсь, как лучше обнять девушку — за талию или за плечи, но в итоге вместо этого закрываю ей ладонями глаза.

Вижу, как тело Эли вздрагивает. С высоты своего роста замечаю тронувшую губы девушки улыбку.

— Миша? — радостно восклицает Эля, и мне становится дурно от этого имени. Сглатываю подкативший к горлу комок и, наклонившись к самому уху девушки, шепчу:

— Сюрприз...

И слышу, как с губ испуганной Русалочки слетает тихий крик.

Эля
Новенький!

Резко скидываю ладони Хромова и оборачиваюсь к нему. Диомид стоит с вполне себе довольным выражением лица; его смеющиеся глаза смотрят на меня в упор.

— Ты что здесь делаешь? — вываливаю я первое, что приходит на ум.

— То же, что и ты, — усмехается новенький, не сводя с меня взгляда. — Собираюсь идти на фильм. А ты тоже? Надо же, какое совпадение, — смеётся Хромов, но мне сейчас не до шуток. Сердце моё чувствует что-то неладное. Неужели новенький встретил Мишу и...

— Ты чего наговорил Мише? — вспыхиваю я и толкаю Хромова в грудь. Но тот успевает перехватить мои руки и энергично притягивает меня к себе.

— Я его не видел, — отвечает мне новенький, но по интонации голоса я чувствую, что Хромов врёт. Нагло врёт.

— Отпусти меня! — взвизгиваю я, отчего проходящие мимо женщина с мужчиной на мгновение останавливаются и начинают шептаться между собой. Хромов замечает это и наклоняется к самому моему лицу.

— Веди себя потише, Русалочка, — дышит он мне прямо в глаза. Успеваю уловить исходящий от новенького свежий запах мяты. — Ты должна мне за биологию, или забыла?

На мгновение я и правда забываю обо всём — и о людях, и о «пятёрке» за лабораторную, и о начинающемся фильме, и о Мише... Вижу перед собой только чёрные глаза новенького и опять, против собственной воли, проваливаюсь в них.

— Запомни, Русалочка, — вдруг произносит Хромов, внимательно глядя на меня. — Сильнее всего манит то, от чего отрещиваешься, а не то, чего достиг.

От этих слов чувствую, как по моей спине бежит холодок. А ведь Хромов... прав. И бесполезно отрицать то, что сейчас, в эту минуту, я больше всего хочу, чтобы на меня смотрел только он. И никто более.

— Ну что, в кино? — как ни в чём не бывало спрашивает меня новенький. Я же стою будто оглушённая и совсем не слышу слов Хромова.

— Ау, ты ещё долго будешь спать? — окликает меня новенький, выпуская мои руки. Я вздрагиваю. По телу разливается неприятная дрожь, а ладони чувствуют какую-то... пустоту. Глупо смотрю на Хромова. Его лицо серьёзно, он ждёт ответа на вопрос. А я даже не знаю, что сказать.

Не дожидаясь моей реакции, Хромов что-то достаёт из кармана куртки и протягивает мне. И я едва не визжу от восторга. Это два билета на тот самый фильм, который я хочу посмотреть уже в течение полугода! Я даже говорила об этом Мише, но тот либо забыл, либо просто пропустил мимо ушей мою просьбу. Билеты Изотов взял на какую-то мыльную оперу или нечто подобное. По правде, мне не хотелось идти с Мишей сегодня в кино, но он настоял на этом, а я не смогла отказать. Я думала поделиться с ним своими проблемами и получить долю поддержки, но вместо этого стою сейчас рядом с новеньким и как дура пялюсь на его красивое с оттенком насмешки лицо.

А дальше всё происходит будто в тумане. Я покорно слеую за новеньким, и мы заходим в кинотеатр. Хромов покупает поп-корн и газированную воду в бутылочке, а потом мы идём в зал. Занимаем места, указанные в билетах, и я отмечаю про себя, что новенький заплатил

немаленькую сумму за удовольствие сидеть в третьем ряду перед экраном. Пока транслируется фильм, я нервно поглощаю сладкую кукурузу. И с этим новенький угадал. Я терпеть не могу солёный поп-корн и поп-корн со вкусом сыра. Новенький, вопреки моим ожиданиям, ведёт себя довольно сдержанно и, я бы даже сказала, культурно.

После съеденной доброй доли поп-корна чувствую внезапную сухость в горле. Мне хочется кашлять, и потому я незамедлительно тянусь за бутылочкой воды. Пытаюсь её открыть, но у меня не получается. Пальцы испачканы сладкой массой, и, как я ни стараюсь, крышка от бутылки лишь проскальзывает у меня в руках.

Стараюсь скрыть свои тщетные попытки от глаз новенького, но тот всё равно замечает мою неуклюжесть.

— Давай помогу, — тихо говорит новенький и протягивает мне руку. Нерешительно отдаю Хромову бутылку. Щелчок, и всё — крышка снята. Хочу улыбнуться новенькому и поблагодарить его, но Хромов вместо того, чтобы отдать мне бутылку, подносит её к своему рту и делает два энергичных глотка, отчего его шея с натянутыми сухожилиями и кадык выступают под кожей в виде острых бугорков и полос.

Я в недоумении смотрю на Хромова. Мне, конечно, известна поговорка «Свой рот ближе»... Но сейчас это было как-то нагло. И всё бы ничего, но Хромов протягивает мне бутылочку и серьёзно говорит:

— Пей.

Я вылупляю на новенького глаза. Он заставляет меня... отпить из бутылки, которая «видела» его рот? Это же... это же косвенный поцелуй! Ну уж дудки! Ни за что!

Вскакиваю с кресла прежде, чем мозг трезво осмысляет ситуацию. Оскорблённое моё самолюбие побуждает меня покинуть этот зал прежде, чем закончится, откровенно говоря, интереснейший фильм. Хватаю с диванчика куртку и, бросив на Хромова гневный взгляд, пробираюсь мимо него с такой яростью в движениях, что из открытой бутылки на белый свитшот Диомида выливается тёмно-вишнёвая газировка.

— Стой! — шипит мне вслед новенький, но я не оборачиваюсь, а лишь ускоряю шаг. Быстрее, быстрее! Спешно прохожу ряд начинающих ворчать зрителей и наконец оказываюсь на лестнице, ведущей наверх. Оборачиваюсь и... обмираю. Новенький движется вслед за мной.

Ноги становятся ватными. В мозге проносится тысяча мыслей. Что делать? Куда бежать? На улицу? Или в туалет? Срываюсь с места и выбегаю за дверь. Оказываюсь в фойе, где на меня с удивлением смотрят сидящие на лавочке дети. Но мне не до них. Надо срочно где-то скрыться! Замечаю в конце коридора входящую в какую-то комнату даму в красном платье. Наверняка, это женский туалет. Недолго думая, несусь как сумасшедшая в ту сторону, но вдруг чувствую, как чьи-то крепкие руки обхватывают меня за талию...

И куда-то тянут.

Эля

Ударяющая в глаза темнота вгоняет меня в панику. Я пытаюсь вырваться, но безуспешно. У меня нет никаких сомнений в том, что меня держит новенький. Чёрт, и зачем я только согласилась пойти с ним на фильм?

По моим щекам текут слёзы. Ещё минута, и у меня точно начнётся истерика. Я не пытаюсь вырваться. Мне просто больно от такого отношения к себе. От этой грубости, которая так предательски манит и ранит одновременно...

— Зачем убежала? — слышу я шёпот новенького. В темноте я не различаю черт Хромова, но чувствую, что он стоит очень близко ко мне.

— Я... я не хочу... быть с тобой... — выдавливаю я сквозь слёзы и чувствую, как хватка Хромова слабеет. Что с ним? Неужели я уязвила самолюбие этого мажора?

— Вот как, — только и произносит новенький. — По-твоему, я хуже малолетки?

— Не называй его так! — вскрикиваю я, ударяя рукой по стене, отчего в помещении, где мы находимся, загорается слабый свет. Комнатка похожа на подсобку. В углу стоит шкаф с вёдрами, рядом с ним — швабры и коробка с тряпками. А передо мной — новенький, и лицо его крайне раздражено.

— Отвечай, пожалуйста, — сурово говорит мне Хромов; лицо его багровеет. Но я не знаю, что сказать. У меня будто язык отсох. И слова из головы куда-то подевались.

— Помнишь, что я тебе сказал сегодня? — внезапно спрашивает меня новенький и вперяет мне в зрачки свой жёсткий, наполненный чувством собственничества взгляд. — Сильнее всего манит то, от чего отрециваешься, а не то, чего достиг.

Глупо смотрю на Хромова. Надо уже положить конец нашей с ним недосказанности! Надоели эти тайны и секреты!.. Но вместо желания вступить в перепалку я понимаю, что хочу лишь одного — чтобы новенький продолжал смотреть на меня... Хромов же пользуется моим замешательством и подходит ко мне почти вплотную. Мощное его тело практически касается моего, а я вижу выступающие из-под краёв свитшота ключицы Хромова. Сглатываемая новеньким слюна приводит в движение острый кадык, который чертовски обольстительно дёргается под налитой от возбуждения кровью кожей...

И тут происходит нечто совсем неожиданное. Воспользовавшись моей растерянностью, Хромов слегка отстраняется от меня, стягивает с себя свитшот, и моим глазам открывается точёный торс новенького с двигающимися в такт телу кубиками пресса...

От увиденного я вскрикиваю и закрываю лицо руками. Мне никогда ещё не доводилось видеть мужское тело так... близко. Именно тело парня. Я совсем не знаю, как надо себя вести. Но первое, чего мне хочется, так это провалиться сквозь землю не то от стыда, не то от испуга.

— Не стесняйся, Русалочка, — произносит Хромов и берёт меня за руки. — Не бойся прикасаться. Это всё твоё, — добавляет он и с этими словами прикладывает мою правую руку к своей грудной клетке. Ладонь тотчас ощущает биение чужого сердца, а глаза предательски пожирают оголённый торс Хромова, не зная толком, куда можно смотреть, а куда нет...

Позабыв обо всём, двигаю руку вниз. Тепло тела новенького обжигает мои пальцы. Замираю на кубиках пресса. Как это... удивительно. Вроде обычные мышцы, есть у каждого, а всё-таки у новенького они... не такие, как у других.

— Нравится? — тихо спрашивает Хромов, замечая, с каким интересом я разглядываю контуры его тела. А я и не знаю, что ответить. Нравится до жути. Так нравится, что аж самой страшно. Безумно нравится касаться его кожи и чувствовать щемящую душу близость...

И тут Хромов делает ко мне шаг и, слегка присев в коленях, подхватывает меня под ягодицы и прижимает к стене. Я на уровне инстинкта цепляюсь за широкую спину новенького и с его помощью свожу ноги у Диомида за спиной.

— Всё правильно, — говорит новенький, видимо, замечая, как я краснею. Я даже без зеркала чувствую, что моё лицо со стороны похоже на помидор. Что же я творю?..

По телу разливается непонятное, но безумно приятное чувство какой-то неги. Наши с новеньким лица так близки друг к другу, что, кажется, я сейчас прямо-таки растворюсь в Хромове... Мозг отключается. Забываю обо всём и приближаю своё лицо к лицу новенького, как вдруг слышу щелчок дверной ручки. Дверь открывается, и перед нами предстают прямо-таки офигевшая уборщица и какой-то странный седовласый дедуля.

— Батюшки! Это что ж вы здесь делаете! — тут же начинает вопить уборщица, в то время как дедуля чешет у себя в затылке, пытаюсь сообразить, что к чему. Хромов выпускает меня, я спрыгиваю на пол. — Да я на вас жалобу напишу! Ишь тут... — продолжает кричать уборщица, но я хватаю сумочку с курткой и выбегаю из комнатухи. Мчусь как ненормальная к выходу и, к великому счастью, успеваю затесаться в толпу вышедших из других залов зрителей. Покидаю здание кинотеатра и обнаруживаю неподалёку от выхода такси. Водитель свободен, и потому я резво запрыгиваю в салон. Называю адрес и уже через пару минут рассекаю просторы вечерних улиц, вытирая льющиеся из глаз без остановки слёзы...

Диомид

Упустил.

Чёрт, я её упустил...

Будто оглушённый, стою и глупо пялюсь на визжащую уборщицу и ворчащего не Бог весть что старичка. Мозг словно пытается вернуть всё на круги своя, но ничего не выходит. Кожа моя горит от прикосновений Русалочки даже сейчас, когда её нет рядом... Чёрт, как она меня заводит... Ещё немного, и я бы просто потерял контроль над собой... Я хочу её, хочу её всю... Несмотря на то, что должен поступить совсем иначе...

Опустошённый, выхожу из кинотеатра. На улице уже смерклось. Чуть не плачу от досады не то на самого себя, не то на внезапно вторгшихся в подсобку бабку с дедом. Запрокидываю голову и смотрю в вечернее небо. Я должен мстить. Мстить, и ничего более. Моя жизнь была испорчена десять лет назад. Я должен поквитаться за это. Но я... не могу. С каждым днём я всё сильнее привязываюсь к ней, всё сильнее хочу быть с ней рядом... Хочу заполучить её любой ценой... Чёрт, как же это... дерьмово...

Заявляюсь домой в самом дурном расположении духа. Извиняюсь вскользь перед отцом, которому пришлось ремонтировать машину одному, и, не сказав ни единого слова выбежавшей с кухни маме, прохожу к себе в комнату. Плюхаюсь на кровать. Нет, нет... Я должен довести начатое дело до конца. И не изменять свой план ни в каком пункте. Поссорить Русалочку с малолеткой у меня уже получилось. Остаётся лишь влюбить её в себя, а потом...

В мои раздумья впутывается звук сообщения на телефоне. Лениво смотрю на экран. Ерёмина. Что ей, твою мать, надо? Домашку по физике... Иди в задницу, дура, думаю я и тут же закидываю Ерёмину в чёрный список. Потом захожу на страницу Русалочки, но вместо открытой стены с кучкой милых записей про любовь и дружбу вижу фразу, разрывающую мою душу в клочья:

«Эвелина добавила Вас в чёрный список».

— Сука! — выругиваюсь я и швыряю телефон в стену, отчего с него слетает крышка. Пофиг. Сейчас мне так плохо, что хочется выть. Стягиваю с себя свитшот и вижу на нём бордовое пятно от газировки, которую случайно пролила на меня Эля. Бросаю кофту на пол и откидываюсь на подушки. Как же я хочу, чтобы сейчас она была рядом... Хочу, чтобы её нежные пальцы жгли мою кожу... Хочу её всю... Чёрт, о чём я думаю...

Засыпаю в час ночи. В голове стоит шум. Где-то за окном играет музыка. На верхнем этаже плачет маленький ребёнок. Как же меня тошнит от этого мира. И от самого себя.

Диомид

Утром просыпаюсь не по будильнику. В школу я уже опаздываю и потому не спеша встаю с кровати. Ночью мне снились беспокойные сны — Русалочка то появлялась, то исчезала... То этот её Мишутка мерещился... Бред сивой кобылы, словом. Иду в ванную и умываюсь холодной водой; кожа мгновенно покрывается мурашками. Прохожу на кухню и заглядываю в холодильник. Достая себе банан и, не помыв его, жадно впиваюсь зубами в сладкую мякоть. Я не ел ничего со вчерашнего вечера, кроме пары зёрнышек поп-корна, который я, по правде, купил для Русалочки. Только она его не доела, да ещё и ушла раньше времени...

При воспоминании о киносеансе, проведённом вместе с Элей, ощущаю растекающееся волной по телу возбуждение. Чувствую, как напрягаются все мои мышцы. Никогда я не испытывал такого жгучего желания обладать кем-то. Быть инициатором во всех ситуациях. Доминировать. Что же всё-таки со мной творится? Ведь изначально я так не задумывал... А что, если...

Размышления мои прерывает звонок телефона. Нехотя беру смартфон со стола. Классная. Ей-то что сейчас нужно от меня? Ах, ну да. Первым уроком у нас сегодня стоит литература, а так как меня на ней не было, то классная начинает обзвон, не дожидаясь объяснений от отсутствующего человека. Но мне плевать. Игнорирую входящий вызов и подхожу к окну. С высоты двенадцатого этажа смотрю на мелкие фигурки людей, снующих по двору туда-сюда. На душе скребут кошки. Открываю мессенджер. В первый раз нету никаких новых сообщений. Вспоминаю, что заблокиал Ерёмину и, дабы удостовериться, что это так, захожу на её страницу. Вопреки моим ожиданиям, Ерёмина не отправила меня в «ЧС», но в статусе у себя поставила плачущий смайлик. Усмехаюсь. Как же легко свести кого-то с ума, лишь улыбнувшись ему. Но с Русалочкой так не работает. Она волевая и неприступная, вернее, пытается такой казаться. На деле же она очень ранимая и чувствительная, а этот недоделух Миша только забивает в ней эти чувства, не давая им раскрыться во всей красе.

Вспоминаю, как вчера держал Русалочку на руках и как она, должно полагать, в первый раз обхватила ногами мужской торс. Само собой, ей это в новинку. Но тело врать не может. Я уверен, что ей это понравилось. Хорошо, всё идёт по плану. Но не по плану движутся мои мысли и чувства. Ненависть и злоба растворяются, а вместо них сердце наполняют страсть и... любовь? В сотый раз пытаюсь отбросить от себя эти думы. Отхожу от окна и, выкинув банановую шкурку, иду в комнату. Решаю всё-таки пойти в школу, хотя мне, на самом деле, влом. Натягиваю узкие чёрные брюки и голубой свитшот. Расчёсываю волосы и, кинув в рюкзак две тетрадки и учебник по алгебре, выхожу из квартиры.

В школу я заявляюсь к третьему уроку. На свою голову, натыкаюсь в фойе первого этажа на классную. Около двух минут та читает мне мораль, но я не слушаю её. Неподалёку от нас проходит Ерёмина и буквально пожирает меня взглядом, выкрашенным во все оттенки печали. Она будто ищет во мне поддержку и сострадание, но я лишь безразлично отворачиваюсь в сторону.

Третьим уроком у нас идёт физика. Учитель по прозвищу «Палыч» (из-за фамилии Павлов) объясняет нам решение каких-то муторных, никому не нужных задач. Русалочка,

игноря моё присутствие, старательно записывает формулы в тетрадь. Мне же не до этого. Всеми силами я пытаюсь увидеть хоть какую-то перемену в поведении Эли, но та сидит под каменной маской равнодушия, отчего лицо её похоже на мрамор.

На последнем уроке физкультуры нехотя отжимаюсь двадцать раз от пола, чем привожу в неописуемый восторг не только одноклассниц, но и занимающийся по соседству с нами восьмой класс. Девчонки пялятся на меня как на Супермена, но мне, пожалуй, впервые не льстит такая доза внимания. Эля же демонстративно смотрит в сторону. Сидит она отдельно ото всех, сжавшись в комочек, отчего её фигура приобретает вид потрёпанного мешка. Пока остальные заняты выполнением заданий своенравного физрука, я в упор разглядываю Элю. Замечаю контуры выходящего из-под футболки кружевного бюстгалтера; голова тотчас начинает дорисовывать образ роскошного тела, которое Эля так тщательно прячет ото всех и бережёт для... малолетки? Какой бред. Если Изотов ещё хоть раз попадётся мне на глаза, я за себя не ручаюсь.

В конце урока к нам внезапно заходит наша учительница химии Татьяна Ивановна. Наблюдаю за ней и вижу, как химичка направляется к стоящей неподалёку от общей массы Эле. В зале шумно, поэтому я не слышу, что именно Татьяна Ивановна говорит Русалочке, но по меняющемуся лицу Эли чувствую сердцем, что что-то не так. Через минуту химичка уходит, а Эля отворачивается в сторону и делает движение, очень похожее на... вытирание слёз? Так вот он какой, «синдром отличника». Я не понаслышке знаю об этом, потому что сам до конца девятого класса страдал подобной фигнёй. Потом что-то резко щёлкнуло в голове, и я изменил своё мировоззрение. И теперь уж точно знаю, что не буду плакать из-за «четвёрки».

Урок заканчивается. Как можно быстрее переодеваюсь и покидаю спортзал. И тут вижу в конце коридора Элю. Стараясь быть незамеченным, следую за ней. Мы поднимаемся на третий этаж, и девушка заходит в кабинет химии. Через минуту в коридор «выплывает» химичка и, разговаривая с кем-то по телефону, направляется к находящейся в десяти шагах от кабинета лестнице.

Пару мгновений борюсь сам с собой. С одной стороны, мне до жути хочется зайти в кабинет и узнать, что случилось у Русалочки. С другой, я не должен позволять себе привязываться к Эле. Но мой план требует продолжения, и потому я решительно направляюсь в сторону кабинета химии, однако уже у самой двери понимаю: я не смогу сделать то, что задумывал изначально.

Около минуты мнусь на одном месте. Потом шумно выдыхаю и нажимаю на дверную ручку. В нос мне ударяет запах химических реактивов, а глаза тотчас натываются на сидящую за первой партой среднего ряда Русалочку. Эля испуганно поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Принуждаю себя надеть маску насмешки и равнодушия, однако сердце моё прыгает как заводная игрушка.

— Привет, Русалочка, — здороваюсь я, но всё равно чувствую, как дрожит мой голос. И если другим этого незаметно, то от самого себя я скрыть свои ощущения никак не могу. Чёрт, что ж это такое... Неужели я и правда... не могу без неё жить? Это же не так? Ведь это не так...

Захожу в кабинет и прикрываю дверь. Проклинаю себя за то, что вообще затеял эту авантюру. Но слово не воробей, и теперь мне ничего не остаётся, как продолжать начатое.

Подхожу к парте Эли и заглядываю в листики, разложенные у неё на столе. Девушка решает химическое уравнение, и что-то у Русалочки явно идёт не так. Поразмыслив, тут же

нахожу ошибку в решении у Эли. Пока та, игнорируя моё присутствие, думает над коэффициентами, вновь прилепляю свой взгляд к её шее и груди. Чёрт, если бы у меня только была возможность касаться её кожи, заставить Элю почувствовать себя желанной, я бы...

— Что делаешь, Русалочка? — обрываю я собственные мысли.

— Тебя это не касается! — отвечает мне Эля. Голубые глаза её почему-то злы, а лицо встревожено. Ну что ж, Демид. Пора.

Эля

На последнем уроке у ненавистного мне физрука к нам заходит химичка, Татьяна Ивановна. «И что ей нужно?» — думаю я про себя, но внезапно замечаю, что химичка благополучно минует кучку шумящих одноклассников и движется в мою сторону. Сердце моё начинает гулко стучать.

— Здравствуй, Эля, — здоровается со мной химичка.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна, — отзываюсь я.

— Помнишь самостоятельную работу по уравнениям из экзаменационных материалов? — спрашивает она. Я молча киваю головой. — Из всей работы у тебя решено верно только одно уравнение, — тихо говорит химичка. — Это «два», Эля.

Лицо моё вспыхивает, к глазам приливают слёзы. Как же так! Хотя то, о чём мне сказала химичка, совсем неудивительно — последние недели я слушаю учителей вполуха. А всё из-за этого новенького!

Химичка продолжает что-то говорить про экзамены и тонкости решения уравнений, но я её не слышу. В мозге мелькают картинки вчерашнего сумасшедшего вечера в кино. Чувствую, как напрягается всё тело. Это было так... приятно... Если бы у меня была возможность, я бы ни за что рассталась с Хромовым вчера... От осознания собственной беспомощности становится горько, и слёзы из глаз уже текут не от «двойки», а от собственных неудач.

— Не расстраивайся, всё можно исправить, — вырывает меня из раздумий голос химички. — Приходи после этого урока — перепишешь работу. Если что-то будет неясно, я тебе объясню. Только в два часа мне нужно будет уйти. Успеешь?

Слышу слова Татьяны Ивановны как в тумане. Растерянно киваю головой; сегодня мне меньше всего хочется оставаться после уроков, но «двойка» в журнале — такая себе перспектива. Химичка уходит, а я до конца урока физкультуры хожу сама не своя, чем привлекаю к себе любопытные взгляды одноклассников, привыкших видеть меня боевой и самодостаточной.

После звонка выхожу в коридор и, глубоко вздохнув, поднимаюсь на третий этаж. Захожу в кабинет химии. Татьяна Ивановна, только что отпустившая седьмой класс, суетливо достаёт книжку с решениями экзаменационных задач и уравнений, а также мой листок с заданиями. Смотрю на него. Четыре уравнения из пяти перечёркнуты. Вот непруха какая. А всё этот Хромов. На каждом уроке я чувствую, как он смотрит мне прямо в спину. Ещё чуть-чуть, и он на мне дыру протрёт. Я, кстати, попыталась один раз отсесть к двоичнику Артёму на заднюю парту первого ряда, однако получила выговор от учительницы английского, очень не любившей наши «пересадки» с одной парты за другую. Да и классная в тот день посмотрела на меня как-то «косо». Словом, ничего у меня не получилось.

Пыхтя, начинаю решать задания, в которых я напоролась. За десять минут успеваю переписать три уравнения, найдя в них, откровенно говоря, «тупые» ошибки. Принимаюсь за четвёртое, но ничего не выходит. Коэффициенты не уравнивают обе части, и я уже на грани ярости готова зашвырнуть тетрадку в самый дальний угол кабинета.

— Привет, Русалочка, — разрезает вдруг воздух знакомый голос, и я поднимаю голову. В дверях вижу — не стоит труда догадаться, кого. Это новенький. Он что, шпионит за мной?

Не иначе. Вот же сволочь!

Отворачиваюсь и, пытаюсь сосредоточиться, продолжаю считать коэффициенты в уравнении. Но глаза, как я ни стараюсь, всё равно липнут к новенькому, будто он мёдом помазан.

— Что делаешь, Русалочка? — раздаётся прямо над моим ухом голос Хромова. Поднимаю голову и вижу перед собой искрящиеся смехом глаза Диомида.

— Тебя это не касается, — в довольно грубой форме отвечаю я. У меня есть на то оправдание: поведение Хромова серьёзно беспокоит меня. Хотя нет — гораздо больше меня беспокоит своё собственное поведение. Однако сейчас шутки и подколы Хромова максимально не к месту. Мне надо переписать самостоятельную, а иначе в журнале в клеточке у меня будет красоваться «лебедь».

— Исправь вот здесь, — внезапно говорит мне новенький, берёт без спроса мой карандаш, зачёркивает цифру «четыре» рядом с нитратом калия и приписывает над ней «три». — И всё сравнивается.

— Не лезь, а! — восклицаю я. — Ты хоть что в этом понимаешь?

— По-твоему, я тупой? — поднимает вверх брови новенький; голос его звучит серьёзно.

— Тупой, не тупой, а в дела мои не суйся, — отзываюсь я, всё больше нервничая. Когда новенький находится рядом, я становлюсь сама не своя. Мне и так хватило вчерашнего дня. И как я теперь посмотрю в глаза Мише? Я уже и думать забыла об Изотове, хотя вчера поздно вечером он мне позвонил один раз. Боже, что же со мной творится?..

— Ты чего злишься, Русалочка? — вдруг произносит новенький и, протянув руку, приподнимает мой подбородок. Теперь мои глаза смотрят в глубину расширенных чёрных зрачков Хромова.

От неожиданности я будто проглатываю язык. Глупо гляжу на Диомида, судорожно пытаюсь сообразить, что мне надо сделать. Дать ему пощёчину? Но руки будто приросли к крышке стола. Закричать? Так как я буду кричать, если у меня проглочен язык?! Всё, это западня.

Молча смотрю на Хромова и не могу оторвать от него взгляд. Красивое лицо с правильными чертами, выходящие из-под кожи скулы, смеющийся взгляд с нотками... печали? Как странно. Я думала, что у Хромова только ветер в голове. И что новенький не знает понятия «слёзы». А тут...

— Если ты продолжишь на меня так смотреть, я сорвусь... — вдруг произносит Хромов, и его свежее мятное дыхание обдаёт моё лицо.

— Как... смотреть? — зачем-то выдавливаю я, не отрывая от новенького глаз.

— Слишком... сексуально, — слышу в ответ, и воздух в моих лёгких, кажется, застывает. Удерживаю в себе вздох и чувствую, как инстинктивно закрываются глаза при приближении друг к другу наших лиц... Но вместо поцелуя ловлю на себя лишь лёгкое дуновение. Открываю глаза... Новенького рядом нет.

Около минуты я сижу в растерянности. Мне что, всё это померещилось? Перевожу взгляд на тетрадь и вижу исправленную карандашом «четвёрку» на «тройку»...

Чёрт... Что я натворила... Ведь теперь новенький наверняка подумает, что я от него без ума. Хотя это не так. Это ведь не так? Или же...

— Ну что, Эля, получается? — слышу голос химички. Поднимаю голову и вижу Татьяну Ивановну возле доски.

— Угу, — киваю я, продолжая пялиться на сделанное новеньким в тетради

исправление. Потом смотрю время на телефоне. До двух остаётся десять минут. Надо быстрее дорешивать, иначе я задержу Татьяну Ивановну.

Закусив губу и собрав всю волю в кулак, достаю ручку-корректор и замазываю коэффициенты в уравнении. Потом пишу рядом с нитратом калия «тройку» и начинаю считать...

Глаза мои вылезают на лоб. Обе части уравнения сходятся по произведениям индексов и коэффициентов, а я понимаю, насколько была глупа. Вот что значит голова забита не тем! А чем же она у меня в итоге забита? Неужели... новеньким?

Сдаю листок с решениями Татьяне Ивановне и, попрощавшись с ней, выхожу из кабинета. Уныло бреду по пустым школьным коридорам, размышляя в который раз о том, что со мной происходит. Равняюсь с дверью библиотеки и на минуту останавливаюсь. Вспоминаю, что так и не сдала «Мастера и Маргариту». Надо бы на днях занести.

Домой возвращаюсь в состоянии «нестояния». Ощущение, что меня побили. Захожу в социальную сеть. Вчера я заблокировала новенького, и потому выйти на его страницу могу теперь лишь через «Чёрный список».

Недолго думая, перехожу по ссылке. Упираюсь глазами в фотографию Хромова, на которой он стоит у Собора Василия Блаженного. Узкие чёрные брюки, белая футболка с какой-то надписью, серые кеды. Ну прям как с картинки. Нажимаю на фотографию и тут же вижу под ней кучу восторженных комментариев, в основном от девчонок. Среди всего этого обнаруживаю коммент от Насти Ерёминой. «Красавчик!» — пишет она с двумя сердечками после слова. Не оставляет сомнений, что Ерёмина залипла на новенького. А как, интересно, он к ней относится?

Встряхиваю головой. Почему меня это волнует? Мне же совершенно плевать на Хромова. Он, конечно, помог мне сегодня. За это ему спасибо. И на фильм интересный вчера отвёл (пусть до конца кино я так и не досмотрела). Но на этом всё. В моей жизни нет места для Диомида, не так ли?

Выхожу из соцсети и выключаю телефон. Я знаю, что в три часа дня мне будет звонить Миша. Но мне не хочется с ним разговаривать. В тот момент ловлю себя на мысли, что мне надоела вся эта... рутина. Звонки в одно и то же время, шаблонные смс-ки, пустые разговоры и ноль новых чувств и ярких эмоций. Будто я ничего не значу. Как же... обидно, однако.

Вечером за ужином слушаю рассказы родителей кое-как. Уже перед сном вспоминаю, что не решила вариант из экзаменационной книжки. Но мне сейчас не до этого. В мозге проносятся воспоминания об инциденте, случившемся на уроке у болтливой исторички и вынудившим меня впервые посетить кабинет директора в качестве «наказуемого». Вспоминаются мне и обидные шутки, которые Хромов не раз отпускал в мой адрес. Но несмотря на это при мысли о новеньком по телу разливается странное тепло. И безумно хочется вновь оказаться в объятиях Хромова, с каждым днём всё больше походящего на какой-нибудь наркотик.

Диомид

Я... струсил? Я впервые... струсил?..

Я иду по улице и не слышу вокруг себя ровным счётом ничего. Все намеченные планы сметает ураган моих эмоций. Побитые в прошлом чувства заставляют придумывать ещё более коварные идеи, но сердце противится этому, и я, как ни пытаюсь, не могу разрешить этот конфликт.

Прихожу домой. Желания делать уроки никакого. Тоска. В мозге проносятся обрывки печальных воспоминаний. Откидываюсь на подушку, закрываю глаза и тут же оказываюсь в своём болезненном прошлом...

Я сижу на лавочке в маленьком дворике и играю с какой-то машинкой. Летнее солнце ласково греет всё вокруг. Я поправляю кепочку, помня слова мамы о том, что надо беречь голову от солнечного удара... И тут неподалёку от меня проходит девочка. Да такая красивая, что мне кажется, будто она появилась из какой-нибудь сказки. Она что-то весело поёт себе под нос. И голосок у неё такой чудный, прямо как у русалочки. В тот же момент мысленно окрещиваю про себя прекрасную незнакомку именно так. И мне до жути хочется подружиться с ней. Вскликаю с лавочки и несусь к девочке, но на полпути спотыкаюсь и неудачно падаю, стесав коленки до крови.

На звук моего падения Русалочка оборачивается. В руках она держит куклу и деревянную шкатулочку, видимо, с нарядами для игрушки. Я глупо пялюсь на незнакомку, силясь встать. А всё от того, что я маленький, упитанный, с щёками как у хомяка.

Видя мои тщетные попытки подняться, Русалочка подходит ко мне. Непонятно, что сквозит в её глазах — не то жалость, не то насмешка.

— Ты похож на Колобка! — смеётся вдруг девочка, а я вспыхиваю как костёр от стыда. — Такой забавный! Давай помогу!

Я нерешительно протягиваю руку незнакомке, и та помогает мне встать. Я чуть не плачу не то от боли, не то от колючей фразы девочки. Русалочка срывает два листика растущего у песочницы подорожника и прикладывает к моим коленкам.

— Вот так, и ничего страшного! — улыбается она мне, и я забываю про обидное замечание. Улыбаюсь девочке в ответ.

— Как тебя зовут? — спрашивает меня незнакомка.

— Дёма, — отзываюсь я. — Ой, точнее, Демид.

— Чудное имя! — хохочет девочка. — Как и у меня!

— А как твоё имя? — говорю я.

— Эля. Все зовут меня Эля. А большое своё имя я не выговариваю. То ли Элевина, то ли Эливена...

Я смеюсь. Какая она классная!

— Может, будем дружить? — говорю я.

— Давай! — Эля протягивает мне руку, и я осторожно жму её тоненькие пальчики. — Я буду звать тебя Дёмушка.

— Договорились, — улыбаюсь я. Наконец кто-то со мной подружился! Я просто счастлив...

По вечерам мы играем с Русалочкой во дворе, и она даже поёт для меня. Я же стесняюсь

обращаться к ней по данному мною мысленно «прозвищу», но всякий раз, когда прихожу домой, с большим удовольствием рассказываю родителям об Эле. Я счастлив, я люблю этот мир, я бесконечно люблю эту милую девочку...

На этом положительные воспоминания в моей голове растворяются.

Проходит время. Я и Эля — просто не разлей вода: всегда вместе, всегда весёлые и активные...

А потом всё резко меняется.

Как-то раз я выхожу гулять во двор и обнаруживаю, что среди ребят, с которыми мы дружим уже больше полугода, ни один не отзывается на моё «Привет». Не понимая, что происходит, я ищу на детской площадке Русалочку. Эли нигде нет, зато на скамейке, где обычно ждёт меня Русалочка, разместилась рыжеволосая девочка Настя, с которой у нас довольно натянутые отношения. Пожалуй, только Эля из всех ребят нашла с этой особой общий язык.

И тут происходит нечто уж совсем неожиданное. Не понятно как меня окружают все дворовые дети и, тыча пальцами в мою сторону, начинают смеяться:

— Колобок, Колобок, у тебя румяный бок! Ха-ха-ха, толстяк!

От неожиданности я каменею. С чего это они так взъелись на меня? Я вроде никого не обижал, да и игрушками со всеми делился. Как же так?

— Я не Колобок! — обиженно буркаю я, силясь сдержать слёзы.

— Колобок, Колобок! — продолжают смеяться дети.

— Эля так сказала! — слышу я вдруг голос Насти. Она стоит в трёх шагах от меня и, ехидно улыбаясь, сверлит меня взглядом.

— Эля всегда права! — поддакивают остальные.

Я чувствую, как глаза мои наполняются слезами. Эля?.. Но ведь мы были с ней самыми лучшими друзьями! Мы же почти никогда не отходили друг от друга! А я ей хотел подарить букет ромашек... Я нарвал их сегодня там, на чьей-то клумбе...

Я смотрю на ржущих ребят и не понимаю, почему Эля так поступила. Сердце моё болезненно сжимается. Как она... могла?..

А дальше я помню всё очень смутно. Кажется, я тогда убежал домой и долго плакал у себя в комнате. Потом рассказал обо всём маме, упустив тот факт, что инициатором этого инцидента выступила Эля. И с тех пор гулять на улицу не выходил. Через две недели я и родители переехали в новую многоэтажку. И больше Русалочку я не видел. Это было больше десяти лет назад, а, кажется, что вчера...

Но на этом неприятности не закончились. Восемь сознательных лет в школе я был подвергнут насмешкам и оскорблениям. И вроде родители от природы у меня были худые, а я получился толстячком-пирожком. Очень долго мне пришлось «отходить» от появившегося в детстве комплекса — чувства собственной неполноценности. Но подростковый возраст внёс свои коррективы, и из пухлого ребёнка я превратился в стройного парня с не менее «стройными» понтами. Вот тогда-то одноклассницы и задумались, на кого катили бочку. Дабы доказать и себе, и другим, что всё, что было в моём прошлом, полная фигня, я записался в фитнес-клуб. Отныне стоило мне снять футболку на уроке физры, как все девчонки таяли от восторга. Потом вечером заявок «ВКонтакте» было хоть отбавляй. Но я ни с кем не хотел общаться. Я был ужасно зол на мир. И особенно на ту, которая поломала мне мою психику.

Чтобы полностью выкинуть из головы печальные моменты прошлого, при получении

паспорта я записал себя как Диомид. Непривычно, но всё же. Сделал новую причёску, купил себе последних ништяков из мира моды, проколол ухо — и всё, от прежнего застенчивого Дёмушки не осталось ни следа. И я стал пользоваться своим положением, хотя трудно сказать, как именно я им пользовался. Вероятно, просто заглушал новыми знакомствами и впечатлениями неприятные воспоминания в голове. И не более. Хотя душу грызла ненависть к Эле. И вместо доброй милой девочки на месте Русалочки мне теперь виделся маленький тиран...

Диомид

Кашляю. Воспоминания буквально душат меня. Встаю с кровати и иду на кухню. Выпиваю залпом стакан холодной воды из-под крана и, вернувшись в комнату, продолжаю думать...

Перевод в новую школу был вынужденной мерой для меня. В качестве предметов для поступления в вуз я выбрал биологию и химию, так как собирался «пойти» на биофак. Однако в середине учебного года химик в нашей школе, немолодой, но ещё и нестарый мужчина, любивший выпить, ушёл в запой, отчего вести химию у нас были вынуждены учителя физики и биологии. Половина курса химии десятого класса прошла мимо. И в знаниях у меня были большущие пробелы. Моя мама, учительница начальных классов, была знакома с Пескарёвой Татьяной Ивановной — преподавателем химии в школе, находившейся недалеко от моего дома. Татьяна Ивановна слыла великолепным педагогом и даже «репетировала» у поступающих в университет. На предложение родителей перевестись в новую школу я отреагировал положительно. Тем более что ситуация с химиком после лета не изменилась — пить и не приходиться на уроки он стал ещё чаще. И потому в ноябре я перешёл в новую школу, приняв это как должное и, вероятно, не бесполезное...

Говорят, что мир тесен. Но не настолько же. В первую минуту своего пребывания в новом классе я ловлю себя на мысли, что зря перевёлся в эту школу, так как вижу за второй партой первого ряда рыжую девушку, до жути знакомую мне. Уж не та ли это, что сидела на лавочке во дворе, а потом вместе с детьми смеялась надо мной? Кажется, она. Вот блин. Её тут только не хватало.

— Знакомьтесь, ребята, — говорит завуч. — Де...

— Диомид, — резко перебиваю я её. Я тут же понял, что никто в этой школе ни при каких обстоятельствах не должен обращаться ко мне на «Демид». Тем более что тут сидит эта фифа, которая в детстве дружила с Элей. А вдруг они и сейчас общаются? Надеюсь, эта девчонка меня не узнала. Столько лет прошло. Да и я теперь не Колобок.

От неприятных мыслей меня тошнит. С презрением осматриваю я своих новых одноклассников. Такие же обычные, как и в той школе, ничем не примечательные лица, пялящиеся на меня как на экспонат. Но тут мой взгляд натывается на симпатичную девочку за третьей партой среднего ряда. Она единственная из класса не смотрит на меня и упорно что-то пишет в тетрадке. Место рядом с ней не занято. На секунду девушка поднимает на меня глаза, но потом вновь начинает что-то яростно писать.

— Проходи, Диомид, — обращается ко мне моя новая математичка. Недолго думая, я решительно направляюсь к милой незнакомке. А она красивая. В белой блузке, с распущенными светло-русыми волосами. У неё прекрасные глаза, отливающие лазурью. Розовые губы плотно сжаты, лицо серьёзно. Сканирую девушку глазами — взгляд мой задерживается на расходящихся в области груди пуговицах её блузки. Чувствую, что прямо-таки пожираю глазами её тело, забыв на мгновение об уставившихся на меня одноклассниках. Безумно красивая девушка.

— Здесь свободно? — спрашиваю я её, пуская в ход всё своё обаяние. Мне и секунды было достаточно, чтобы заметить, как я свёл с ума всех своих новых одноклассниц, за исключением этой прекрасной особы.

Вопреки моим ожиданиям, девушка как-то ядовито смотрит на меня. Потом наклоняется, снимает с крючка сумку и ставит её на соседний стул.

— Занято, — отвечает мне она.

Я глупо пялюсь на незнакомку. А она с характером. Вот уж не ожидал. Ну да ладно. Подружусь с ней потом.

Сажусь позади девушки и не отрываю от неё глаз. Взгляд мой приклеивается к выступающим из-под блузки лопаткам и лямкам нижнего белья. Какая она всё-таки...

— Кто пойдёт решать задачу? — вырывает меня из раздумий голос математички.

Перевожу глаза на доску. Там написано «Дано» и построен чертеж. Вроде несложно. С геометрией и алгеброй я дружу, и потому недолго думая поднимаю руку.

— Выходи, пожалуйста, — отзывается математичка, с любопытством глядя на меня, и я встаю из-за стола. Выхожу к доске и беру в руку мел. Учительница протягивает мне сборник задач и указывает на ту, которую мне нужно решить. Начинаю читать её «про себя».

— Тебе нужно выйти, Эвелина? — вдруг спрашивает математичка, и я... каменею. Оборачиваюсь и смотрю назад. Сердце моё бухается в пятки; кажется, у меня сейчас будет обморок, хотя вывести меня из состояния «равновесия» — непосильная задача. Это же... это же...

Это она.

К горлу подкатывает комок горечи. Меньше всего мне сейчас хочется, чтобы под милой девушкой скрывался маленький тиран моего детства. Пяти секунд мне достаточно, чтобы определить в понравившейся мне девушке Русалочку. Ну конечно. Те же голубые глаза. Те же светло-русые волосы. Всё то же. Только более взрослое...

И в эту секунду я понимаю: я отомщу ей. Я заставлю её страдать так же, как страдал когда-то я. Я разобью её сердце. И она поймёт, что это такое — остаться одному в жестоком, наполненном страхом и болью мире...

Но всё пошло не так. Всё пошло абсолютно не так. Я не подумал о том, что давняя привязанность возьмёт верх над злостью... Однако нет, нет! Она же открыто презирает меня! Значит надо продолжать топтать её, причинять ей боль... И забыть, в конце концов, про то, что я её...

Мысли мои прерывает звук открывающейся двери. Это мама.

— Демид, будешь обедать? — спрашивает она, заглядывая ко мне в комнату. Я встаю с кровати и помогаю снять маме пальто.

— Буду, — улыбаюсь я и чмокаю её в щёку. Если бы не мама и отец, кто знает, что сейчас бы было со мной.

Прохожу мимо мамы в ванную. Умываюсь. Остатки неприятных воспоминаний вместе с ледяной водой утекают в канализацию.

Эля

На следующий день прихожу в школу как вяленый мандарин. Настя тут же интересуется у меня, в чём дело. Последнее время Ерёмина сама не своя, и хотя она пытается это скрыть, я прекрасно вижу, что Настю раздражает внимание новенького к моей персоне. Но мне плевать на Диомида. Плевать, и точка.

Мы разговариваем с Настей о том о сём, но я не забываю вовремя прикусывать язык. Тем более Ерёмина задаёт мне какие-то «провокационные» вопросы: где я была, с кем, что делала... Ощущение, что меня допрашивает не ровесница, а мама. Отвечаю Насте достаточно лаконично и уклончиво, а потом и вовсе перевожу разговор на другую тему. Однако Ерёмина не умолкает, и потому я, потеряв терпение, говорю Насте, что мне надо в туалет, хотя до звонка уже остаётся меньше минуты.

Выхожу из кабинета и растерянно смотрю по сторонам. Опаздывающие школьники бегут мимо меня, а я ловлю себя на мысли, что ищу среди них... новенького. Вот уж бред! Хмурюсь и в действительности направляюсь в туалет, сама не знаю, зачем.

Воздух над моей головой разрезает звонок. Ну и пусть. Первым уроком всё равно информатика. И хотя я в ней ни черта не понимаю, домашку я сделала. Сегодня у нас работа на компьютере, а это не такая великая проблема. Тем более информатичка сама любит опаздывать, так что всё в порядке.

В коридоре повисает тишина. Я подхожу к женскому туалету и в задумчивости останавливаюсь перед ним. Голова забита далеко не информатикой. Она забита Хромовым. И как я ни пытаюсь, я не могу выкинуть его из своего мозга.

— Доброе утро, Русалочка, — слышу я пронизывающий моё тело до костей голос и резко оборачиваюсь. Новенький!

— Идёшь справлять нужду? — нахально спрашивает меня Хромов, а я от такого передоза наглости едва не падаю в обморок.

— Заткнись, придурок! — кричу на него я, но Хромов ловко закрывает мне рот своей большой ладонью.

— Не шуми, Русалочка, идёт урок, — шепчет он мне, и не успеваю я опомниться, как новенький открывает дверь туалета и вместе со мной заходит туда. Пользуясь моим замешательством, он заталкивает меня в кабинку и закрывает её на щеколду, преградив мне путь к отступлению.

— Что теперь будешь делать, Русалочка? — смеётся этот идиот. Я от неожиданности даже не знаю, что предпринять. Вариантов масса: ударить новенького, вынести дверь кабинки вместе с ней самой, закричать... В голове дежавю. Нечто подобное было на прошлой неделе, когда я и Хромов оказались в подсобке в кинотеатре. Но там дверь была открыта, да и пространства было больше. Здесь же мы стоим в тесной маленькой кабинке, рассчитанной на одну персону, да ещё и закрытые на щеколду!

— Если ты меня сейчас не выпустишь, я... — начинаю я и замолкаю. Чёрные глубокие глаза новенького смотрят на меня в упор.

— Ничего не вспоминаешь? — вдруг спрашивает он, сверля меня суровым взглядом. Я удивлённо хлопаю глазами. Он о чём?

— Не вспоминаешь... — не дожидаясь моего ответа, протягивает новенький и

придвигается ко мне ещё ближе. Мне же некуда податься, так как позади меня находится неизвестный всем агрегат под культовым названием «удобства».

— Выпусти меня сейчас же! — шиплю я на новенького. Боюсь, что кто-то зайдёт в туалет и увидит в одной кабинке вместо двух ног четыре. Это же... это же позор!

Внезапно новенький наклоняется к самому моему лицу. От него приятно пахнет каким-то парфюмом, вероятно, очень дорогим. Хромов часто дышит — даже чаще, чем я.

— Долго ещё будешь бегать от меня, Русалочка? — шепчет он мне на ухо, отчего по телу у меня бегут мурашки. — Признай, что мою тайну тебе никогда не узнать. Да и не в этом дело... Я же вижу, как тебе хочется... меня трогать...

С этими словами Хромов берёт мою руку и... кладет её на своё бедро. Я вспыхиваю. Боже, что происходит? Однако вместо немедленной реакции отторжения и отвращения ловлю кайф с этого... Внезапно пальцы нащупывают под собой бегунок молнии, а под ней...

— Извращенец! — вскрикиваю я и, толкнув Хромова что есть силы, успеваю дёрнуть щеколду на двери и выскочить из кабинки. Выбегаю в коридор. Что ж это такое! Почему он преследует меня? Что я ему сделала?!

Несусь к кабинету информатики на четвёртый этаж. По пути натыкаюсь на Ольгу Петровну, которая с неподдельным удивлением смотрит на меня. Краснею и спешу ретироваться. Захожу в кабинет и... получаю втык от информатички за опоздание. Через пять минут как ни в чём не бывало заявляется Хромов. И в его адрес никаких замечаний не поступает. Вот же коза! Меня разнесла, а ему хоть бы хны!

Оставшиеся уроки тянутся как жвачка. Избегаю Хромова всеми силами, приходя в кабинет со звонком и отсидевшись на переменах в женском туалете на четвёртом этаже, куда обычно никто не ходит. А после уроков бегу домой что есть духу. Однако едва я захожу в квартиру, как слышу звонок телефона.

Нехотя достаю смартфон из сумки. И вижу на экране: «Миша».

Взять или нет, проносится в моей голове вопрос. И правда, настроения «беседовать» с Изотовым у меня никакого. Однако мы не разговаривали уже несколько дней, и потому я, глубоко вздохнув, беру трубку.

— Алло, — вяло отзываюсь я.

— Эля? Эля, привет, — слышу взволнованный голос Миши. Не похоже на него. — Почему ты мне не отвечаешь и не звонишь? Ты обиделась?

Я тихо фыркаю. Обиделась? Вот ещё. И хотя после происшествия у кинотеатра Миша звонил мне на следующий день, я телефон не взяла. После случившегося мне, по правде, было стыдно даже слово Изотову говорить. А потом к моему стыду добавилась обида на то, что Миша не может за меня постоять. Давно бы уже накостылял новенькому, чтоб тому неповадно было...

При мысли об этом меня распирает смех. Новенький бы справился с Мишей в два удара. Но всё равно Изотова мне немного жаль.

— Эля? Эля... — продолжает повторять моё имя Миша.

— Да, привет, — наконец отзываюсь я.

— Ты... занята? — с дрожью в голосе говорит Изотов.

— Нет, — несколько сухо отвечаю я и достаю из холодильника яблоко.

— А-а-а, ясно... — тянет Миша; в эту секунду он мне чем-то напоминает ленивца из мультика «Зверополис». — Я вот что хотел, Эля... Ты... ты... извини за то, что мы не попали в кино. Я тогда плохо себя чувствовал...

По голосу Миши догадываюсь, что он врёт. Я больше чем уверена, что это новенький напугал Изотова, а тот, как не дерущийся и «правильный» человек, дал дёру. Даже не знаю, что ответить. Миша прикрывает новенького? Вряд ли. Я Изотова хорошо знаю. Он хочет вызвать у меня жалость и скрыть собственную трусость.

Впервые думаю о Мише так... неблагожелательно. В эту минуту мою душу терзают сомнения относительно правильности моего выбора в отношениях. В голове кружится факт того, что новенький угадал с моим вкусом и купил билеты на интересный фильм, в то время как Изотов, которому я не раз говорила о своём желании посмотреть именно ту кинокартину, на которой я оказалась вместе с Хромовым, либо просто проигнорил это, либо просто забыл.

— Ничего страшного, — давлю я из себя и иду в свою комнату. Мы с Мишей давно общаемся, и портить отношения с ним мне, по правде, не хочется. Однако приоткрывший завесу иного мира новенький с невиданной силой манит меня. Как магнит. И я не могу воспротивиться этому, хотя от новенького в мой адрес сыплются далеко не безобидные насмешки и прочая ерунда. Однако общение с Изотовым начинает мне надоедать, и я...

— Я люблю тебя, — вдруг слышу я в трубке, и яблоко, которое я держу в руке, падает на пол и катится под мой письменный стол.

Что?..

В голове проносится смерч из самых разных мыслей. Что ответить? Он... шутит? А если нет? Правда, прозвучала эта фраза как-то... по-детски. Так говорит маленький мальчик девочке, которая ходит перед ним в платье с цветочками и красивой соломенной шляпке.

Я ничего не отвечаю Мише на эту реплику и спешу как можно скорее закончить диалог с ним.

— Извини, я позвоню позже, — кидаю я в трубку и завершаю вызов. Потом выключаю телефон и, не подняв яблоко, бухаюсь на кровать. Сжимаю кисти в кулаки. Пальцы помнят острые ощущения, которые я испытала сегодня рядом с новеньким. Неужели я его... завожу? Да ну нет, не может такого быть! И тут же ловлю себя на мысли, что мне бы очень этого хотелось...

В тот момент почему-то ощущаю прилив щемящей душу пустоты. Не выдержав, заливаюсь слезами. Ну почему всё так... нескладно? Наперекосяк? В чём же твоя тайна, новенький? Как мне раскусить тебя? Почему с каждым днём я привязываюсь к тебе всё больше? Останови эту игру, останови!..

Диомид

— Извращенец! — взвизгивает Русалочка и, толкнув меня, выбегает из кабинки. Я растерянно смотрю ей вслед. В тот момент мне и смешно, и грустно одновременно. Смешно от того, как забавно выглядит Эля, и грустно от того, какой я... придурок.

Захожу в кабинет информатики. Вижу Элю на её привычном месте за третьей партой. И Русалочка явно чем-то недовольна. Перевожу взгляд на информатичку — на лице той тоже не видно положительных эмоций. Одноклассники же молчат и даже не пытаются завести разговор на какую-нибудь наболевшую тему по типу неожиданной самостоятельной по алгебре или нового, никому не нужного сочинения по литературе. Эля будто вовсе отстранена от этого мира. Почему-то мне становится её жаль. Хочется подойти к Русалочке и извиниться... Но голову тут же пронзают как стрелы грустные воспоминания из прошлого. Нет, нет и ещё раз нет. Моя миссия — мстить. Испортить ей жизнь во что бы то ни стало. Она должна страдать. Так же, как когда-то страдал я.

Надеваю на лицо излюбленную мною маску презрения и равнодушия и вместо своей парты сажусь на третий ряд за вечно не умолкающими на уроках Елизаровой и Свиридовой. Те сразу же оборачиваются ко мне и начинают строить глазки. Нехотя кошу в их сторону взглядом и успеваю отметить про себя, что мне не нравятся такие разрисованные куклы. Килограмм тоналки, губы на пол-лица, наклеенные ресницы — что будет, если они всё это снимут и смоят? Лысый ёжик, усмехаюсь я про себя и достаю из рюкзака учебник и тетрадь. Мимолётом улавливаю брошенный Элей взгляд в мою сторону, но когда поднимаю голову, Русалочка как ни в чём не бывало смотрит на доску.

Остаток дня веду себя сдержанно и вовсе не потому, что сегодня у меня контрольная и защита проекта. Я не знаю, как мне быть дальше. Пожалуй, утром я погорячился так оскорбить Русалочку. Но менять что-то уже поздно. Слушаю учительницу географии вполуха. Эля сидит передо мной и что-то записывает за Лидией Сергеевной в тетрадь. Я же будто отсутствую. Мне всё тяжелее находиться рядом с Русалочкой. Объяснить это довольно просто и в то же время невероятно сложно. Несмотря на давнюю обиду, я... люблю Русалочку. Разве? Не может этого быть. Она же мне жизнь испортила. Из-за неё я девять лет ходил как проклятый. Да, может показаться глупым — комплексовать из-за своего тела. Елизарова вон, например, тоже не обладает идеальной фигурой, а ходит расфуфыренная будто сорока. Но попробуй объяснить обиженному шестилетнему ребёнку, что все от природы равны и совсем не важно, какой у тебя рост или вес. Получится? Вряд ли. Дети всегда всё воспринимают острее, и всегда детские обиды и травмы накладывают на душу ребёнка какой-то отпечаток. Такова психика человека. Я неоднократно читал об этом в книжках. Но сейчас мне абсолютно плевать на то, что обо мне подумают. Высокий я или низкий, худой или полный, красивый или нет — насрать. И зачем я вообще затеял с Элей эту игру? Зачем предложил ей разгадать свою тайну? Очевидно же, что Русалочка не узнала меня. Сможет ли она когда-нибудь понять, что нахальный и достающий её Диомид — это тот самый толстый и застенчивый Дёмушка, с которым она так любила играть в детстве?

Отвлекаюсь от собственных раздумий, когда географичка вызывает к доске Ерёмину. Та, заметив мой случайный взгляд в её сторону, пафосно выходит к доске, шатаясь на каблучках как на ходулях. Моментально сканирую Ерёмину глазами. Нет, всё такая же, как и в

детстве. Заносчивая, нелюдима и несимпатичная. Не то, что Русалочка, проносится в мозге, и я едва не подпрыгиваю на стуле. Чёрт, неужели я и правда в неё... влюблён?

Домой я возвращаюсь в на редкость отвратительном расположении духа. В голове бардак. Надо как-то бороться уже с этим, в конце концов. Мне надо мстить, мстить, мстить... Но я не могу. Не могу, и всё тут. Я не сумею так долго причинять ей боль. Уж лучше умереть самому, чем вынуждать её плакать каждый день.

Неделя проходит как зря. Мне стыдно перед Элей. Я ещё никого так не оскорблял. Я действительно виноват. Но как теперь извиниться перед нею, чёрт возьми?

На уроках слушаю учителей через слово. Мозг напряжённо думает над тем, как исправить ситуацию. Хотя исправить её уже никак нельзя. Я запутал этот клубок, и только мне предстоит его распутать, а вот получится это сделать или нет — совсем другой вопрос.

В воскресенье я иду в торговый центр. Хочется отвлечь мозг от навязчивых мыслей и глупых идей. Бесцельно брожу по этажам. Мимо меня проходят смеющиеся парочки. Кто-то из молодёжи сидит за столиками в кафе и неспешно беседует, кто-то «атакует» фотозону, пытаясь сделать эффектное селфи. А кто-то ютится в укромных уголках и целуется. Завидую последним чёрной завистью. Надо прекращать эту глупую игру с Элей. Но удастся ли мне это? Ведь я зашёл слишком далеко. Я потерял не только её, но и себя. И вернуть всё это будет очень нелегко.

Пролазив без толку часа три, понимаю, что убежать от собственных мыслей мне не удастся нигде. Даже громкая музыка не заглушает моей тоски. Уныло подхожу к лифту и нажимаю кнопку. Через полминуты двери открываются, и передо мной предстаёт толпа народу. Захожу в лифт; двери задвигаются прямо у меня перед носом. С пятого этажа лифт едет до четвёртого и останавливается. К моему величайшему удивлению из лифта выходят почти все люди. Они протискиваются мимо меня, кто-то даже ворчит, что я загородил им дорогу. Но я не двигаюсь. Мне всё равно. Что может измениться сейчас, когда я уже достиг той ступени, на которой нельзя просто взять и повернуть назад?

— Встал тут, ни пройти, ни проехать! — буркает мне в спину какой-то старичок и выходит из лифта. Я вздыхаю и нажимаю кнопку с номером «1». Двери лифта закрываются, и я вновь еду вниз, кажется, в самую пропасть.

И вдруг в лифте гаснет свет. Я даже не сразу реагирую на это. Ну погас свет и погас — что ж с того? Вновь нажимаю на кнопку, но лифт не едет. Что это такое?

— Мамочки... — слышу сзади себя испуганный шёпот. Поворачиваюсь и успеваю разглядеть в темноте чей-то силуэт. Внешне человек очень похож на девушку. Да и по голосу тоже.

— Девушка, не переживайте, пожалуйста, — как можно корректнее обращаюсь я к неизвестной, находящейся со мной в лифте. Подсвечиваю горящим экраном смартфона панель с кнопками и нажимаю на «Звонок». Но никто не отзывается... Чёрт, похоже, электричества нет во всём торговом центре. Вот так влипли...

— Вы в порядке? — с тревогой спрашиваю я, силясь разглядеть в темноте лицо девушки. Но та молчит. Странно. Может, ей плохо? В лифте довольно душно, надо бы проверить, всё ли у неё в порядке...

Судорожно достаю из кармана брюк телефон. Включаю фонарик. Навожу его на притихшую девушку и... чуть не падаю в обморок.

Это Эля.

Эля

«Отходить» от неприятного инцидента с Хромовым мне приходится несколько дней. В воскресенье я решаю погулять по торговому центру, чтобы как можно быстрее «очистить» мозг от дурных, на мой взгляд, мыслей. Я даже звоню Мише и разговариваю с ним минут двадцать. И хотя диалог наш по-прежнему состоит из односложных шаблонных фраз, на душе у меня становится легче. Миша помнит меня, а, значит, не всё так плохо. Тем более он, наконец, признался мне в любви. Но, по правде, меня это ничуть не порадовало. В моём сердце потух тот огонёк, который горел уже почти год. Зато рядом с ним взорвался вулкан новых чувств и эмоций по отношению к... Хромову.

Внутри всё заходится от непонятной боли. Общение с Мишей становится мне в тягость. Я чувствую, что обманываю в первую очередь себя, а уж потом его. Неужели мне нужно... порвать с Изотовым? До появления Хромова в нашем классе я каждый день представляла себе, как мы пойдём с Мишей в кафе, чтобы отметить год наших отношений. А теперь...

— Вам что-нибудь подсказать? — вырывает меня из раздумий звонкий голос. Поворачиваюсь и вижу перед собой молодую девушку-продавца. С испугом озираюсь по сторонам — я каким-то образом забрела в... магазин нижнего белья! Вот же позор! Спешно извиняюсь и покидаю магазин. Смотрю на часы. Половина второго. Что ж, пора домой. Мне и так хватает приключений в жизни.

Подхожу к людям, ожидающим лифт. Через полминуты железные двери раздвигаются, и мы заходим в кабину. Я становлюсь в самый угол, так как большая масса посетителей едет до четвёртого этажа. Лифт останавливается на пятом, в него заходит ещё кто-то. И мы вновь движемся вниз.

На четвёртом этаже все посетители, кроме меня и ещё одного человека, выходят из лифта. И это неудивительно, ведь мне хорошо известно, что именно четвёртый этаж полон различного рода кафе. Помимо этого там есть зона с игровыми автоматами ну и прочими штуками в этом духе.

Покидающие лифт люди почему-то ворчат. Какой-то дедуля отпускает в адрес стоящего у самых дверей парня нелестную фразу. С любопытством наблюдаю за всей этой картиной, как вдруг понимаю, что мне конец.

Это новенький.

От неожиданности чуть не падаю на пол. Да, несомненно, это Хромов! Только у него есть такая чёрная куртка. И такие чёрные шелковистые волосы. И такая блестящая серьга в правом ухе...

Новенький нажимает повторно цифру «1», и двери лифта закрываются. У меня же от страха подкашиваются ноги. Хочется завизжать и выбежать из лифта прямо на полном ходу. К счастью, новенький не оборачивается. Призываю себя успокоиться, ведь мы вот-вот приедем на первый этаж. Но вдруг в лифте гаснет свет, а сам лифт... останавливается.

— Мамочки!.. — вскрикиваю я от испуга. Не сказать, что я клаустрофобик, но темноту, особенно «такую», недолюбиваю. А сейчас я и вовсе «застряла» тут вместе с новеньким! Чего теперь мне ждать?

— Девушка, не переживайте, пожалуйста, — слышу голос Хромова и, дабы не выдать себя, закрываю рот ладонью. Вижу, как Хромов светит телефоном на кнопки лифта и

нажимает, кажется, ту, которая должна связать его с диспетчером. Но ответа никакого. Неужели свет исчез во всём торговом центре? Вот же засада!

— Вы в порядке? — обращается ко мне Хромов. Очевидно, что в темноте он не может разглядеть меня. Однако когда я вижу свет от фонарика на телефоне новенького, то чуть не подпрыгиваю в своём уголке. Лучи фонарика рассекают тьму и падают мне на лицо.

— Эля? — удивлённо произносит Хромов.

Он обратился ко мне по имени? Вот так поворот!

— Ты в порядке? — спрашивает он. Но мне не нужна его «забота».

— Отойди от меня! — крысюсь я, закрывая глаза от ослепляющего света фонарика руками. Спалилась. Вот как знала, что надо было идти пешком или ехать на эскалаторе!

— Послушай, Эля, я хотел бы... — Хромов делает шаг в мою сторону, но я резко перебиваю его:

— Не приближайся ко мне! Не хочу тебя видеть! — Голос мой дрожит, кажется, что у меня сейчас будет истерика.

— Подожди, Эля, дай же мне выговориться, — пытается закончить предложение Хромов, но я не внемлю его словам. Я стою, забившись в самый угол, и не смотрю на новенького. Хотя и очень хочется.

— Эля, давай начистоту, — неожиданно произносит Хромов. — Скажи: почему ты встречаешься с этим малолеткой?

Это то, что он хочет узнать?!

Я негодую. Что ж за бред, в конце концов?

— Он не малолетка! — кричу я. — Оставь уже нас в покое!

— Я могу привести тебе тысячу причин, почему тебе не стоит с ним встречаться, — сурово произносит Диомид, и я чувствую, как вспыхивает моё лицо.

— И какие же это причины? — парирую я.

— Во-первых, — начинает новенький, — он моложе тебя. Уровень его развития не соответствует твоему. Мальчики взрослеют позднее девочек, а ты, как высокоинтеллектуальный человек, обязана это знать. Во-вторых, ты не видишь с его стороны никаких мужских поступков. В-третьих, он...

— Достаточно, — перебиваю я Хромова. Хочется плакать. Ведь новенький... говорит правду. И спорить с этим — ну всё равно что пытаться заставить солнце светить ночью.

— Русалочка, послушай... — говорит Хромов бархатным голосом, и тут я не выдерживаю. Я устала, устала бегать от него! Устала прятать свои чувства и эмоции. Они разлагают меня изнутри. Им нужен выход, а иначе... я погибну. В тот момент ловлю себя на мысли, что уж лучше погибнуть в объятиях того, кто каждый день ранит меня, чем гнить заживо и прийти к точно такому же результату.

— Эля? — обращается ко мне Диомид. Но я молчу. Мне хочется плакать и, как я ни пытаюсь, я не могу держать себя в руках. Одна слеза, вторая... И вот я уже плачу так, как не плакала за всю свою жизнь.

Вдруг я чувствую нечто странное. По телу растекается приятное тепло, будто рядом со мной поставили камин или разожгли костёр. Будто укрыли пледом и дали чашку горячего какао с зефирками. Что это? Неужели новенький... обнимает меня?

Перестаю плакать и вдыхаю знакомый запах парфюма, а потом обхватываю новенького за шею. Подушечки моих пальцев горят от смуглой рельефной кожи. Я готова дышать им вечно... На мгновение отстраняюсь от Диоида. Странные ощущения будоражат мою

голову. Воображение разыгрывается, а тело тает от разливающегося по нему тепла. Наши с новеньким лица так близки друг к другу, что, кажется, сейчас мы просто сольёмся в одну сплошную массу. Это так... необычно. Захватывающе. И очень манит к себе... Даже темнота не мешает мне в этот момент. Всеми силами призываю себя перестать подчиняться наплыву внезапных чувств, но в итоге не выдерживаю и... целую новенького в губы.

В мозге в ту секунду проносится, пожалуй, сотня, — нет, тысяча, мыслей. Он уже целовался с кем-то? Если да, то с кем? А понравится ли ему мой поцелуй? Не слишком ли сухие у меня губы? И не задела ли я его носом? Странно, но при наших встречах с Мишей я никогда не испытывала подобного чувства. Наверное, потому, что мы ещё ни разу не целовались в губы. Только раз в щёку, и то это можно описать глаголом «чмокнуть». Здесь же всё было по-взрослому. Горячее дыхание, крепкие объятия и мягкие губы новенького, нежно обхватывающие мои...

Внезапно лифт дёргается, а свет зажигается. Я отрываюсь от новенького, чувствуя на губах сладкую влагу и фруктовый привкус во рту. Мы едем вниз. Но я не обращаю на это внимания. Что я натворила?.. Диомид в это мгновение смотрит на меня как-то ласково. Первый раз я вижу его таким. Хромов приближается ко мне, но я выставляю вперёд руку.

Он принесёт мне одни несчастья... Я не должна поддаваться этим, туманящим моё сознание, эмоциям... Он ведь лжёт... И себе, и мне...

— Уходи, — бормочу я, и Диомид замирает. — Я люблю Мишу, — выдавливаю я сквозь слёзы, а у самой, кажется, сердце внутри рвётся на миллион мелких частей. Двери лифта раскрываются, и я выбегаю в холл. Утирая льющиеся по щёкам слёзы, мчусь на улицу. Запрыгиваю в подъехавший автобус и буквально падаю на ближайшее сиденье. Люди с удивлением смотрят на меня, кто-то начинает перешёптываться. А мне всё равно.

Я погубила себя. И отрицать это бесполезно.

Диомид

— Эля? — не без удивления спрашиваю я девушку, пожалуй, впервые за долгое имя обращаясь к ней не по прозвищу. — Ты в порядке?

— Отойди от меня! — буркает Русалочка и закрывает глаза от рассеиваемого фонариком света руками. Я же в это мгновение растерян как никогда. Чёрт, мы с ней снова одни... Главное не сорваться...

— Послушай, Эля, я хотел бы... — начинаю я, двигаясь в сторону Русалочки, но та обрывает меня на полуслове:

— Не приближайся ко мне! Не хочу тебя видеть!

— Подожди, Эля, дай же мне выговориться. — Я стараюсь успокоить девушку, но она забивается в угол и будто бы не слышит меня.

— Эля, давай начистоту, — неожиданно для самого себя произношу я. Пусть она и дальше ненавидит меня, но я хотя бы избавлю её от того, кому она не нужна. — Скажи: почему ты встречаешься с этим малолеткой?

Русалочка поворачивается ко мне — свет фонарика падает на её встревоженное лицо.

— Он не малолетка! — кричит она. — Оставь уже нас в покое!

— Я могу привести тебе тысячу причин, почему тебе не стоит с ним встречаться, — сурово произношу я, и лицо Эли приобретает неопределённое выражение.

— И какие же это причины? — издевательским тоном говорит она, однако фраза, несмотря на это, звучит слишком неуверенно.

— Во-первых, — начинаю я, — он моложе тебя. Уровень его развития не соответствует твоему. Мальчики взрослеют позднее девочек, а ты, как высокоинтеллектуальный человек, обязана это знать. Во-вторых, — уже увереннее продолжаю я, видя, как меняется Элино лицо, — ты не видишь с его стороны никаких мужских поступков. В-третьих, он...

— Достаточно, — перебивает меня Эля. Голос её окрашен в оттенок печали. Я вижу, что она согласна со мной, просто боится это признать.

— Русалочка, послушай... — начинаю я, и вдруг Эля заливается слезами... Что это с ней? Она...

— Эля? — вопросительно обращаюсь я к девушке, но та молчит. Слезы душат её, и я чувствую, что сейчас вот-вот разревусь сам. Недолго думая, подхожу к Эле и... крепко обнимаю её — так, как хотел ещё с первого моего дня в новой школе...

Пару минут мы стоим молча. Эля, наконец, перестаёт плакать. Но я не спешу. Я позволяю ей освободить те эмоции, которые она, должно полагать, очень давно прячет у себя в душе за семью печатями. Увы, но чем дольше держишь всё в себе, тем больше потом. И когда-нибудь обязательно наступит тот пик, когда прежний мир даст трещину и разрушится, а глаза станут смотреть на всё совершенно иначе...

Эля осторожно касается моей шеи пальцами. Так мило... Я впервые чувствую себя счастливым. Впервые за долгие годы я понимаю, чего мне так не хватало.

Мне не хватало её... Я вспоминал её каждый день, каждое утро, каждый вечер... Она преследовала меня во снах, и как бы я не был зол на неё, я понимал, что только она подарила мне то тепло и ту заботу, которые заставили меня полюбить жизнь... А то, что произошло... может, это был сон? Она не могла так поступить... не могла, и всё тут...

Касаюсь губами пушистых Элиных волос. В это мгновение не испытываю внутри себя животной страсти. Просто хочу, чтобы она была рядом. Просто хочу обнимать её. Просто хочу стать её защитником. Она должна чувствовать себя любимой. Она достойна этого. Она достойна большего. И я всем сердцем хочу, чтобы она выбрала меня...

И вдруг её губы касаются моих...

Тут же отвечаю на поцелуй. И хотя вокруг царит темнота, я сердцем чувствую, что в этот момент Эля красивее всех на свете. Жаль, что нельзя «заморозить» это мгновение. Позволяю себе нескромность увеличить натиск, и Эля не пытается «отбиться». Я даже не сразу замечаю, как дёргается лифт, а свет зажигается. Мы едем вниз, но я не обращаю на это внимания. Я люблю её, люблю так, что даже готов умереть, если это понадобится...

Эля отрывается от меня. Щёки её горят, на губах виден влажный след. Я с нежностью смотрю на девушку. Это её первый поцелуй? Похоже. Делаю к Эле шаг, но та внезапно выставляет между нами руку...

— Уходи, — вдруг слышу я. Кисти Эли сжимаются в кулаки. — Я люблю Мишу, — говорит она сквозь слёзы, а у меня после этих слов, кажется, умирает внутри всё, что могло вообще умереть...

Двери лифта открываются, и Эля подобно вихрю проносится мимо меня в холл, где бегают переполошённые посетители. Через минуту Русалочка скрывается в толпе. Я же стою будто вкопанный.

Что?.. Она... серьёзно? Неужели это... правда?

... Спустя минут пять пробираюсь через «кучу мала» к выходу и, сдерживая в себе острое желание заорать, покидаю торговый центр.

Она всё сказала.

Всё кончено.

Диомид

В жизни иногда бывают такие моменты, когда ты начинаешь сомневаться в полезности своего существования. Именно такое чувство испытывал я, когда уходил прочь от торгового центра. Кому я нужен? Кто хоть раз сделал мне что-то хорошее? И мозг тотчас находит ответ.

Она.

Заваливаюсь домой будто пьяный. Мама тотчас интересуется, в чём дело, но я мелю какую-то ерунду вроде «устал, голова болит» и тому подобного. Захожу в комнату и падаю на кровать даже не раздевшись. Из глаз моих выступают слёзы. Она... любит его? Правда? Что ж, тогда мне не остаётся ничего, кроме как... оставить её в покое. Но смогу ли я? При одном только взгляде на Элю я понимаю, что жизнь лишится смысла, если я потеряю дорогую моему сердцу Русалочку. Что же мне делать? Я впервые так растерян. Но идей в голове нет, да и сомнения, подобно ядовитым змеям, закрадываются в мою душу и отравляют её. Чем больше я думаю о случившемся, тем больше понимаю, что Эля врёт. Стоит ли продолжать доказывать ей то, что она не нужна тому... хлюпику? Пытаюсь взвесить все «за» и «против», но чаши весов находятся на одном уровне. А выбор я пока делать, почему-то, не готов. Пытаюсь забыться и, повернувшись на бок, засыпаю. Но и во сне Русалочка преследует меня. Она всюду — в воздухе, в голове, в душе, в сердце, в каждой молекуле моего тела. И мне не скрыться ни от неё, ни от собственных чувств.

Вечером разгребая завал на книжной полке. Нахожу среди учебников до сих пор не отданную в школьную библиотеку книгу «Мастер и Маргарита». Надо её вернуть, иначе наша библиотечарша, Ирина Степановна, даст мне люлей за просроченный экземпляр. И хотя мне влом идти завтра в школу, я не могу отказаться от удовольствия вновь увидеть Элю... Чёрт, опять она! Я готов биться головой об стенку, но вряд ли это поможет. Я не в силах заставить собственное сердце забыть Русалочку. Я люблю её с детства. Но она НЕ любит меня. Что ж, тогда мне ничего не остаётся, кроме как... отступить. Ведь если я погублю её, то тогда я погублю и себя. Впрочем, это единственный выход, который светит мне в моём недалёком, таком же болезненном, как и прошлое, будущем.

На следующий день заявляюсь в школу с опозданием, из-за чего получаю замечание от учительницы алгебры. Но мне всё равно. Прохожу мимо Русалочки, даже не взглянув на неё, и занимаю своё место. Одноклассники не без любопытства пялятся на меня. Какие же они все... гниды. Каждый живет в своём мирке, у каждого в башке свои тараканы... Иногда это так бесит. Хотя я тоже «хорош». Впрочем, мне насрать на них. Мне детей с ними не крестить, как говорится. А, значит, и переживать повода нет.

После шестого урока достаю из рюкзака книгу и иду в библиотеку. Мимо меня пробегает кучка восьмиклассниц. Заметив брошенный мною в их сторону взгляд, они начинают шушукаться и, смеясь, уходят в другой коридор. Что ж, всё как всегда. Неужели никогда не будет иначе?

Открываю дверь библиотеки. Ирина Степановна, пожилая библиотечарь, стоит у одного из столов и разбирает какую-то гору книг.

— Здравствуйте, — здороваюсь я, прикрывая за собой дверь. — Можно сдать книгу?

— Здравствуй, фамилия? — суетится библиотекарша, бросаясь к ящичку, в котором лежат карточки учеников.

— Хромов, одиннадцатый «А» класс, — отзываюсь я и кладу книгу на стол.

— Ага, Диомид... — бормочет себе под нос Ирина Степановна, сверяя номера. — Всё, хорошо, — говорит она, возвращая контрольный листок в том Булгакова. — Что-то ещё нужно?

— Нет, спасибо. До свидания, — говорю я уже возле двери, как вдруг библиотекарша окликает меня:

— Диомид! Если ты не торопишься, можешь мне помочь?

— В чём? — удивлённо спрашиваю я.

— Эти книги из нового поступления. — Надо поставить их на верхнюю полку... А меня Ольга Петровна ждёт... Справишься, голубчик?

Не могу не улыбнуться от последних слов Ирины Степановны. Ну, так и быть, помогу.

— Хорошо, куда ставить? — спрашиваю я её, и женщина подводит меня к одному из стеллажей.

— Сюда, — указывает она на пустую полку. — Сначала поставишь эти, а потом эти, ладно? Они по алфавиту идут...

— Разберусь, — машу я рукой.

— Вот спасибо, дай Бог тебе здоровья, Диомид! Имя-то у тебя какое красивое — в переводе «божественный» означает... Ну, я побежала! Если кто-то зайдёт, скажи, чтобы присели и подождали. Я быстро! — И с этими словами Ирина Степановна буквально выбегает за дверь.

Пару минут я пялюсь на висящую на двери картинку с русским алфавитом. Как там сказала библиотекарша? Божественный... Не очень-то похоже на мою истинную натуру! По факту я злодей, а не благородный человек...

Тяжело вздыхаю и, сняв рюкзак, беру в руки стопку книг. Успеваю прочитать на обложке — Эльчин Сафарли. Новый писатель что ли? Ставлю книги на полку, последнюю из них беру и раскрываю. Оказывается, это современный азербайджанский писатель-философ, а книга эта — его произведение «Когда я вернусь, будь дома». Листаю страницы и вдруг натываюсь на одно предложение, содержание которого выводит меня из равновесия окончательно:

«Причина наших разочарований часто в том, что нас нет в настоящем, мы заняты воспоминаниями или ожиданием».

Около минуты стою неподвижно. Ничего себе... Действительно ли это так? Пожалуй... А что, если я и правда... живу прошлым? Я же люблю Элю! Чёрт с ним, что она когда-то испортила мне жизнь. Я уже и забыл про это думать. Важно то, что я чувствую по отношению к ней сейчас... Боже, как это легко и сложно одновременно!.. Говорят, если любишь, то надо бороться за свою любовь... Но необходимо ли это в моём случае? Ведь она сказала мне...

И тут я слышу скрип двери. Кто-то пришёл. Надо сказать, что Ирины Степановны нет. Ставлю книгу обратно на полку и иду по коридору из стеллажей с книгами, как вдруг замираю будто столб.

— Ирина Степановна, вы здесь? — разносится по библиотеке знакомый голос, и сердце моё в тот момент пробивает стрела боли.

Эля

Наступает новый день. Сегодня шесть уроков тянутся невероятно долго. Яркий отпечаток остался у меня после случайной встречи с новеньким в торговом центре. Даже нет сил как-то оценивать это... Я просто... соврала. Соврала Диомиду, что люблю Мишу... А на самом деле не могу прожить без чёрных глаз новенького ни единой секундочки...

Хожу сама не своя. Замечаю на себе косые взгляды Насти, которая в последнее время очень тщательно «следит» за мной. Присутствие новенького игнорю и ловлю себя на мысли, что это стоит мне больших трудов. Сегодня у меня сложный день: две контрольных и новая тема по геометрии. Устаю как собака. Скорее бы домой!

В конце шестого урока вспоминаю, что за день так и не дошла в библиотеку. А всё эта моя конспирация от Хромова. Избегаю его как могу. Мне стыдно и перед ним, и перед собой. Впрочем, новенький, к моему величайшему удивлению, ведёт себя довольно «адекватно». За весь день Хромов даже ни разу не посмотрел на меня. Ну и пусть. А почему меня это, собственно, волнует? Нечего из-за него переживать! «Он мне никто, не правда ли?» — думаю я и тотчас понимаю, что опять, опять лгу сама себе...

Поднимаюсь на третий этаж и заворачиваю за угол. Достая «Мастера и Маргариту» и открываю дверь библиотеки. Но вечно копошащейся у столов Ирины Степановны я не вижу. Заглядываю в так называемый «архив книг». Никого.

— Ирина Степановна, вы здесь? — громко говорю я, но ответом мне служит тишина. Вот же блин. Опять тащить эту тяжесть домой. Что за невезение!

В растерянности озираюсь по сторонам. К моему огорчению, Ирина Степановна из воздуха не берётся. Что ж, пойду домой. Но не успеваю я сделать и шагу, как чувствую, что кто-то нежно обнимает меня за талию и притягивает к себе...

— Эй! — вскрикиваю я и поворачиваю голову. Новенький?.. Он-то что тут забыл? Накаркала я всё-таки, что он вёл себя сегодня... гм... культурно.

— Пришла сдавать книгу? — слышу я глухой голос Хромова.

— Это не твоё дело! — повторяю я свою излюбленную фразу, которая появилась в моём лексиконе полмесяца назад, с приходом новенького в наш класс. И в тот же момент понимаю, что опять противлюсь своим чувствам и опять вру.

— А что же тогда моё дело? — произносит Хромов и выпускает меня.

— Моя жизнь тебя не касается! — вновь отвечаю я заготовленными заранее шаблонами, но, кажется, новенькому совершенно всё равно на них, потому что он разворачивает меня к себе и наклоняется к самому моему лицу.

— Вот как. — Он просто убивает меня своим хладнокровием, хотя мне очень хочется, чтобы в его душе... не было льда. — А вот я так не думаю.

С этими словами Диомид выпрямляется и подходит к какой-то книжной полке. На мгновение он задерживается там, будто ища что-то, а потом, вынув какую-то книгу, подходит ко мне.

— Читала ли ты Эльчина Сафарли? — спрашивает у меня он, перелистывая страницы книги.

— Ну читала, — отзываюсь я; на самом деле я даже не слышала о таком авторе.

— Это современный писатель, — словно отвечает на мой вопрос новенький. — Я сам

узнал о нём только что. Но, судя по всему, у него очень хорошие произведения. И мысли правильные, в отличие от этих ваших Булгаковых, Шолоховых и Достоевских.

— Вот только не наезжай на великих классиков! — буркаю я. — Сам бы попробовал что-нибудь написать!

— Написать не проблема, — отвечает новенький, продолжая листать книгу. — Проблема правильно донести до читателя мысль, заставить его стать лучше после прочтения книги. Чтобы душа очистилась. А не вот это вот всё: пьянки, гулянки, день с одной, день с другой... Где смысл?

— На себя посмотри для начала! — говорю вдруг я. И зря. Хромов отрывается от книги и бросает на меня ядовитый взгляд. В чёрных глазах Диомида сверкают огоньки... обиды?

— По-твоему, я меняю девушек каждый день? — сухо произносит он и кладёт книгу обратно на полку.

Вопрос ставит меня в тупик. Хотя какой тупик — по внешнему виду Диомида и по его поведению с уверенностью в двести процентов можно было утверждать, что это так. Можно было. Теперь же я понимаю, что не хочу верить в это. Но и то, что Хромов — однолюб, — весьма противоречивое суждение, как по мне.

— Так вот какого ты обо мне мнения, — не давая мне ответить, произносит Диомид. — Ты считаешь, меня бабником, не так ли?

Я молчу. Растерянность моя растёт с каждой секундой. Ведь у меня нет доказательств против новенького. Выходит, я несправедливо обвиняю человека...

— Я жду твой ответ. — Голос Хромова звучит довольно грозно, но мой язык, несмотря на раскаляющуюся обстановку, не ворочается.

Внезапно новенький хватается за руку и тянет за собой вглубь библиотеки. Мы останавливаемся между стеллажей с книгами, и Хромов разворачивает меня спиной к стене.

— Я хочу услышать ответ на свой вопрос, — произносит он сурово, упираясь руками о стену по обе стороны от моих плеч. Я же в эту минуту вспоминаю вчерашний поцелуй. Новенький до этого момента не напомнил мне о нём. Что это? Тактичность с его стороны? Или же он просто-напросто уже забыл это...

— Чего ты хочешь от меня? — вдруг со слезами в голосе спрашиваю я. Почему-то в эту минуту нервы мои решают сдать.

— Честно? — отвечает новенький вопросом на вопрос.

Я испуганно смотрю на него и слегка киваю головой.

— Я хочу тебя.

...

Я. Хочу. Тебя.

Слова разносятся по воздуху в непонятном эффекте «эхо». Замирает всё, даже настенные часы начинают отбивать такт тише. Вокруг никого — только я и он.

— Ч-что? — выдавливаю я, скукоживаясь всем телом. Новенький сжимает пространство вокруг меня, и теперь мне никуда не деться.

— Ты слышала мой ответ, — произносит Диомид, глядя мне прямо в глаза. — Я не думаю, что стоит его повторять.

И тут у меня начинается паника. Что находит на меня в тот момент, не знаю, но только я наклоняюсь и мне удаётся прощмыгнуть под рукой новенького, однако попытка бегства не увенчивается успехом. Новенький успевает схватить меня за руку и, обняв меня за талию, с силой вжать в своё тело.

— Не вырывайся, Русалочка, — шепчет Диомид мне на ухо. Чувствую, как губы новенького почти касаются моей шеи. Против воли запрокидываю голову и чувствую горячее, сжигающее всё внутри дотла прикосновение... Он... целует меня? Или мне кажется?

— У тебя такая нежная кожа, — слышу я и чувствую уже более напористый поцелуй. И тут я понимаю, что происходит. Если Хромов продолжит в том же духе, то на коже у меня останется кровоподтёк!

Невесть откуда у меня берутся силы. Резко разворачиваюсь и, вырвавшись из рук новенького, заряжаю ему пощёчину со всей силы.

— Сволочь! — выкрикиваю я ему в лицо и, стараясь не опрокинуть книжные стеллажи, выбегаю из библиотеки.

Диомид

Сволочь. Сволочь. Сволочь.

В голове вместе с пульсом стучит слово, брошенное Русалочкой в мой адрес. А ведь она права. Чёрт, что я творю... Но я не могу... иначе. Она должна быть моей... С каждым днём мне всё тяжелее совладать со своими чувствами. И опять, опять я испортил всё, что только можно было... Но когда Эля сказала, пусть и «завуалированно», что считает меня бабником, у меня сердце будто в пропасть провалилось. Неужели я и правда... такой? Но я ведь ни с кем за всю жизнь не встречался, даже после того, как мне удалось «постройнеть». Вчерашние смеющиеся надо мной девчонки стали клеиться ко мне как банные листья. Естественно, я игнорировал эти «подкаты» и никого к себе не подпускал... Но сейчас воскресшие в моей душе чувства заставляют меня трепетать при виде Русалочки с утроенной силой. И я не в силах это контролировать.

После школы уныло бреду домой, по пути поддавая ногой пустую банку из-под газировки, чем вызываю живой интерес к себе у прохожих. Потом поднимаю банку и выкидываю её в находящийся поблизости со мной мусорный контейнер. Прохожу мимо цветочного ларька. На мгновение задерживаюсь рядом с ним. Смотрю на белые, алые, жёлтые розы... От разнообразия оттенков рябит в глазах. Красивые цветы, что ни говори. Прямо как Русалочка...

И тут мою голову пробивает подобно пуле мысль о том, что завтра, после пятого урока, в актовом зале состоится концерт, на котором будет выступать Эля! Я непременно должен на него попасть, хотя из приглашённых там только администрация школы и классы с пятого по восьмой. А что, если...

Идея приходит в голову слишком быстро, чтобы я мог её, как следует, обдумать. Захожу в ларёк и здороваюсь с продавщицей. Быстро обвожу взглядом все полки и, выбрав самые красивые розы, подхожу к кассе.

— Вот эти, пожалуйста, — указываю я рукой на вазу с цветами.

— Сколько штучек? — спрашивает продавщица.

— Двадцать пять, — почему-то ляпаю я. Я помню, как ещё в детстве Эля говорила мне, что день рождения у неё двадцать пятого мая. Я тогда ей подарил коробочку конфет, которую мы и съели вместе, сидя на качелях...

— Сейчас заберёте или потом? — прерывает мои воспоминания голос продавщицы.

— Завтра днём, — отвечаю я. — Перевяжите их красной ленточкой, пожалуйста.

— Хорошо. С вас шесть тысяч четыреста рублей, — называет продавщица стоимость букета. Недолго думая, прикладываю карту к сканеру. И хотя я целый год копил себе деньги, сейчас мне ничуть не жалко расстаться с ними.

Выхожу из ларька. В голове творится не Бог весть что. Застёгиваю молнию куртки до конца, но тепло мне от этого не становится. Мне холодно в душе, и растопить этот лёд может только она...

Русалочка.

Утром я прошу отца, у которого сегодня выходной, забрать из магазина готовый букет. Отец смотрит на меня как-то удивлённо, но, несмотря на это, соглашается мне помочь. Я

горячо благодарю его и спешно собираюсь в школу. Надеваю белую рубашку и чёрные брюки. Потом вытаскиваю серёжку из уха. На кой я её вообще носил всё это время?

Заявляюсь на русский за минуту до звонка. В классе всё так же, как и раньше. Взгляды девчонок моментально приклеиваются ко мне, но я смотрю только на Элю. Та робко глядит на меня, но потом резко отворачивается и начинает что-то искать у себя в сумке. Сегодня на Эле красивая шифоновая блузка кремового цвета. Очень мило. Я хочу сказать девушке что-нибудь приятное, но, заметив обращённые на меня голодные, как у волков, взгляды одноклассников, прикусываю язык и, проглотив слова обратно, занимаю своё место за Русалочкой.

Отец привозит букет вовремя. Я же, ни у кого не отпросившись, ухожу с шестого урока и, пока в актовом зале никого нет, приношу туда розы. Решаю расположиться поближе к сцене, во втором ряду. «Музычка», заметившая букет, не без удивления разглядывает то меня, то его. Я вскользь здороваюсь с учительницей и спешу покинуть зал. Выхожу в коридор и иду мимо гримёрной комнаты.

— Настя-я! — слышу вдруг я и замираю. Это же... Эля.

Я стою посреди коридора и не могу двинуться с места. Слишком велик соблазн зайти в гримёрку и узнать, что случилось у Русалочки. Однако она зовёт Ерёмину, а сталкиваться с той мне хочется меньше всего. Однако не в Ерёминой дело. Если Эля меня не «переваривает», может, и не стоит к ней... лезть...

Меня обуревают сомнения. Пучина неуверенности буквально «засасывает» меня в свои цепкие холодные объятия. Я никогда не замечал за собой склонности так «глубоко» анализировать ситуацию. Но сейчас я как никогда напряжён. Надо уходить. Мне не стоит этого делать, а иначе...

— Настя-я! — зовёт Эля ещё раз.

И я не выдерживаю.

Эля

Сегодня у меня концерт. После вчерашнего сумасшедшего дня я просто «плаваю» в пространстве. Мне стыдно смотреть людям в глаза, будто я какая-то преступница. Но это не так... Это же не так?

Утром первым делом бегу к зеркалу и осматриваю шею. Вроде синяка нет. А, может, мне лишь показалось, что новенький меня целовал? Но нет же, нет! Это чувственное горячее прикосновение ни с чем нельзя было спутать... Закрываю глаза и вновь оказываюсь в библиотеке вместе с Диомидом. Впервые, пожалуй, раскаиваюсь в том, что натворила. Давать новенькому пощёчину было достаточно грубо с моей стороны. Кулаки здесь не помогут. Может, мне следует с ним просто поговорить? Спокойно, без истерик. Начистоту. Почему он выбрал именно меня своей жертвой? Я что, и правда ему нравлюсь?

От последней мысли по телу разливается волна возбуждения. Я, конечно, не считаю себя красавицей, но если новенький симпатизирует мне, то это... очень льстит моему самолюбию. Однако у меня есть Миша. Да и поведение Хромова совсем не похоже на поведение влюблённого человека. Нет же, нет! Он обычный нарцисс. Не стоит искать в его поступках правду и искренность. Хромов соткан из нитей лжи и обмана. И бесполезно пытаться найти в нём что-то светлое.

В мозге тут же расцветает картина моего поцелуя с новеньким. Эти чувственные горячие губы, этот сладкий вкус фруктов, это обжигающее кожу дыхание... Задумываюсь так сильно, что даже не слышу, как математичка вызывает меня к доске. Уравнение решаю на четвёрку, но мне, пожалуй, впервые в жизни всё равно на оценку. Подходя к парте, не смотрю на Хромова, но успеваю заметить боковым зрением, что он бросил на меня взгляд.

Сегодня у меня концерт, к которому я, откровенно говоря, совсем не готова. Чтобы всё успеть, отпрашиваюсь после пятого урока и уйду в актёрский зал. Утром я занесла туда своё платье, в котором выступала на сцене с начала этого года. Такое розовое, с кружевами и бусинками. Без бретелей и «в пол». Оно осталось у меня с выпускного в девятом классе. И хорошо сидит на мне до сих пор.

Убедившись в том, что меня никто не потревожит, захожу в гримёрную и снимаю с себя брюки и шифоновую блузку. Зря я её, наверное, надела — когда я, Хромов буравил меня взглядом весь первый урок. Впрочем, он тоже сегодня отличился — пришёл в белой рубашке и узких чёрных брюках. У меня глаза едва из орбит не вылезли от такой «красоты». И правда было красиво. Но когда мой взгляд проскользнул с шеи новенького на другие, далеко не скромные места, я чуть сквозь четыре этажа не провалилась со стыда.

Отбрасываю лезущие в голову о новеньком мысли. Аккуратно складываю брюки и кладу их на тумбочку, а блузку, в которую заранее прячу бюстгальтер, помещаю в сумку под молнию. Спешно натягиваю на себя платье. Красивое! Оно мне сразу в магазине понравилось. Да и цена у него была не «аховская»... Так, что это я? Надо поторапливаться.

Тяну бегунок молнии вверх, однако ничего не получается... Неужели я «зажевала» ткань? Надо скорее звать на помощь!

— Настя! — кричу я, придерживая спереди платье левой рукой, а правой пытаюсь застегнуть молнию, ставшую мне ненавистной в один момент. Но ничего не выходит. Пыхтя, пробую снять платье, но оно слишком облепляет мою талию и не лезет ни вниз, ни вверх.

От отчаяния я едва не рву на себе волосы. Ну почему это случилось именно сегодня, когда на меня будут смотреть родители и Миша! Да, я, на свою голову, ещё месяц назад пригласила Изотова на концерт... Но тогда ведь я не знала, что в моей жизни появится новенький! Боже, опять он...

— Настя-я! — зову Ерёмину ещё раз, и дверь, наконец-то, хлопает.

— Слава Богу, — оборачиваюсь я и... каменею. Передо мной стоит... Хромов.

Эля

От неожиданности я даже забываю о том, что сейчас нахожусь не в самом лучшем виде. Моя неловкость, доля секунды... и этот нахал увидел бы меня практически обнажённой.

— Ты что здесь делаешь?! — возмущённо выдыхаю я, а когда вижу, как Хромов поворачивает в замочной скважине ключ (на который я из-за собственной рассеянности забыла закрыть), то чувствую, как сердце моё стремительно бухается в пятки.

— Выйди немедленно! — верещу я, но новенький не внемлет моим словам и, развернувшись, смотрит на меня с... сочувствием? Обычно на лице Хромова я вижу только довольную улыбку хищного зверя, глумящегося над своей жертвой!

— Что случилось, Русалочка? — спокойным на удивление тоном спрашивает Диомид.

— Не твоё дело! — огрызаюсь я, поддерживая обеими руками стремящееся оголить моё тело платье. — Сейчас же выметайся отсюда!

— Не хочу, — слышу наглый ответ, и горло клокочет подобно булькающему гейзеру. — Дай полюбоваться тобой хоть минутку, Русалочка.

Кажется, что мой гнев сейчас подожжёт воздух в комнате.

— Выйди сейчас же! — уже со слезами в голосе пискаю я и отворачиваюсь к стене. И зря. Теперь вместо декольте новенький пожирает взглядом мою оголённую спину.

— Почему ты так разволновалась, Русалочка? — Чувствую за собой накаченный торс новенького — он стоит ко мне почти вплотную. По телу проходит дрожь, ноги слабеют. В висках грохочет пульс.

— Потому что ты меня бесишь! — Я резко оборачиваюсь к Хромову и встречаюсь с его выразительными карими глазами. Проследив за траекторией его взгляда, понимаю, что он пялится на мои довольно-таки интимные точки тела.

— У тебя очень красивая грудь, — выкидывает вдруг новенький, и я чувствую, как сейчас провалюсь сквозь землю от стыда. — Почему ты её всегда прячешь?

— Ты что себе позволяешь? — выкрикиваю я, едва не падая на пол от такой наглости. — Какое твоё дело?

— Почему ты её всегда прячешь? — повторяет он, отвечая мне вопросом на вопрос.

Лихорадочно ищу в голове, что бы сказать этому нарциссу. Но ничего толкового в моей черепной коробке нет. И потому вместо ответа отворачиваюсь от Хромова, но он хватается за правую руку и отводит её в сторону.

Я едва не роняю платье.

— Ты что, обалдел? — кричу я, но новенький не обращает внимания на мои вопли и, притянув к себе, разворачивает меня к зеркалу.

— Тебе ведь нравится, что я люблюсь тобой, — шепчет он мне в ухо. Горячее его дыхание обжигает кожу шеи и щёк. Ловлю себя на мысли, что в голосе Диоида нет присущего ему до этого оттенка наглости и хамства. На мгновение мне кажется, что мы с ним — пара, и он просто, на правах моего парня, озвучивает мне то, что испытывает в это момент. — Признай это уже, Русалочка.

Смотрю на наше отражение в зеркале и едва не кричу от ужаса. Что это со мной? Глаза блестят не то от слёз, не то от радости, на щеках горит румянец, полуобнажённое тело изогнуто в какой-то странной позе, а в довершение всей этой картины вплотную ко мне

стоит новенький и, держа меня, за руку, наслаждается своей победой!

— Мне не нравится... это... — лепечу я, пытаюсь освободиться, но безуспешно.

— Ты можешь использовать вторую руку, чтобы вырваться, — шепчет мне на ухо Хромов. — Но тогда твоё платье упадёт и... я буду просто счастлив.

Слова слетают с губ новенького слишком... красиво. Мы стоим с ним одни в маленькой закрытой комнатке с приглушённым светом, где нас вряд ли кто-то обнаружит. И почему я всегда оказываюсь с Хромовым в замкнутых помещениях? Что ж за наваждение такое! Но если в кино и в «дамской комнате» я с успехом противостояла новенькому, то сейчас шансов на спасение у меня нет. Но и так долго продолжаться не может. Надо что-то делать. Однако выход у меня действительно один, и его уже озвучил этот наглец.

Со слезами на глазах начинаю отрывать левую ладонь от поддерживаемого ею участка платья, но внезапно в этот момент новенький выпускает мою правую кисть и обхватывает меня обеими руками чуть выше талии. Его ладони фиксируют моё платье, а я от неожиданности врастаю в пол.

— Я не такой, Русалочка, — глухо произносит Хромов. Отпустив меня, он подходит к двери, проворачивает ключ в замочной скважине и выходит из гримёрной...

Эля

Целую минуту я не могу отойти от шока и глупо смотрю на то место, где только что был Диомид. Может, мне всё это померещилось? Выпускаю из рук платье, но оно... не спадает. Поворачиваюсь спиной к зеркалу и... вижу аккуратно застёгнутую молнию.

Из пяток сердце прыгает обратно в грудную клетку. Неужели он...

В голове не укладывается то, что Хромов мне помог. Я думала, что он умеет только создавать проблемы. И лапать девушек. А оказывается...

От потока информации мой мозг, кажется, сейчас взорвётся. В коридоре начинают шуметь зрители. Надо выходить из гримёрки, но я стою и не двигаюсь.

— Эль, ты чего? — Голос Насти вырывает меня из раздумий. — Концерт начинается, дуй быстрее за кулисы. Кстати, Диомид сидит во втором ряду! Хотелось бы мне быть рядом с ним! — мечтательно добавляет Ерёмину, которой всегда достаётся «роль» ведущей на концертах, из-за чего она практически никогда не сидит с одноклассниками в зрительном зале. — Ты меня слышишь или нет? — уже едким голосом спрашивает Ерёмину. Для меня же давно не секрет, что Настя «прониклась» симпатией к Хромову. И Ерёмину явно раздражает то, что последний игнорит её.

— Ага, — растерянно тяну я, смотря на себя в зеркало и не видя там ровным счётом ничего. Кожа помнит обжигающие прикосновения пальцев Хромова. И этот взгляд новенького... Такой туманный, такой загадочный... Хромов и правда полон тайн. Я уже и думать забыла про то, что мне надо разгадать одну, самую главную из них. Но как, чёрт возьми? Пока я ни на шаг не приблизилась к этому.

Встряхиваю головой, сбрасывая с себя остатки заполонившего мозг сладкого дурмана. Потом проверяю молнию и, убедившись, что она действительно хорошо застёгнута, спешу за кулисы.

Моё выступление по счёту третье. Выхожу на сцену, судорожно вспоминая слова песни. И, едва подойдя к микрофону, упираюсь взглядом в белую рубашку новенького. Хромов смотрит на меня с какой-то... нежностью? Принуждаю себя оторвать от Диомида взгляд и смотрю на самый дальний ряд, где вижу маму с папой и Мишу. Миша осторожно машет мне рукой, и на мгновение я забываю о новеньком. Вчера я разговаривала с Изотовым по телефону около часа и даже успела заметить, что в «лексиконе» Миши появились новые, до этого момента не знакомые ему вопросы и фразы. Однако после нашей долгой беседы мне не стало легче ни на толику. Я совсем запуталась в своих чувствах. Да и Мишу, по правде, слушала через слово... Ещё и новенький сегодня «выкинул» нечто... удивительное. На секунду зажмуриваюсь, стремясь «очистить» голову от ненужных мыслей, но зал наполняет включённая Софьей Николаевной музыка.

Широко раскрываю глаза и начинаю петь. Снова смотрю на Мишу. Тот улыбается мне. Голос мой становится увереннее, вот только спустя полминуты я понимаю, что взгляд у меня то и дело сползает на второй ряд актового зала. Перевожу глаза на новенького и вижу, как он фотографирует меня. От возмущения едва не проглатываю половину куплета, но с силой выдавливаю слова из себя, отчего потом мне весь остаток песни хочется кашлянуть. Хромов, убрав телефон, с довольной улыбкой смотрит на меня. Его глаза в свете лучей, испускаемых диско-шаром, горят как-то по-особенному, предательски маняще...

К счастью, музыка заканчивается, и раздаётся оглушительный плеск аплодисментов. А я стою, как дурочка, и не двигаюсь с места. Рассеянно вожу взглядом по рядам и... не вижу новенького.

— Это тебе, Русалочка, — слышу я прямо над своим ухом. — Ты прекрасно пела.

Леденя душой, поворачиваю голову. Передо мной стоит Диомид и протягивает мне шикарный букет из тёмно-бордовых роз.

— Бери, Русалочка, — тихо говорит мне новенький, очевидно, понимая, что я затягиваю эту часть Марлезонского балета. Дрожащими руками принимаю букет из рук Хромова, а потом нерешительно смотрю в зал. И если лица родителей полны удивления и недоумения, то лицо Миши оставляет желать лучшего. Цветом оно примерно как те самые розы, которые я держу в руках. Хромов проходит в зал и занимает своё место, а я, сжав всю свою волю в кулак, кланяюсь и под вновь посыпавшиеся аплодисменты спешно, насколько это позволяют каблуки, покидаю сцену.

Диомид

Захожу в гримёрку и... столбенею. Передо мной стоит Русалочка почти... обнажённая. Ну как почти: девушка одета в розовое платье в пол, без бретелей, однако сзади оно не застёгнуто. Услышав хлопок двери, Эля поворачивается и, увидев меня, не без гнева в голосе кричит:

— Ты что здесь делаешь?

Я же в то мгновение понимаю, что, наверное, вот-вот сойду с ума. И я действительно с него схожу, когда осознаю, что закрыл дверь изнутри на обнаруженный мною случайно ключ...

— Выйди немедленно! — злится Эля, но я будто её не слышу и подхожу ближе.

— Что случилось, Русалочка? — спрашиваю я, хотя ситуация ясна мне с первой секунды моего пребывания в гримёрке. Эля не может самостоятельно застегнуть находящуюся на «спинке» платья молнию.

— Не твоё дело! Сейчас же выметайся отсюда! — грубо отзывается Русалочка.

— Не хочу, — вырывается вдруг у меня. Опять я за своё! Но... я ничего не могу с собой поделать. Сейчас я больше всего хочу растянуть это мгновение. Я хочу видеть эту красивую девушку бесконечно. Эти милые плечи, выступающие на спине лопатки, острые ключицы, нежную грудь... Пожираю Элю взглядом везде, где можно. Где-то внутри слабым ключом бьёт совесть. Ведь я смущаю Элю...

— Дай полюбоваться тобой хоть минутку, Русалочка, — пытаюсь я смягчить свою предыдущую реплику, но на Элю это не действует.

— Выйди сейчас же! — со слезами в голосе вскрикивает она и отворачивается к стене. Упираюсь взглядом в обнажённую Элину спину.

— Почему ты так разволновалась, Русалочка? — говорю я, вплотную подходя к Эле. Чувствую разливающееся по всему телу знакомое чувство возбуждения. Чёрт, я сейчас сорвусь...

— Потому что ты меня бесишь! — Эля оборачивается ко мне и смотрит мне прямо в зрачки; её глаза полны слёз. Я же не могу оторвать взгляда от груди Русалочки, на которой она придерживает розовое платье.

— У тебя очень красивая грудь, — вдруг выдаю я и на мгновение пугаюсь собственных слов. Но с языка против воли рвутся такие, не очень скромные комплименты. Нет же, нет! Она должна почувствовать себя нужной, привлекательной... Сексуальной.

Эля в шоке, а я, на свою голову, продолжаю:

— Почему ты её всегда прячешь?

— Ты что себе позволяешь? — вспыхивает Эля. — Какое твоё дело?

— Почему ты её всегда прячешь? — повторяю я. Я выведу её на чистую воду. И она скажет мне всю правду о себе, она будет честна со мной. И признает, что я... нужен ей.

А вдруг не нужен?

Не дожидаясь ответа, хватаю Русалочку за кисть и отвожу её нежную ручку в сторону, отчего Эля едва не роняет платье.

— Ты что, обалдел? — кричит она, однако я не обращаю на это внимания, притягиваю Русалочку к себе, а потом разворачиваю её к находящемуся в гримёрке большому зеркалу.

— Тебе ведь нравится, что я люблюсь тобой, — шепчу я Эле на ухо. — Признай это уже, Русалочка.

Грудь Эли тяжело вздымается. Заставляю себя не буравить девушку взглядом, но не могу. Я хочу обладать ей, я хочу сделать её счастливой...

— Мне не нравится... это... — тихо говорит Эля и пытается освободиться, но я крепко держу её.

— Ты можешь использовать вторую руку, чтобы вырваться, — говорю я ей, а сам при этом левой рукой аккуратно застёгиваю молнию на спине Эли. Та даже не чувствует моих движений. Выходит, её мозг подчинён чему-то другому? Чему же? Знать бы.

— Но тогда твоё платье упадёт и... я буду просто счастлив, — выдыхаю я всё-таки на пике эмоций, несмотря на то, что молния уже застёгнута и платье никуда не денется.

И тут Эля, недолго колеблясь, действительно начинает отрывать вторую руку от поддерживаемого ею платья. Она серьёзно? Я ведь... пошутил. Хотя шутка омерзительная. Успеваю убрать правую руку Эли и обхватить девушку чуть выше талии обеими руками.

— Я не такой, Русалочка, — взволнованно говорю я, а потом, отпустив Элю и не дожидаясь её реакции, поворачиваю ключ в двери и как можно быстрее покидаю гримёрную.

Что я натворил?..

Словно в забытьё возвращаюсь в актёрный зал и... замечаю на самом последнем ряду малолетку Мишу. В ту же секунду мне хочется подойти к нему и как следует наkostenить, но рядом с Изотовым сидят женщина с мужчиной и о чём-то с ним беседуют. Его это родители или Элины, я не знаю. Хотя женщина чем-то похожа на Элину маму. Да, точно. Это тётя Ира. Я помню, как в детстве она угощала меня вишнёвым пирогом. Замечательная женщина, к слову. Мне она ещё тогда понравилась. Однако если Изотов тут, то значит он и Эля до сих пор... вместе? Не может быть...

Сажусь на кресло во втором ряду. Меня будто оглушили. Бросаю грустный взгляд на букет. Примет ли его Эля после всего, что я натворил? На её месте я этот букет зашвырнул бы в лицо своему обидчику уже раз десять. Но я всей душой надеюсь, что Русалочка так не сделает. А иначе я этого не переживу...

Наконец, концерт начинается. Эля выступает третья по счёту. Пока она поёт, я «снимаю» её на телефон, а то у неё даже фотографий нет «ВКонтакте». Пусть хоть у меня останутся. Успеваю заметить, как Русалочка то и дело косит в мою сторону взглядом. «И долго она будет прятаться от меня?» — проносится в моей голове. Я уже и думать забыл о том, что мы с Элей условились на том, что если она разгадает мою тайну, то я отстану от неё. Тайну Русалочка, конечно, не разгадала, и, казалось бы, должна проиграть она. Но проиграл я. Я влюбился в неё, и теперь нафиг мне не нужна никакая тайна из моего прошлого. Не нужна ни мне, ни Эле.

Когда песня заканчивается, вскакиваю с кресла и, боясь, что Русалочка покинет сцену прежде, чем я поднимусь по порожкам, спешу к Эле. Подхожу к ней и протягиваю букет.

— Это тебе, Русалочка, — тихо говорю я. Глаза Эли округляются и приобретают форму чуть ли не блюдца. Она удивлена. Что же это получается, малолетка ни разу не дарил ей цветов? Да это и неудивительно, проносится у меня в голове. Боковым зрением вижу, как на нас пялится весь зал. Надо бы поторопить Элю, хотя мне ой как этого не хочется. Тёмно-бордовые розы очень идут к нежному Элиному платью. Сфотографировать бы её такой сейчас и в Интернет. Тысячу бы лайков набрала, не меньше. Если б у меня была

возможность, я бы ей их поставил миллион.

— Бери же, Русалочка, — тихо говорю я Эле, и она, наконец, принимает букет из моих рук. Я спешу покинуть сцену. Зал заполняют аплодисменты, а я занимаю своё место и остаток концерта полудремлю-полусплю, особенно когда на сцене выступает Ерёмина. Замечаю, что голос её звучит как-то иначе — в нём улавливаются истеричные нотки. Конечно, Настя сто процентов видела, как я дарил букет Русалочке. Ну и чёрт с ним. Мне плевать на Ерёмину. Я люблю Элю. Люблю её до потери пульса. И точка.

Эля

Концерт заканчивается. Всё это время я сижу в гримёрной и... плачу. Потом всё-таки приказываю себе успокоиться и подхожу к зеркалу. От локонов, которые я старательно закручивала утром, не осталось и следа. Блестящие от слез глаза покраснелись, а макияж «поплыл» по щекам. Ну и вид! Надо прекращать лить слёзы. «Возьми себя в руки, Эля!» — приказываю я себе...

Но не могу этого сделать.

Когда всё вокруг затихает, я встаю со стула, стоящего в гримёрной. Бережно беру с тумбочки букет и, не удержавшись, «ныряю» в него лицом. Чудесный аромат... От него по моему телу разливается какая то странная нега, будто я дышу не розами, а сводящим меня с ума парфюмом Хромова...

В этот момент щёлкает дверь. Поднимаю голову и вижу перед собой Ерёмину. Лицо Насти раздражено настолько сильно, что в первое мгновение мне кажется, будто это не она.

— Настя, я... — зачем-то выдавливаю я из себя, но Ерёмина резко захлопывает дверь, отчего зеркало в гримёрной дребезжит так, будто по нему ударили молотком.

Растерянно смотрю на дверь около минуты. Ну да, удивляться мне, собственно, не стоит. С появлением новенького в классе я поняла, что постепенно становлюсь для женской половины нашего «дружного» коллектива изгоем. Ведь на Диомида засматриваются все девчонки без исключения, а он уделяет внимание только мне. Уделяет внимание? Разве можно так сказать? По-моему, он только стремится меня выбесить, но вместе с тем делает мне дорожные подарки и помогает в случае необходимости. Как странно... Чем больше я думаю обо всём этом, тем меньше понимаю ситуацию. «Что нужно от меня новенькому?» — думаю я и тут же нахожу ответ на свой вопрос. Ему нужна я. Но зачем? Кто я для него? И кто он для меня?..

Выхожу из школы и чуть не падаю с лестницы, больно подвернув ногу. Не повезло. Хватаюсь рукой за перила и осторожно спускаюсь вниз. Покидаю пределы школьного «двора» и вдруг замечаю — догадайтесь, кого. Нет, не новенького. А Мишу.

Останавливаюсь и глупо смотрю на Изотова. Лицо того не выражает никаких эмоций кроме... презрения? Впервые вижу Мишу таким. Обычно он тихий и пугливый, а тут прямо-таки разозлён, иного и не скажешь.

Полминуты мы молчим. Я впервые чувствую, что мы с Мишей как будто... чужие люди. И между нами ничего не было и не может быть.

— Что это? — не церемонясь, начинает Изотов, глазами указывая на букет, который я бережно прижимаю к себе. — Вы с ним встречаетесь?

От такого заявления я вспыхиваю вся; кажется, даже кровь в моих сосудах закипает как вулканическая лава.

— С чего ты это взял? — возмущённо отвечаю я Мише, однако возмущение моё обусловлено не вопросом Изотова, а тем, что именно он «вложил» в этот вопрос. Тон Миши больше походил на тон собственника какой-нибудь игрушки, которую можно взять, растрепать и выкинуть к чёртовой матери.

— Тебе не стыдно, а? — произносит Изотов, и у меня немеет язык. Мне говорит это... Миша? Вот так новость! А всегда казался таким безобидным...

Вся моя уверенность в один миг куда-то улетучивается. Я даже начинаю дрожать, хотя куртка у меня тёплая, а на улице ветра нет.

— Почему это мне должно быть стыдно? — лепечу я, всё сильнее прижимая к себе букет роз, будто он защитит меня ото всяких нападков. — Я ничего не сделала!

— Ты предала нас и наши отношения! — орёт на меня Миша, и из моих глаз выкатываются две слезы. — Что ты нашла в этом уроде, объясни мне?

— Он не урод! — верещу я, глотая слёзы и чуть не давясь ими.

— Урод, урод! — кричит Изотов, приближаясь ко мне. — И ты такая же, такая же уродина, как и он!

В это мгновение я чувствую, что, наверное, теряю сознание. Что он сказал?.. Что я... уродина? Я... я... уродина?

Сердце разрывается от боли. Ощущение, что я сейчас проваливаюсь в какую-то яму и никто меня оттуда не достанет никогда в жизни... Уродина... Он сказал... уродина?

Глупо смотрю на Мишу, но не вижу его черт из-за льющихся ручьём из глаз слёз. И вдруг Изотов делает ко мне шаг, вырывает из моих рук розы и, бросив их на землю, начинает... топтать. Один, второй, третий, пятый, десятый, двадцатый пятый цветки погибают под тяжёлыми ботинками того, кто также растоптал сейчас и меня. Безжалостно и бессердечно...

— А вот за это ты ответишь, гад, — слышу я голос позади себя и сквозь муть в глазах вижу, как кто-то «скручивает» Изотова и валит его на землю. Тот пытается встать, но этот «кто-то» настолько крепко держит его за сведённые за спиной руки, что у Миши нет ни малейшего шанса освободиться.

— Отпусти, отпусти! — визжит Изотов, но человек не двигается, а только сильнее зажимает ему руки за спиной.

— Ещё раз увижу тебя рядом с Элей — и ты можешь прощаться с жизнью, — произносит человек, и в этот момент я, наконец, разбираю, кто это. — А теперь вали отсюда, и побыстрее. — Диомид отпускает Изотова, и тот не без усилий поднимается на ноги. Миша смотрит на меня с такой злостью, которую, пожалуй, я видела лишь раз в жизни — полчаса назад на лице Ерёминой.

— Да пошли вы на хрен! — бросает нам Изотов, а потом, вытерев о куртку кровь с ладони, плюёт на растоптанные розы и уходит.

Около минуты мы с новеньким стоим молча. Я не смотрю на Диомида — я смотрю на распластанные на асфальте цветы и едва сдерживаю в себе готовый вырваться крик беспомощности. Как я устала! Я больше не могу бороться со всем этим... Мне нужен покой, мне нужно побыть одной... Вот только несмотря на всё это в одиночестве мне будет ещё больнее, потому что всё, чего я хочу, — это чтобы новенький был со мной всегда. Всегда, и точка.

Словно загипнотизированная разворачиваюсь и медленно бреду по дороге, каждым шагом удаляясь от школы. Слёзы льют по моим щекам, из-за чего за мной тянется узенькая дорожка из падающих на асфальт солёных капель.

Слышу шорох позади себя. Это Диомид. Но я не оборачиваюсь и продолжаю шагать вперёд, сама не зная куда. Вероятно, домой, не так ли?..

— Эля... — Рука Диомида осторожно ложится на моё плечо. — Эля, я... послушай... Забудь про то, что я тебе наговорил... — Голос новенького дрожит как лист на растущем неподалёку клёне. — Моя тайна в том, что я... ты... В общем, я...

— Уходи, — тихо перебиваю я новенького, и он замолкает. — Уходи, пожалуйста. Пожалуйста, уходи, — повторяю я и, шатаясь, продолжаю свой путь. Диомид не следует за мной. Вновь из моих глаз выливается водопад слёз. И опять я одна, наедине со своими чувствами, которые гнут и ломают меня как тростник. Впрочем, чего уж там. Меня уже сломали, и вернуть всё обратно, к сожалению, невозможно. Да и не надо ничего возвращать. Пожалуй, так.

Прихожу домой и тут же падаю на свою кровать. Сил плакать уже нет. Засыпаю. Пора всё это забыть, твердит мне мозг во сне. Забыть и Мишу, и новенького. Забыть всё. Всё до капельки. Даже прежнюю себя...

Диомид

Я смотрю Эле вслед и... не могу сдвинуться с места. Ведь это всё из-за меня. Во всём случившемся виноват только я. Чёрт, и зачем я только позволил себе... влюбиться в неё? Зачем вообще решил добиться её любой ценой, забыв при этом, что «любая цена» может быть и чьей-то жизнью, и чьей-то психикой, и чьим-то расколотым сердцем...

Эмоции переполняют меня. Возвращаюсь к тому месту, где растоптал подаренные мною Эле розы тот гад. Еле сдерживая слёзы, смотрю на эту печальную картину. Может, нам не судьба быть с Элей вместе? Так зачем же я продолжаю искать новые пути и дороги, которые, в конечном счёте, ведут в пропасть, в которую обязательно попадаю либо я, либо Эля?..

Прихожу домой и, незаметно от мамы, юркаю к себе в комнату. Через пять минут слышу скрип двери, но притворяюсь спящим. Мама подходит ко мне и осторожно гладит меня по плечу, а потом укрывает пледом. Когда дверь закрывается, я не сдерживаюсь и... впервые за долгое время заливаюсь слезами как девчонка. Почему я такой... такой... урод? Зря Эля защищала меня перед Изотовым. Ведь он был прав. И не надо мне искать какие-то оправдания.

Меня клонит в сон. Уже в полудрёме мне в голову приходит мысль — а что, если мне вернуться в свою старую школу? Чёрт с ним, что у нас там не ведут химию. Пойду на физмат. Время до экзаменов ещё есть, так что подготовиться успею. Да и на кой мне этот биофак? Я не хочу, чтобы моя мечта стала для кого-то катастрофой, а именно так, увы, и происходит. В попытках построить собственное счастье, я рушу чью-то жизнь. Если любишь, отпусти... Что ж, наверное, много и не остаётся. Я не хочу, чтобы она страдала, но страдать её, к сожалению, вынуждаю только я... Пора заканчивать всё это. Пора её отпустить, приказываю я себе...

Но не могу сделать этого.

С большой неохотой иду я в школу на следующий день. С Элей я не здороваюсь и стараюсь не смотреть в её сторону. Одноклассники, которым ненавистная Ерёмина, несомненно, «растрепала» то, что произошло на концерте, с нездоровым любопытством пялятся на нас с Элей. Я игнорирую эти наполненные откровенной тупостью взгляды и, большей частью, сижу, уткнув нос в учебник или телефон. От скуки захожу на страницу Изотова. Листаю его «Друзей» и не вижу среди них Эли...

Сердце моё гулко ударяется о рёбра. Она его... удалила? Или же он её? В любом случае, между ними всё кончено... И хотя именно этого я и добивался, мне совсем не радостно на душе. Перевожу взгляд на Элю. Та сидит, сжавшись в комочек, и что-то читает в учебнике. Однако по траектории её взгляда я вижу, что она смотрит «сквозь страницы», а, вернее, в пустоту.

Сегодня у нас пять уроков. Что ж, может, это и к лучшему. Ведь мне в тягость находиться здесь, в этом грёбаном классе, полном одних ублюдков, ограниченных во всём — в знаниях, в ориентирах, в ценностях. Впрочем, мне, вероятно, следует помолчать. Я ведь тоже... не идеальный. От слова «совсем».

Так думаю я, стоя у окна на втором этаже. Обычно там собираются для сплетен

семиклассницы, но сейчас здесь пусто и тихо. У меня осталось ещё два урока. Скорее бы они прошли, а потом домой... Сердце разрывается от осознания того, что я натворил. Я поломал Элину жизнь. И свою тоже.

— Кхм, — раздаётся вдруг позади меня, и я, вздрогнув, оборачиваюсь. Глаза мои лезут на лоб от удивления. Передо мной стоит... Ерёмина.

Диомид

Около десяти секунд я глупо плююсь на Настю. Та с живым интересом рассматривает меня. Что ей нужно, чёрт возьми?

— Привет, — здоровается Ерёмина со мной, но я молчу. Да, это невежливо, однако сейчас я меньше всего хочу с кем-либо говорить. А тем более с ней.

Ничего не отвечая Ерёминой, отхожу от окна и быстрым шагом направляюсь в сторону лестницы.

— Стой! — Ерёмина хватает меня за руку.

— Чего тебе? — не без грубости бормочу я и спешу освободиться от холодной Настиной ладони.

— Я хочу с тобой поговорить, Диомид, — произносит Ерёмина, глядя мне прямо в глаза.

— Говори, — отвечаю я.

Ерёмина слабо улыбается, будто надеясь, что я заведу с ней «светскую» беседу. Но она глубоко ошибается. Нервы мои натянуты как струны; изо всех сил я стараюсь держать себя в руках, чтобы не наорать на Ерёмину.

— А ведь я тебя узнала, — тихо говорит Настя, делая ко мне шаг.

— Ты о чём? — равнодушно говорю я, а у самого кровь в висках, кажется, разрывает артерии. Узнала? Вот же блин...

— Да, Демид, узнала, — отвечает Ерёмина, приближаясь ко мне ещё на десять сантиметров. — Ты выдал себя, когда стал ухаживать за Элей, — добавляет она, но слово «ухаживать» звучит с очевидной издёвкой.

— Тебе какое дело? — цежу я сквозь зубы. — Моя жизнь тебя не касается. И Элина тоже.

— А ты разве забыл, как она тебя предала? — вдруг произносит Ерёмина, и меня начинает в этот момент трясти. — Тебе ведь было очень больно, не так ли?

Дрянь, думаю я в тот момент, и первое, что хочу, так это оттащить Ерёмину за её рыжие волосы. Что она лезет туда, куда её не просят?

— Что тебе нужно, а? — не выдерживаю я, наконец.

— Мне нужен ты, — тихо произносит Ерёмина, и не успеваю я опомниться, как она делает ко мне шаг и пытается дотянуться до моего лица. Но я ловко уворачиваюсь от неё.

— Дура или как? — кричу я, пожалуй, слишком громко. На лице Ерёминой сквозит растерянность, а в глазах сверкает недобрый огонь. Не дожидаясь дальнейшей развязки событий, я спешу к лестнице и поднимаюсь на третий этаж.

— Запомни, Дёмушка, — доносится мне вслед, — ты не нужен ей, не нужен!

— Сука! — выругиваюсь я и заваливаюсь в кабинет, отчего все прямо-таки подпрыгивают на стульях. Эля испуганно смотрит на меня, но я не достаиваю её взглядом. Не надо её пугать. Сейчас я зол так, что, кажется, готов разнести эту школу на кусочки. Призываю себя успокоиться и забыть то, что произошло. «Отсидиваю» четвёртый урок кое-как. Со звонком вскакиваю со своего места и, даже не записав домашнее задание, иду на первый этаж, чтобы там меня уж точно никто не нашёл.

Возле кабинета музыки стоят две лавочки. Я устало плюхаюсь на одну из них. Вокруг

тихо. Что ж, надеюсь, тут не будет ненавистных мне одноклассников и Ерёминой в частности. Закрываю глаза. Неужели я один? Как хорошо. И в тоже время печально...

— Диомид, здравствуй, — слышу я чей-то голос. Распахиваю глаза и вижу перед собой классную.

— Добрый день, Виктория Сергеевна, — отзываюсь я и встаю.

— Диомид, я очень прошу тебя подежурить сегодня в классе. Надеюсь, тебя это не затруднит?

Глупо смотрю на «русичку». По правде, сейчас меня затрудняет всё, даже разговор с ней. И мне совершенно параллельно на то, что сидящие за второй партой олухи Сидоренко и Зайцев не пришли в школу, хотя сегодня должны дежурить именно они. И я рискую отказать классной.

— Я сегодня занят, Виктория Сергеевна, — сухо говорю я. — У меня репетитор в три.

Хотя никакого репетитора у меня нет.

— Ой, как жаль, — разочарованно тянет классная. — Тогда придётся Эле убирать одной...

В этот момент мой мозг, кажется, выливается прямо через уши.

Эле?..

— Я согласен, — выдаю я прежде, чем классная успевает сказать что-то ещё. Виктория Сергеевна недоумённо смотрит на меня, а потом радостно говорит:

— Тогда приходи после пятого урока. Спасибо тебе!

Классная исчезает так же быстро, как и появляется. Я вновь остаюсь в коридоре совершенно один. В голове стучит, и я даже на мгновение чувствую какую-то, не слишком приятную, боль.

Слышу неподалёку режущий слух цокот каблучков. Приглядываюсь и замечаю возле расписания Ерёмину. Та смотрит на меня с необыкновенной злостью. Недолго думая, бегу к лестнице и как вихрь поднимаюсь на четвёртый этаж. Захожу в кабинет и тут же смотрю на Элю. Интересно, а она знает, что нам предстоит дежурить вместе? По ходу, нет. А что, если классная меня обманула? Ну и чёрт с ней. Ждать мне всё равно нечего, а так хотя бы сделаю доброе дело.

Наверное.

Эля

Наступает новый день. К моему великому счастью, нам убрали последний урок физкультуры. Сейчас мне просто необходимо забыть всё, что произошло вчера. Мне нужно оставить это в прошлом, но, как я ни пытаюсь, мысли о новеньком никуда не испаряются, а, наоборот, всё сильнее поглощают моё сознание и мою душу.

День проходит кое-как. На уроках я молчу, чем вызываю у учителей неоднозначную реакцию. Ну и пусть. Вчера, когда я отправляла Мишу везде, где можно, в «Чёрный список», я поняла немало важных вещей. Например, что не в школьных отметках счастье. Счастье во внутренней гармонии, когда твои желания совпадают с реальностью, а мысли текут плавно, как река, не встречая на своём пути порогов. Счастье — чувствовать жизнь во всей её красоте. Которую я, по собственной глупости, уничтожила.

Пятый урок, наконец-то, заканчивается. Сгребаю в сумку учебники и несусь к двери. Покидаю кабинет первой. Домой!

— Эля, подожди! — слышу позади себя. Ну кто ещё? Раздражённо поворачиваюсь и вижу перед собой классную.

— Да, Виктория Сергеевна, — стараюсь избежать оттенка грубости в тоне, бормочу я.

— Элечка, я прошу тебя сегодня подежурить в классе. Ты ведь никуда не торопишься?

Вылупляю на пожилую классную глаза. Не поняла? А с какой это стати я должна дежурить? Сегодня очередь Зайцева и Сидоренко, сидящих передо мной. Да, они не пришли в школу, но ведь это их проблемы? Я-то тут причём?

— Понимаете, Виктория Сергеевна, — начинаю я. — Мне надо...

— Я нашла тебе помощника, так что не волнуйся, — перебивает меня классная. — За полчаса уж точно управитесь. — Не дав сказать мне и слова, она суёт в мою руку ключ от кабинета и скрывается с моих глаз.

С полминуты я стою неподвижно, будто окаменевшая. Вот так поворот. А меня спросить никто не захотел, что мне надо сегодня сделать и какие у меня планы на остаток дня? И хотя планов у меня, в сущности, нет, мне ужасно не хочется сегодня оставаться на уборку. Пусть даже и с напарником. Особенно не хочется, чтобы со мной была помещанная на Хромове Настя. Тем более что Ерёмина с известных пор свела со мной общение до минимума. Даже списывать не просит. А после концерта и вовсе не здоровается.

С такими мыслями иду по коридору, болтая ключом в руке. Подхожу к кабинету. «Напарника» не видно. Неудивительно, хмыкаю я. Кому охота оставаться после пятого урока и пахать за каких-то прогульщиков? Правильно, никому, так как все хотят домой. Вот и мне также влом.

Открываю дверь и захожу в кабинет. Хорошо хоть стулья на парты подняты. Кладу сумку на стол, иду к раковине и смачиваю под струёй воды тряпку. Мою доску и протираю подоконники, а затем поливаю два жалких цветка, которые, судя по всему, не видели воды уже дней пять, если не больше.

Напарник не появляется. Что ж, и не надо. Осталось подмести и помыть пол, а потом вынести мусор. Дел-то на пятнадцать минут... Я и сама...

— Эля? — слышу я удивлённый голос, который спутать с чьим-либо у меня не получится даже во время сна. Оборачиваюсь и понимаю, что уж лучше бы со мной была

Ерёмина.

Новенький.

После долгих раздумий вчера для себя я поняла, что просто так не смогу «отвязать» себя от Диомиды. Мне нужно поговорить с ним начистоту. Но сколько раз я ни порывалась, сколько раз не принуждала себя развязать язык и выяснить всю информацию, ничего у меня не получалось в силу известных причин. Каждый раз, когда я нахожусь рядом с Диомидом, я становлюсь сама не своя. И хотя Хромов причиняет мне боль и заставляет нервничать, я... не могу без него. Диомид открыл мне совершенно иной мир, который я не знала до встречи с ним. Мир, где я была самой собой. Я могла смеяться, кричать, плакать, прыгать, драться — и он всё это принимал. Принимал меня любой — тихой и взбалмошной, весёлой и грустной. Да и помощь от Хромова приходила в самые трудные минуты. Какой же он всё-таки... противоречивый. И загадочный. Мне ни за что не узнать его тайну. А хотелось бы. Что же ты скрываешь от меня, новенький?

Нахмурившись, сметаю в совок накопившийся за день на полу сор, а потом, не сказав новенькому ни слова, завязываю мусорный мешок и, демонстративно отвернувшись, прохожу мимо Хромова к двери. По правде, я просто-напросто не знаю, как вести себя теперь рядом с Диомидом. Мне даже пришла вчера в голову мысль вернуть ему деньги, которые он потратил на букет. Но, открыв Интернет и узнав стоимость одной розы, я поняла, что потраченную Диомидом сумму я буду возвращать ему несколько лет.

Спускаюсь на первый этаж, где стоят мусорные контейнеры. Выкидываю мешок, а потом долго стою и думаю о чём-то непонятном. В голове, что говорится, каша. И расхлёбывать её только мне.

Наконец, возвращаюсь в кабинет. К моему удивлению, Хромов уже вымыл пол. Что ж, молодец, ничего не скажешь.

Кладу в мусорное ведро чистый пакет. Не перестаю думать о новеньком и его тайне.

— Как дела? — вырывает меня из раздумий голос Хромова. Диомид стоит в десяти шагах от меня; глаза его смотрят на меня как-то... заботливо?

— Пока не родила! — передразниваю я новенького и тут же ловлю себя на мысли — зачем я вообще это сказала?

Диомид замолкает. Ну ещё бы — из моих уст фраза прозвучала очень грубо.

— А от кого ты... хотела бы? — серьёзным тоном произносит Диомид, и я вижу, как кожа его щёк в области скул нервно подёргивается.

— Что... от кого? — бормочу я, глупо хлопая глазами.

— От кого ты хотела бы родить? — задаёт мне новенький вопрос, и я чувствую, как моё сердце с нехилой такой силой бухается в пятки. — От малолетки?

И тут моя нервная система окончательно не выдерживает. Я, конечно, понимаю, что Миша — далеко не идеальный парень и всё такое... Но и так долго оскорблять человека тоже нельзя! Тем более что мы с ним расстались. К чему же тогда Хромов сыпет про Изотова гадости? Ловлю себя на мысли, что это больно ранит меня, и вовсе не потому, что мне жаль Мишу, а потому, что я встречалась с этим человеком.

Успокаиваю себя, что сделала всё правильно. С появлением в моей жизни Диомиды я постепенно начала понимать: истинная любовь не терпит отлагательств. Любящий человек всегда найдёт время, чтобы позвонить тебе и узнать, как твоё самочувствие, как твои дела. И звонить будет не по расписанию, а когда сердце тронет чувство одиночества, нехватки чего-то безумно важного и дорогого. Тот, кто любит, будет не только слушать тебя, но и слышать,

и никогда не отведёт на тот фильм, который тебе не интересен. Любовь, в конце концов, это когда кто-то понимает тебя, а ты его. И не иначе. Новенький же словно указывает мне на те мои ошибки, которые я бы хотела поскорее забыть. И это очень сильно раздражает меня.

— Тебя не касается моя жизнь! — начинаю я, но слишком неуверенно. — Ни в каком плане! И рожать я буду уж точно не от тебя!

Последние слова выдыхаю на пике эмоций и понимаю, что зря вообще отреагировала на ловушку Хромова, так как вижу отобразившееся на его лице изумление. Секунд десять новенький, не моргая, смотрит на меня в упор. Непонятно, что сквозит в его глазах — не то насмешка, не то обида.

— Уверена в этом? — вдруг произносит Диомид и приближает свой мощный корпус ко мне. Я пячусь, но сзади меня окно, и потому моя спина упирается в пластиковый край подоконника. Кисти новенького с расширенными венами лежат на подоконнике по обе стороны от меня. И внешний вид Хромова точно не сулит мне ничего хорошего. Я его... «задела»? Как странно...

— Пропусти! — завожусь я, порываясь убежать. Но новенький не пускает. Взгляд его бесстыже скользит по моему телу. Угораздило же меня надеть сегодня брюки «неклассического» покроя, то бишь «в облипочку»! Но я даже не предполагала, что классная заставит меня дежурить, да ещё и вместе с Хромовым. И вообще...

— Ты меня слышишь или нет? — прерывает мои мысли голос новенького. Нервно сглатываю и перевожу на Диомида глаза. Он смотрит на меня всё так же в упор, не меняя направления.

И тут я начинаю творить не Бог весть что. Отстраняюсь от подоконника и с силой пихаю Диомида в грудь. Резво отбегаю от окна, но внезапно чувствую крепкую хватку новенького на своей талии. Хромов смыкает кольцо, и я впечатываюсь спиной в его грудную клетку.

— Успокойся, Русалочка, — шепчет он мне прямо в ухо, но голос при этом звучит как-то... нежно, что ли. Не как раньше...

Я едва не плачу. Пытаюсь освободиться от объятий Диомида, но ничего не выходит. Не зря мне папа когда-то сказал, что надо заняться физкультурой — купить велосипед, гантельки, бегать по утрам, а не сидеть вечерами за просмотром сериалов о любви. И сейчас я жалею о том, что не послушалась его, ибо у меня даже не хватает сил, чтобы разъединить руки новенького на своей талии.

Внезапно я чувствую облегчение и вижу, что Диомид убрал одну руку. Вновь предпринимаю попытку сбежать, и вновь она не увенчивается успехом.

— Скажи, ты считаешь меня придурком? — слышу я тихий голос новенького, и сердце моё пронзает непонятная боль.

Эля

От растерянности я не знаю, что ответить Диомиду. Можно, конечно, выложить ему всю правду, что, дескать, ты такой придурок, что всем придуркам придурок. Но почему-то в эту минуту мозг даёт сбой. Я стою рядом с новеньким и мне... приятно. Приятно чувствовать за собой крепкое мужское тело и ощущать тепло, исходящее от него. Приятно слышать учащённое дыхание новенького и ловить носом свежий запах его парфюма...

— Ты опять заводишь меня... — вдруг слышу я, и в ту же секунду Хромов разворачивает меня к себе и одним движением вновь прислоняет к подоконнику, у которого мы стояли тремя минутами ранее. Я хочу было опять начать перепалку, но мой язык немеет, когда я чувствую, как новенький осторожно, но напористо, раздвигает мои бёдра коленом своей правой ноги...

Я задыхаюсь. У меня впервые такое. Ещё ни разу и никому я не позволяла настолько нагло и энергично вторгаться в моё личное пространство... Я тяжело дышу — не то от переполняющего мою душу возмущения, не то от наливающихся болью нервов, которые вот-вот сдадут и вызовут у меня истерику.

— Ты нужна мне, Русалочка, — произносит вдруг новенький. Голос его при этом звучит очень нежно. Я на мгновение даже теряю сознание.

Что?..

Нерешительно смотрю на Диоида. Похоже, он говорит... правду? Вижу в чёрных глазах новенького блеск, и тотчас понимаю, что Диомид не врёт мне.

Между ног разливается необычное тепло. Мы стоим с Диомидом почти вплотную друг к другу. Всё моё существо окутывает дурманящий парфюм новенького. Кажется, что я знаю этот аромат всю свою жизнь. Хочу дышать им вечно... Не сразу замечаю, как переплетаются наши с Диомидом пальцы. Я робко смотрю на него, пытаюсь найти в глазах обман. Я хочу верить в то, что сказал мне новенький, но почему-то начинаю сомневаться в этом.

— Докажи, — вдруг говорю я.

— Докажу, — не колеблясь, отвечает мне Диомид. — Можешь меня потом ненавидеть, но...

С этими словами наши лица сближаются, и губы новенького сливаются с моими...

Дыхание Диоида, отдающее мятой, плавно перетекает ко мне в рот. Под напором парня я расслабляюсь и позволяю Диомиду перехватить мой язык. Живящая влага поцелуя придаёт мне уверенности, и вот я уже крепко обнимаю новенького, обхватив его руками за крепкую шею... Мне так этого не хватало. Мне казалось, что я умерла душой после предательства Миши. И вновь меня спас новенький. Вновь именно он вдохнул в меня жизнь, с которой я уже попрощалась вчера днём. Он, он, только он... Я не могу жить без него. Не могу, и всё тут.

Расслабляюсь. Сейчас мне меньше всего хочется думать об окружающем меня мире. Сейчас есть только я и он...

Новые ощущения захватывают меня полностью. Ловлю себя на мысли, что первый наш поцелуй с Диомидом был... не таким. Сейчас я позволяю ему всё и понимаю, что наш поцелуй — не просто физический контакт. Это нечто большее, нечто более высокое. Нечто таинственное и прекрасное. Это нелегко объяснить на словах. Это можно только

почувствовать.

Наконец, мы отрываемся друг от друга. Я испытываю смешанные чувства — от страха за содеянное до радости и, на удивление, счастья... Новенький проводит по моим волосам рукой и бережно целует меня в макушку. Я прижимаюсь к груди парня и слышу гулкое биение его сердца. Потом отрываюсь и вновь целую новенького в губы...

Тишину вокруг нас разрезает звонок с шестого урока. До моего слуха доносится гвалт выбегающих из соседних кабинетов школьников. А я всё стою рядом с новеньким и не могу оторваться от его губ. Таких обжигающих и вместе с тем таких нежных и мягких...

Постепенно хватка новенького слабеет, и я уже не чувствую его колена, примыкающего к моей ноге. Внутри поселяется странное ощущение. С одной стороны, мне так здорово от произошедшего, а с другой я готова убежать на край света от сжигающего душу чувства стыда.

Внезапно я слышу хлопок двери. Мозг срабатывает мгновенно, и я, оторвавшись, наконец, от Диомида, судорожно выглядываю из-за его корпуса. Никого. Может, сквозняк?..

— Ты очень классно целуешься, Русалочка, — отвлекает меня голос новенького. Я поворачиваю голову и вижу пылающие щёки Диомида и его горящие глаза. Диомид наклоняется и целует меня в губы: так нежно, заботливо... После он берёт с парты рюкзак и, бросив на меня взгляд, выходит из кабинета...

Диомид

Покидаю класс с неопишным чувством кайфа по всему телу. Так вот оно как бывает, когда целуешься с тем, кого любишь... Ведь это гораздо больше, чем контакт тел. Это единение душ, и это так здорово, что словами не передать.

От моей ненависти к Русалочке не остаётся и следа. Теперь передо мной стоит другая задача — реабилитироваться. Надо доказать Эле, что я люблю её по-настоящему. И перестать, в конце концов, кидать тупые, никому не нужные понты.

Придя домой, падаю на кровать и, потягиваясь, ощущаю растекающееся по телу чувство изнеможения. Вспоминаю наш с Элей поцелуй. Какая она всё-таки... необыкновенная. Не зря говорят: только от любви человек становится добрее, лучше, чище душой. Осталась лишь одна маленькая деталь: надо как-нибудь рассказать Эле о том, кто я такой. А, может, не стоит? Что моё признание изменит в моей и в её жизни? Вдруг Эля после этого возненавидит меня? Надо подумать над этим... Но потом. Сегодня я просто счастлив. И не хочу ничего иного.

Глаза мои закрываются, и я проваливаюсь в глубокий сон. И даже в этом далёком, неведомом человеку мире я думаю об Эле и громко, изо всех сил кричу ей:

— Я люблю тебя!

На следующий день прихожу в школу за пятнадцать минут до начала уроков. Эли ещё нет. Зато прочие лица, я бы даже сказал, «морды», вылупляют на меня глаза. После неприятного разговора с Настей во мне поселилось ещё большее чувство презрения к ней. Как же с ней дружит Эля? Ведь Ерёмкина такая... гм... двуличная что ли. Прямо как ты, добавляет мозг.

Встряхиваю головой. Почему я беспокоюсь о Ерёмкиной, в конце концов? Я всем своим видом показал ей, что она мне безразлична. А «на правду обижаться нельзя, даже если она горькая».

До звонка остаётся пять минут. Но Эли до сих пор нет. С тревогой в душе оглядываю одноклассников. Девчонки, прикрываясь ладонями, шепчутся, а ребята с большим любопытством рассматривают что-то в телефонах.

Не выдерживаю и подхожу к стоящей неподалёку кучке одноклассников. Те, заметив меня, резко убирают телефон.

— Что вы там смотрите? — грозно спрашиваю я, хмурясь. Но те молчат.

— Хотите проблем? — грубо говорю я и засучиваю рукава свитшота.

— В-вот... — заикаясь, протягивает мне телефон Сидоренко. Я смотрю на экран, и... сердце моё разрывается на части. Передо мной фотография, на которой я целую... Элю...

Эля

Когда новенький выходит из кабинета, ощущаю внутри какую-то пустоту. Да, бесспорно, я влюблена в него. Однако болезненные воспоминания терзают мою душу. А вдруг он лишь пользуется мной? Нет же, нет! Не может быть такого... Ведь невозможно подделать те чувства и эмоции, которые я видела на лице Диомида. Понимаю, что теперь я вся в его власти... Боже мой!.. Вспоминаю, что так и не узнала секрет новенького. Но теперь мне не до этого. Думаю, я напрямки спрошу Диомида о том, что он скрывает от меня. И непременно расскажу о своих чувствах. Ведь если он играет со мной, то пусть я узнаю об этом сразу. Я переживу. Наверное...

На глаза тут же наворачиваются слёзы. Не переживу я этого. Диомид нужен мне, и на этом можно поставить точку.

Утром встаю ни свет ни заря. Ночь, несмотря на море положительных впечатлений, прошла беспокойно. Придя в школу, поднимаюсь на третий этаж к кабинету русского и... наблюдаю странную картину, а именно почти всех своих одноклассников, стоящих группками и пялящихся в телефоны. Удивлённо гляжу на ребят; половине из них не знакомо понятие «прийти заранее», а если уж они и заявляются в школу, то аккуратно в половину девятого.

Заметив меня, одноклассники резко блокируют экраны и прячут телефоны, а некоторые из них даже уходят со своих мест в другой коридор. Да что с ними со всеми? Сегодня что, незапланированная контрольная? Положим, они нашли на неё ответы. Они боятся, что я спалю их? Больно надо. Я никогда не лезу в дела «списывальщиков». Тем более наши учителя всегда видят, кто писал и решал сам, а кто нет.

Поворачиваюсь к Насте. Та с Кирой стоит у окна; лицо Ерёминой окрашено во все оттенки недовольствия. Настя зла на меня из-за Диомида. Я помню, с какой ненавистью она посмотрела на меня после концерта, когда Диомид вручил мне букет. Что ж, не буду к ней лезть. Может, перебесится.

Подхожу к Свиридовой и Елизаровой. Заметив меня, они тут же переводят разговор на другую тему.

— Привет, — здороваюсь я.

— Привет, — отзываются Свиридова и Елизарова.

— Вы чего все такие... — Думаю, какое слово лучше сказать. — Странные?

— Мы? — усмехается Елизарова. — По-моему, странная здесь ты! То орёшь на него, то ластишься — тебя не поймёшь! — говорит она, а Свиридова ткёт её локтем в плечо.

— На кого? — опешив, спрашиваю я, но Елизарова и Свиридова молчат.

— А ну выкладывайте! — уже суровее говорю я и скрещиваю руки на груди. И хотя мои одноклассники довольно дерзкие, сейчас они мне уступают. Елизарова что-то ищет в телефоне и спустя мгновение протягивает его мне.

— Вот, в «Подслушке» сегодня опубликовали, — тихо произносит она.

— Анонимно, — добавляет Свиридова.

Я смотрю на фото и... умираю душой. Это же я, а рядом со мной... он.

Диомид

В первое мгновение у меня даже темнеет в глазах. Быть такого не может! Нас что, кто-то сфоткал? Кто? Какой гад? Обвожу глазами одноклассников. Взгляд мой задерживается на Ерёминой. Она? Настя, заметив моё разгневанное лицо, отворачивается в сторону. Ну точно, она. Вот же тварь!

— Где Эля? — спрашиваю я стоящего рядом Зайцева, но тот молчит. Нависаю над ним как коршун над перепёлкой.

— Где Эля? — по слогам произношу я ещё раз. Дрожащий Зайцев указывает мне на конец коридора. Тут же я вспоминаю, что у Эли есть любимое место на втором этаже, у большого цветка в горшке (пальмы или чего-то подобного). И сейчас у меня нет никаких сомнений в том, что Эля находится именно там...

Что есть духу несусь на второй этаж, сбивая на своём пути зазевавшихся школьников. Учителя растерянно смотрят мне вслед, а кто-то даже крутит пальцем у виска. Но мне пофиг. Русалочка, где, где же ты?..

Наконец, оказываюсь у того самого окна. Но Эли там нет. Где же она тогда?

Вдруг я замечаю на полу какой-то белый конвертик. Что это? Поднимаю его и, раскрыв, достаю из конверта какую-то бумажку. Поворачиваю её к себе другой стороной и... чуть не падаю без сознания на кафель. Этот листик — маленькая фотография, на которой я вижу мальчика и девочку, держащихся за руки. И эти мальчик и девочка — я и Эля...

В этот момент моё сердце разрывается на мелкие осколки, словно выпавшее из рук зеркало. Эта фотография может принадлежать только Эле, ведь у меня есть точно такая же... Я даже помню тот день, когда нас фотографировали вместе в городском парке, когда мы ходили кататься на каруселях в День защиты детей...

Нервы мои, подобно дождевым червям, расползаются кто куда. Неужели Эля... помнила меня всё это время? Все эти долгие одиннадцать лет? Не может такого быть... Или может?

Отвлекаюсь от фотографии и смотрю на территорию перед школой. И тут вижу знакомую розовую куртку.

Это она...

Срываюсь с места и как ненормальный несусь на первый этаж. Не доставая пропуска, перепрыгиваю через турникетную конструкцию и, несмотря на крик вскочившего со своего места охранника, выбегаю из школы. В лицо мне ударяет холодный ветер, смешанный с дождём.

— Эля! — ору я так, что, кажется, сейчас мои голосовые связки лопнут. — Эля, стой!

На мой голос Эля оборачивается. Глазам моим предстаёт душераздирающая картина. Лицо девушки заплакано, во всех движениях сквозит боль. В этот момент к Эле подъезжает синяя машина, и девушка садится в неё...

— Эля! — вновь кричу я, но ответом мне служит заполняющий мои лёгкие холодный ветер. Автомобиль разворачивается. Нет, нет! Я должен её остановить! Бросаюсь вслед за машиной, но та набирает такую скорость, что мне никак не угнаться за ней...

— Эля-я! — кричу я во весь голос и в отчаянии падаю на колени. Усилившийся дождь поливает меня своими ледяными слезами. Вместе с ними на асфальт падают горячие капли из моих глаз.

Эля...

Теперь я потерял её навсегда...

Эля

Наш с ним поцелуй!..

Из моих глаз брызгают слёзы. Кто, кто нас сфотографировал?! Выходит, мне не показалось вчера, когда хлопнула дверь... А что если Хромов специально подговорил кого-то заснять нас, а потом выложил сюда?

Обезумев, отбегаю от одноклассников и несусь куда глаза глядят. Горло булькает от обиды, по щекам текут слёзы... Как же больно, как больно! Неужели ему не стыдно так поступать с людьми? Всё-таки верно я думала: он бесчувственный нарцисс! Я... ненавижу его... ненавижу! И всё равно люблю...

Мне так плохо, что, кажется, мой мир, который только-только начал строиться заново, рухнет прямо сейчас. Останавливаюсь возле излюбленного мною окна на втором этаже. Внутри меня всё будто бы умерло. И от ярко горящего огня любви в сердце остались только угольки, а на душе — пепел. Что мне делать теперь? Идти на уроки? Но я этого не переживу! Я не переживу встречи с ним! Тогда надо бежать домой... Да-да, домой! И как можно быстрее...

Лихорадочно ищу в сумке пропуск. Потом несусь вниз по лестнице, едва не сбив на пути какого-то пятиклассника. Хватаю из «раздевалки» куртку и, пройдя через турникет, выбегаю на улицу. В лицо мне бьёт печальный осенний дождь, волосы трепет ветер... Уйти, уйти отсюда как можно быстрее... Вспоминаю, что у папы сегодня выходной. Дрожащими пальцами набираю номер отца. И хотя до моего дома минут двадцать ходьбы, сил идти у меня нет — ноги стали ватными, колени дрожат... Папа отвечает мне чрезвычайно обеспокоенно, ведь всё, что я могу ему сказать сквозь слёзы, так это «забери меня домой». Не реагируя на его расспросы, заканчиваю вызов и выключаю телефон. Стою под дождём и не знаю, что вообще мне следует сейчас сделать. Может, закричать? Боль переполняет меня изнутри; израненное сердце, разрывая грудную клетку, просится наружу... Мне никогда не было так больно. Даже тогда, когда я потеряла своего доброго друга детства...

— Эля! Эля, стой! — слышу я вдруг голос и, подобно тени отца Гамлета, оборачиваюсь назад. Это новенький. И я... никогда не видела его таким. Таким... встревоженным, таким... разбитым. В этот момент подъезжает папина машина — я узнаю её по звуку мотора. Уходи, уходи, Эля... Ты ведь знала, что он сломает твою жизнь... И всё равно позволила себе привязаться к нему...

— Прости... — зачем-то шепчу я себе под нос и бегу к машине. Сажусь на заднее сиденье и, не отвечая на вопросы папы о том, что случилось, сквозь рыдания говорю ему:

— Увези меня отсюда... Увези...

Машина тут же трогается с места. Не удерживаюсь и оборачиваюсь. Сквозь стекающие по заднему стеклу автомобиля дождевые капли я вижу бегущего за машиной новенького. Через мгновение знакомая до боли в сердце фигура растворяется в слезах, которые льёт вместе со мной Небо...

Эля

Следующие два дня я нахожусь дома. Мне нездоровится. Очень сильно болит голова и щемит в грудной клетке. Когда я в тот злосчастный день ушла из школы, я думала, что, наверное, умру. От боли и тоски. Я позволила себе привязаться к новенькому, и хотя изначально предполагала, что он всего лишь поиграет со мной, я не думала, что настолько тяжело мне будет смириться с этим.

Лежу на кровати и смотрю в потолок. В комнате вкусно пахнет чаем, который мне заботливо принесла утром мама. Она очень взволнована, ведь я никогда не болела, а тут такое. Само собой, я ничего не сказала ей о новеньком, хотя язык чесался. Папа и вовсе собирался вызвать мне врача, но я отказалась. Медицина тут точно не поможет.

Наконец, заставляю себя встать с кровати. Беру телефон и без цели пялюсь в чёрный экран; пустота эта похожа на ту, что сейчас у меня внутри.

На душе становится ещё тоскливее. Несмотря на то, что мне надо как можно быстрее забыть Диомида, я захожу на его страницу в социальной сети. Около получаса сверлю затуманенным от слёз взглядом фотографию новенького. Хромов не был онлайн уже три дня. Как странно. Обычно до двенадцати ночи сидит. Не похоже на него.

В конце концов, отрываю глаза от телефона. Проходит ещё полчаса. Легче мне не становится, хотя все говорят, что время лечит и всё такое... Ничего подобного. Лечат друг друга люди. И только положительные эмоции могут исцелить больную душу. Вот только кто же исцелит меня, если я сижу одна в четырёх стенах, изолированно ото всего мира, и думаю о том, кто уничтожил во мне всё светлое и человеческое?..

И вдруг я слышу звук дверного звонка. Кто это? Смотрю время на телефоне. Одиннадцать-тридцать. Странно. Я вроде никого не жду. Опять, что ли, номер квартиры перепутали?

Нехотя встаю с кровати и подхожу к двери. Принимать гостей я не готова от слова «вообще». Пижама с мишками, растрёпанные волосы и заплывшее от слёз лицо — такой себе видок. Да и настроения у меня совершенно нет.

Поднимаюсь на цыпочки и смотрю в «глазок». Тело моё становится ватным. Я едва не падаю, но успеваю опереться всем корпусом о дверь. И хотя она закрыта, мне кажется, что сейчас я вынесу её и она упадёт на стоящего на площадке человека.

А стоит там новенький.

Диомид

Какой я урод.

Какой. Я. Урод.

Следующий день в школе проходит «сикось-накось». Сказать, что я «отсутствую» на уроках, — это не сказать ничего. Меня будто бы нет в той реальности, которая окружает мою жалкую натуру. Из меня будто всё высосали. Всё-всё-всё — и надежду, и нервы, и саму жизнь.

Эля в школе не появляется. Впрочем, я бы тоже сегодня не появился тут, если бы не классная, настучавшая моей маме про то, что вчера (а это был как раз следующий день после того злосчастного происшествия с фото) я прогулял уроки. В итоге мама устроила мне взбучку, заявив, что я симулянт и не сдам химию. Что я не ценю её труды и заботу обо мне, что перевести меня в эту школу стоило немалых усилий... И чтобы я даже не думал о переводе обратно... Однако мамины слова проплыли мимо моей головы, в «никуда». Сейчас меня тошнит от людей. Не хочу никого видеть. Кроме Эли — девушки, которую я полюбил всем сердцем и которую растоптал и обидел...

Не дожидаясь окончания уроков, спускаюсь на первый этаж; заметив, что охранника на его привычном месте нет, без колебаний захожу в раздевалку. Беру куртку и, долго не церемонясь, прямо на глазах у находящейся в фойе «музычки» покидаю школу.

Иду по дороге, источающей запах прели, смешанной с дождём. В голове моей какая-то непонятная пустота; я не замечаю никого и ничего вокруг себя, и лишь разразившаяся сигналом бордовая иномарка возвращает меня в реальность. Оказывается, я иду в неполюбованном месте, то есть не по тротуару, а прямо по трассе.

Спешно поворачиваю на пешеходную дорожку. Иномарка уезжает, а я, наконец, осматриваюсь по сторонам. Я стою недалеко от того самого цветочного магазинчика, где купил несколько дней назад Эле цветы. Как мне теперь извиниться перед девушкой? После всего случившегося Эля, наверняка, не захочет меня даже видеть... И всё-таки я попробую. На этот раз я постараюсь доказать Эле, что мне не всё равно. И расскажу, в конце концов, что самой большой моей тайной стала любовь к ней. И никак не моё прошлое.

Решительно направляюсь в цветочный ларёк. Сейчас я совсем не думаю о том, что средства на моей «основной» карте закончились и платить мне нечем. Но у меня есть ещё одна карточка, куда я «откладываю» даваемые мне на праздники родственниками суммы денег. Для меня это — неприкосновенный запас, но сейчас речь идёт о жизни и смерти. И хотя мне кажется, что в духовном плане я уже давно умер, сердце моё прыгает и колотится о рёбра, словно пытаюсь вернуть меня к жизни, возродить во мне те чувства, которые я, из-за собственной эгоистичности, погубил.

На этот раз букет «выходит» чуть дороже, но это несколько не смущает меня. «Может, не всё ещё потеряно?» — размышляю я, шагая в направлении дома, где живёт Эля. А если она меня выгонит? Что ж, с её стороны это будет, вполне себе, разумно. А что я, собственно, хочу ей сказать? «Прости меня»? Да за такое не прощают! Если бы кто-то поступил подобным образом со мной, я бы даже слушать не стал этого человека. Какой же я идиот... И зачем я пытаюсь вернуть всё на круги своя? Ведь я только порчу ей жизнь... Я приношу Эле одни беды, я рушу её существо, я заставляю её страдать... И прощать меня нет никакой

обоснованной причины... Однако у меня есть одно оправдание: я никого не подговаривал нас фотографировать. Виновата Ерёмкина. Надо непременно рассказать Эле об этом. И пусть девушка пошлёт меня на все четыре стороны, но избавиться её от этой дряни я просто обязан.

Замечаю, как в нужный мне подъезд заходит какая-то старушка с тросточкой в руке. Успеваю подбежать к подъездной двери в самый последний момент. Замечаю в руке у женщины немаленькую сумку, чем-то туго набитую. Без колебаний забираю её у старушки, отчего та смотрит на меня с искренним удивлением. Я же не говорю ни слова. Оказывается, случайная попутчица живёт на первом этаже, так как после подъёма по лестнице она начинает «звенеть» ключами. Молча я ставлю рядом с женщиной сумку и «вызываю» лифт. Через пару мгновений двери раздвигаются, и я захожу в кабину, успев заметить боковым зрением посланный мне вслед старушкой крест.

Приезжаю на восьмой этаж и решительно направляюсь к двери Элиной квартиры. Сейчас я не испытываю каких-то сомнений. Я даже не чувствую волнения. Я просто хочу сделать то, что решил. И никто не должен мне помешать.

Нажимаю на кнопку звонка. Изнутри до моего слуха доносится мелодия, и через пару секунд кто-то направляет в сторону двери аккуратные шаги...

Эля

Кажется, я выросла в коврик у порога. Может, у меня галлюцинации? Я была готова увидеть кого угодно, но только не новенького. Откуда он знает мой адрес? Положим, что дом, в котором я живу, Хромову известен, так как волей случая он «проводил» меня после школы. Но этаж, квартира?.. Как, КАК, объясните мне?

Ещё раз смотрю в «глазок». Новенький что-то держит в руках... Похоже на розы. Что за спектакль?

Раздаётся очередной звонок. Я вздрагиваю и призываю себя как можно быстрее отойти от двери. Но руки не слушаются и предательски тянутся к дверному замку. В итоге я поворачиваю его и распахиваю дверь. Мои глаза встречаются со всё таким же томным взглядом новенького, однако в Хромове видно некую перемену. Он... расстроен? Или как?

— Привет, — здоровается Хромов со мной. — Разрешишь войти?

Как странно, проносится у меня в голове. Новенький не отпустил в мой адрес никаких шуток по поводу моего внешнего вида — нелепой пижамы, растрёпанных волос, ненакрашенных глаз. Да неужели? Сердце моё подскакивает к горлу. Однако сознание помнит ту боль, которую я испытала пару дней назад. Оскорблённое это заставляет разозлиться на Хромова, и прежде чем мозг трезво осмысляет ситуацию, я захлопываю дверь прямо перед носом у новенького.

— Я буду стоять здесь, пока ты меня непустишь, — слышу я, но, несмотря на сказанное Хромовым, ухожу в свою комнату и бухаюсь в кровать.

Проходит пятнадцать минут. Сердце моё беспокойно стучит. Что там сказал новенький? Что он не уйдёт? Ага, как же!.. Однако любопытство распирает меня изнутри. Встаю с кровати и на цыпочках иду по коридору. Еле слышно подхожу к двери, прислоняюсь к «глазку» и... вижу стоящего в той же позе новенького. Как будто он пришёл только что, а не двадцать минут назад.

Почему-то мне становится стыдно. И, несмотря на плывущие в мозге неприятные воспоминания, рука дёргается к дверному замку, и я снова открываю дверь...

Я смотрю на новенького, а он на меня. Мы молчим около десяти секунд.

— Спасибо, — прерывает молчание Хромов и осторожно, стараясь не помять букет, заходит в квартиру. Боязливо озираясь, я захлопываю дверь. Хорошо, что у нас лампочка в тамбуре перегорела, а то говорливая соседка по-любому настучала бы моим родителям, что ко мне приходил какой-то незнакомый парень.

Закрываю дверь квартиры, поворачивая зачем-то все два замка. Новенький уже стоит разувшийся; белоснежные его кроссовки аккуратно занимают уголок придверного коврика, а куртка висит на одном из крючков напольной вешалки для пальто.

Я уже готовлюсь выслушать от Хромова новую порцию насмешек. Ну а чего, все условия для этого есть. Я даже принимаю наиболее способствующую этому позу, в которой новенькому будут прекрасно видны и моё заплаканное лицо, и моя дурацкая пижама, и мои нечёсанные два дня лохмы.

— Это тебе, — вопреки моим ожиданиям произносит Хромов и протягивает мне букет. — Я пришёл извиниться. Прости меня.

Слова звучат слишком правдоподобно. Но мне всё равно кажется, что новенький либо

нагло врёт, либо просто иронизирует.

— Спасибо, — с напускным равнодушием отвечаю я и иду в зал. Аккуратно кладу цветы на стол — всё-таки они ни в чём не виноваты, — беру с полки вазу и иду в ванную. Опасаюсь, что новенький пойдёт за мной, но нет — он всё так же стоит в прихожей.

Наполняю вазу холодной водой и возвращаюсь в зал. Ставлю в вазу розы, успевая про себя отметить, какие они красивые. И запах чудесный. По роскоши букет не уступает тому, который Хромов подарил мне на концерте. В голове в этот момент проносится мысль о том, что Миша никогда не дарил мне розы. Максимум, что я от него получала, это тюльпаны на восьмое марта, те, которые продавали в любой точке нашего города перекупщики из Азии.

Выхожу из зала и направляюсь к себе в комнату. Чувствую, как дрожат мои руки. Замираю в дверном проёме, нерешительно оборачиваюсь и вижу Хромова, по-прежнему стоящего в прихожей.

— Проходи, — не без тревоги говорю я. Новенький пару секунд с недоверием смотрит на меня.

— Я думал, ты меня пошлешь, — тихо произносит он.

— Если будешь вести себя так же, как тогда, то пошлю, — сурово отвечаю я.

— Да я уже понял, — говорит новенький и становится у меня за спиной. Я пытаюсь поймать себя на том, что мне страшно, но нет... Мне не страшно. Мне уютно. Я чувствую себя в безопасности несмотря на то, что это он...

— Спасибо за цветы, — почему-то выдаю я, стремясь нарушить молчание.

— Не за что, — отзывается Хромов, продолжая дышать мне в затылок.

— Зачем ты пришёл? — спрашиваю я, поворачиваясь к новенькому. Пора, в конце концов, высказать ему всё, что я о нём думаю. Сейчас или никогда.

— Я же сказал — чтобы извиниться, — отвечает новенький, внимательно глядя на меня. Глаза его по-прежнему томные и чёрные, как уголь. От взгляда Хромова мне снова становится не по себе. Как при первой нашей встрече.

— И всё? — вырывается вдруг у меня, и я чувствую, как фраза звучит с нотками разочарования.

— Ты ждёшь чего-то ещё? — слышу в ответ, и ноги начинают трястись.

— Обычно от тебя можно ждать многого, — хмыкаю я. — Разве не видишь, какая смешная пижама? Или какие лохматые волосы? Или какое некрасивое лицо? — завожусь вдруг я. — Разве ты этого не видишь? Что ж, смотри! — почти кричу я и, схватив за руку Хромова, затаскиваю к себе в комнату, однако не рассчитываю прикладываемую к действию энергию и, оступившись, лечу на кровать. А Хромов за мной...

Пару мгновений мы глупо смотрим друг на друга. Я испуганно гляжу в глубину зрачков новенького. А он... переменился. Во взгляде исчезли блики самодовольства и какого-то откровенного хамства. Да и в целом лицо какое-то... другое. И очень знакомое...

Не проходит и полминуты, как новенький отстраняется от меня и встаёт.

— Ты меня ненавидишь, — отвернувшись, сухо говорит он. Ненавижу? Когда это я такое говорила, думаю я и тотчас вспоминаю, что ещё пару дней назад думала о Диомиде именно так.

— Я... я... — бормочу я, пытаюсь собрать мысли в кучу, но ничего не получается. От отчаяния и растерянности хочется плакать.

— Не то чтобы ненавижу... — продолжаю лепетать я, и новенький поворачивается ко мне. Успеваю заметить на его лице тень надежды. Он что, переживает по этому поводу?

— Говори же, — твёрдо произносит Хромов и буравит меня свинцовым взглядом. Но я не знаю, что сказать, и потому вскакиваю и в отчаянии... швыряю в Хромова первое, что попадает под руку, а именно... подушку.

— Ты что творишь? — возмущается новенький — подушка успешно приземляется ему в лицо. — Ты решила подражаться?

— Я не хочу тебя видеть! — визжу я. Опять эмоции берут надо мной верх. И почему я не могу признать, что самое большое, чего я сейчас желаю, это... зарыться в новенького со всей силы и стоять так до бесконечности? Но не успеваю я придумать дальнейший план действий, как подушка летит обратно и сбивает меня с ног. Я взвизгиваю; почему-то в тот момент мне до ужаса смешно. Тянусь за подушкой снова, но вдруг чувствую у себя на талии кольцо из рук Хромова.

Замираю. Сейчас мне меньше всего хочется вновь думать о том, что новенький меня обманул. Надул как дуру. Он нужен мне. И я не могу иначе.

— Что же ты тогда хочешь от меня, Русалочка? — допытывается Диомид и разворачивает меня к себе. Его большая ладонь ложится на мою щёку. Какое нежное прикосновение... Ловлю себя на мысли, что именно этого мне так сильно не хватало и вчера, и сегодня... Да что уж там: мне не хватало этого всегда, кажется, всю мою сознательную жизнь.

— Я... не знаю... — выдыхаю я и вдруг чувствую, как подкашиваются мои ноги. Я падаю, но новенький вовремя успевает поймать меня и теперь держит у себя на руках.

— Ты слабеешь, — тихо произносит он. — Почему?

Я едва не плачу от нахлынувших эмоций. Чёрт, что же происходит в моей жизни? Я и правда... не могу жить без него...

— Посмотри на меня, — произносит Хромов, и я, повинувшись, перевожу на него взгляд. Глаза Диоида полнятся каким-то непонятным чувством. Но смотрят при этом по-доброму, без насмешки.

Собравшись с духом, я освобождаюсь от объятий Хромова и отхожу к окну. Около минуты мы молчим.

— Когда ты уже перестанешь жить так, как хотят другие? — слышу позади себя. — Хватит жить по канонам. Ты не вещь, чтобы тобою пользовались.

Последние слова больно задевают меня.

— А ты, можно подумать, не пользуешься мною? — резко разворачиваюсь я к новенькому и гневно смотрю ему прямо в глаза. — У тебя же вообще нет человеческих чувств!

— Ошибаешься, Русалочка, — отвечает мне Хромов. — Если бы у меня их не было, я бы не пришёл к тебе.

— Не ври мне! — перебиваю я новенького. — Ты подговорил кого-то сделать нашу фотографию!

— Я никого не подговаривал! — кричит Хромов. — Я вообще не преследовал такой цели!

— А какую же ты тогда цель преследовал? — повторяю я его же вопрос. — Наиграться со мной и бросить? Что ж, у тебя это хорошо получилось!

Смотрю на новенького и холодею от ужаса. Глаза Хромова налиты яростью, лицо раздражено. Что с ним?

Диомид

Стою у двери и терпеливо жду, когда Эля откроет мне. Я знаю, что она дома. И я знаю, что она хочет увидеть меня... Чёрт, я опять за своё? Пора бы уже понять, что я не пуп земли и никогда им, собственно, и не был. И что преклоняться передо мной никто не должен.

Вопреки моим ожиданиям, дверь мне Эля не открывает. Нажимаю кнопку звонка ещё раз. Слышится знакомая мелодия и какие-то подозрительные шорохи. А вдруг Эли и вовсе нет дома? Меньше всего мне сейчас хочется прогадать и наткнуться на кого-нибудь из её родителей. Впрочем, волноваться мне не надо. Веру в лучшее я уже потерял, хотя где-то в глубине души слабым родничком бьёт надежда. Надежда, которая умрёт последней.

И вдруг я слышу щёлканье замков. Вздрагиваю и чувствую, как мои нервы в одно мгновение растягиваются подобно пружине, а когда передо мной предстаёт Эля, «пружина» эта сжимается и потоком кипящей крови ударяет мне в мозг.

Я внимательно смотрю на Элю. В тот момент мне кажется, будто она мираж, нечто фантастическое и вымышленное. Будто её никогда не было. Или не было меня... Растерянно разглядываю девушку. Такой я её никогда не видел, хотя по мне, в каком бы состоянии и настроении ни была Эля, она мне безумно дорога. Вот и сейчас меня ничуть не смущают её растрепавшиеся волосы, заспанные глаза и пижама с милыми, должно признать, медвежатами.

Ощущаю укол в самое сердце. «Ты говоришь, что никогда не видел Элю такой», — шепчет мне совесть. «Так ответь мне, кто довёл её до такого состояния? Ты, только ты! Ты злодей, ты не вправе просить у неё прощения... Ты разрушил её жизнь. И свою тоже...»

Сглатываю слюну и замечаю брошенный Элей на мою шею взгляд. В эту секунду мне до жути хочется обнять девушку, поцеловать её, успокоить. На лице Эли сквозят самые разнообразные эмоции — от удивления до какого-то леденящего всё моё существо равнодушия.

— Привет, — наконец, начинаю я. — Разрешишь войти?

Фраза звучит слишком неуверенно. Ещё бы: ведь первое, что может сделать Эля, — это послать меня к чёртовой матери. Однако от девушки в мой адрес не поступает никаких слов, ибо Эля просто-напросто молча захлопывает дверь.

— Я буду стоять здесь, пока ты меня непустишь, — вырывается у меня. Я не привык так быстро сдаваться. Хотя чего я жду? Мне бы было приятно оказаться в... такой ситуации? Вряд ли. Может, уйти?.. Нет же, нет! Я пообещал себе, что сделаю всё так, как задумал. И точка.

В тамбуре, где я нахожусь, висит темнота. Ощущение, что я нахожусь в какой-то пропасти, откуда меня может вытащить лишь один человек. Он сейчас находится в этой квартире. Вернись, вернись, повторяю я «про себя» без усталости. Мне нужна только ты, и никто более...

Время тянется мучительно долго. Сколько я уже стою? Десять, двадцать минут? Я даже не чувствую усталости в ногах. Я будто бы окаменел или умер. Одно из двух... Вдруг замки щёлкают, и Эля вновь появляется передо мной. Лицо девушки встревожено. Молча мы смотрим друг на друга около десяти секунд. Вероятно, Эля ждёт моих объяснений, и я решаюсь нарушить молчание.

— Спасибо, — говорю я и захожу в квартиру. Как можно быстрее снимаю кроссовки и аккуратно ставлю их на «угол» коврика, а куртку вешаю на крючок вешалки, которая знакома мне ещё с малых лет. Мельком осматриваю прихожую. Со времён детства здесь многое поменялось. Раньше, например, тут были обои в цветочек, а теперь они розового цвета. И шкаф здесь был другой... Боже, я что, всё это помню? Как странно... Вроде никогда об этом не думал, а тут такое...

Эля закрывает дверь и поворачивается ко мне. На лице её отображается какая-то... неприязнь? Что ж, я это заслужил. Однако пора осуществить задуманное. Иначе потом будет поздно.

— Это тебе. — Я протягиваю Эле букет и вижу, как в её глазах загорается огонёк восторга. — Я пришёл извиниться. Прости меня.

Девушка недоверчиво смотрит мне в зрачки. Я же изо всех сил сдерживаю себя — слишком остро сейчас во мне желание поцеловать Элю в губы...

— Спасибо, — отвечает Эля и идёт в зал. Через несколько мгновений она проходит мимо меня с хрустальной вазой и открывает дверь в ванную. До меня доносится шум воды. Эля возвращается в зал с наполненной водой вазой, а через минуту выходит в коридор. Квартира у Эли двухкомнатная, и оттуда, где я стою, хорошо видна комната девушки. Вот в спальне Эли, как раз, ничего не поменялось. Пожалуй, только шторы другие и стол переставлен к другой стене.

— Проходи, — оборачивается ко мне Эля.

Что? Не ослышался ли я? Она... серьёзно?..

— Я думал, ты меня пошлешь, — смущённо говорю я.

— Если будешь вести себя так же, как тогда, то пошлю, — отзывается Эля — голос её звучит с нотками обиды.

— Да я уже понял, — бормочу я, делаю к Эле шаг и встаю у неё за спиной. Сейчас она так близко и так далеко от меня одновременно... Неужели эта милая малышка когда-то предала меня? Разве так бывает? Человек, который от природы чист душой, никогда не позволит себе насмеяться над другим. Что же случилось тогда, дорогая девочка?

Почему ты оставила меня?..

Почему я уничтожил тебя?..

Почему?..

— Спасибо за цветы, — тихо произносит Эля. Замечаю, как нервно дёргаются её плечи. Несмотря ни на что, она волнуется. И это так... мило.

— Не за что, — говорю я. Хочу сказать ещё что-нибудь, но в лексиконе будто бы не осталось никаких слов. Даже междометий.

— Зачем ты пришёл? — спрашивает Эля и поворачивается ко мне. В зрачках её сверкают искорки недоверия.

— Я же сказал — чтобы извиниться, — отвечаю я, внимательно смотря на девушку. Только бы не сорваться. Ещё одного раза Эля мне не простит. Ей и без того несладко.

— И всё? — слышу вдруг я.

— Ты ждёшь чего-то ещё? — выдавливаю я из себя. По правде, я удивлён.

— Обычно от тебя можно ждать многого, — пожимает Эля плечами. — Разве не видишь, какая смешная пижама? — спрашивает она. — Или какие лохматые волосы? Или какое некрасивое лицо? Разве ты этого не видишь? Что ж, смотри! — кричит Эля, схватив меня за руку, дёргает за собой в комнату. А дальше происходит нечто уж совсем

неожиданное: оступившись, Эля падает на кровать, а я... вслед за ней. Кни г о ед . нет

В последнее мгновение успеваю рассчитать траекторию своего «полёта» и избежать прямого столкновения с девушкой. Растерянно смотрю в глубину расширенных Элиных зрачков. Нежные губы девушки полуоткрыты, они манят меня к себе как тогда, в первый день нашей встречи... Заставляю себя встать и отойти от Эли прежде, чем она оттолкнёт меня, хотя по внешним признакам трудно об этом судить.

— Ты меня ненавидишь, — говорю я и отворачиваюсь. Сейчас мне так обидно, что хочется плакать. Но обидно не на Элю, а на самого себя.

— Я... я... — доносится до меня голос Эли, и боковым зрением я вижу её растерянное лицо. — Не то чтобы ненавижу... — бормочет она, и я чувствую в её голосе оттенок печали. Поворачиваюсь к девушке и испытующе смотрю на неё.

— Говори же, — произношу я, стараясь скрыть волнение. Однако вместо ответа Эля вскакивает с кровати, хватая лежащую рядом подушку и... швыряет её мне в лицо.

— Ты что творишь? — возмущённо кричу я, хотя внутри у меня булькает смех. — Ты решила подраться?

— Я не хочу тебя видеть! — визжит Эля. В эту секунду она такая настоящая, такая... искренняя. Не удерживаюсь и кидаю подушку в Элю, не прикладывая к этому действию большую силу, дабы не навредить девушке. Эля взвизгивает и падает на кровать, а потом вскакивает и снова тянется за подушкой. В этот момент я не выдерживаю и, обхватив девушку за талию, притягиваю её к себе...

Диомид

Мы замираем. И почему нет на свете такой штуки, которая останавливает время?

— Что же ты тогда хочешь от меня, Русалочка? — тихо произношу я и разворачиваю Элю к себе. С нежностью кладу ладонь на щеку девушки. Эля закрывает глаза. Ей приятно?.. Ей же приятно...

— Я... не знаю... — выдавливает Эля из себя и вдруг... падает. Реагирую мгновенно и успеваю подхватить девушку на руки.

— Ты слабеешь, — тихо говорю я. — Почему?

Эля не отвечает на мой вопрос. Вместо этого щеки её вспыхивают как два костра, а глаза наполняются слезами. Она до сих пор стесняется своих эмоций и чувств. А это, надо сказать, самое болезненное, ибо если не давать чувствам выхода, то они съедят тебя изнутри — медленно, но съедят.

— Посмотри на меня, — говорю я, и Эля переводит на меня испуганный взгляд. Прикусываю себе язык зубами, чтобы притупить желание поцеловать девушку. Эля же пользуется моим замешательством и, освободившись, отходит к окну.

С минуту в комнате висит гробовая тишина. Я даже слышу, как стучит моё сердце — трепетно и очень беспокойно.

— Когда ты уже перестанешь жить так, как хотят другие? — спрашиваю, наконец, я. — Хватит жить по канонам. Ты не вещь, чтобы тобою пользовались.

Эля резко оборачивается ко мне. Лицо её разгневано...

— А ты, можно подумать, не пользуешься мною? — с обидой в голосе произносит девушка. — У тебя же вообще нет человеческих чувств!

— Ошибаешься, Русалочка, — отвечаю ей я. — Если бы у меня их не было, я бы не пришёл к тебе...

— Не ври мне! — обрывает меня Эля на полуслове. — Ты подговорил кого-то сделать нашу фотографию!

Что?!

— Я никого не подговаривал! — выдыхаю я — сердце моё в эту секунду, кажется, разорвётся от перенапряжения. — Я вообще не преследовал такой цели!

— А какую же ты тогда цель преследовал? — повторяет Эля за мной. — Наиграться со мной и бросить? Что ж, у тебя это хорошо получилось!

— Ты что несёшь? — ору я. Хотя в моём случае это зря — ведь изначально я так и задумывал — поиграть с Русалочкой и бросить её. Отомстить. Но все мои планы рухнули с самого моего появления в этом долбаном классе. Я влюбился в Элю снова. Как тогда, много лет назад, почувствовал в ней что-то родное... Я не могу её потерять!

— И ещё твоя дурацкая тайна! — продолжает кричать Русалочка. — Не могу я её разгадать, не могу! И вообще, что за детские глупости — придумывать тайны? Нам не шесть лет!

— А ты разве помнишь, что было тогда? — вырывается у меня. — Ведь ты любила разгадывать загадки... — вспоминаю я и чувствую, как по моей спине бегут мурашки — сейчас она всё поймёт...

Эля резко замолкает и смотрит на меня как на ненормального. Ну всё, спалился. А и

чёрт с ним.

— Я всё равно уже проиграл наш спор, — грустно говорю я и, не дожидаясь реакции Эли, выхожу из комнаты. Натягиваю кроссовки, хватаю куртку и, быстро разобравшись в устройстве двух замков, покидаю квартиру.

Эля
Что?

Я будто проглатываю язык. Откуда Хромов это знает? Ведь, будучи маленькой, я и правда любила разгадывать всякие загадки, ребусы и головоломки... Потом этот интерес перерос в любовь к детективам. Но откуда новенький, чёрт возьми, знает этот факт?..

Не сразу вижу, что Диоида в комнате уже нет, а когда замечаю это, чувствую, что сейчас от меня отняли что-то важное, безумно дорогое.

Будто пьяная сажусь прямо на пол. Сжимаю подушку и, не удержавшись, начинаю рыдать, да так сильно, что на мгновение задумываюсь: я ещё хоть жива? Со слезами выходит остаток сил, и через десять минут я забываюсь глубоким сном.

Проходит три дня. В школе я хожу сама не своя, отмалчиваюсь на уроках, физкультуру не посещаю, из-за чего ругаюсь с физруком и едва не попадаю в кабинет к директору во второй раз. Чувствую внутри себя одновременно и злобу, и беспомощность. И от этого с каждым днём становится всё больнее и больнее.

Новенький в школу не ходит. На мгновение мне кажется, что вся эта история с Диоидом — дурной сон, который просто-напросто надо как можно скорее забыть. Но слишком много в моём теле и моей душе ощущений, подтверждающих, что всё случившееся — самая что ни на есть правдивая реальность.

Скверное моё состояние не скрывается от глаз одноклассников. И хотя я всегда нейтрально относилась к окружающему меня контингенту людей, сейчас эти лица откровенно нервируют меня. В душе моей поселяется какая-то ненависть людям. Даже к учителям... Батюшки! Какая я всё-таки эгоистка... Распушила перья. А на деле та ещё «правильная девочка». И вообще, со мной явно что-то не так...

Сейчас большая перемена; я стою у излюбленного мною окна и жую испечённый мамой пирожок с вишнёвым джемом. Откровенно говоря, я даже не разбираю вкуса. И хотя вишня — моя любимая ягода, сейчас она мне кажется горькой, как белена.

Убираю пирожок в сумку. Аппетита у меня нет, так зачем переводить продукты? Может, вечером доем... Хотя вряд ли. После встречи с Диоидом я совсем запуталась. Легче мне совсем не стало. Да ещё и новенький сказал, будто бы он не замешан в «деле с фотографией»... Впрочем, зачем мне это? Пора оставить все обиды и разочарования в прошлом. И забыть Диоида, как ночной кошмар...

— О чём задумалась, подруга? — слышу рядом с собой знакомый голос. До этого момента я полагала, что никто не знает о моём тайном месте. Нехотя поворачиваю голову и вижу рядом с собой... Ерёмину. Мы с ней не разговаривали уже больше двух недель. И сейчас я как-то тоже не планирую этого делать.

— С какой целью интересуешься? — выдаю я первое, что откапывается в руинах моих воспоминаний и мыслей о прошлом, настоящем и будущем.

— Да так, ни с какой. Просто у меня есть для тебя информация о новеньком, но если ты занята, то... — Ерёмина разводит руками и отходит от меня.

— Стой! — подскакиваю я от неожиданности. — Какая информация? Говори!

Ерёмина останавливается и поворачивается ко мне. Лицо её в тот момент чем-то

напоминает лисью морду, а огненные патлы волос делают Ерёмину ещё более похожей на этого зверька.

— Имя новенького тебе ни о чем не говорит? — вдруг спрашивает она.

— А о чём оно должно мне сказать? — Я смотрю на Настю как на ненормальную. — Диомид, ну и что?

— Хорошо, — кивает головой Ерёмина. — Ну а Дёмушка — это для тебя что-нибудь значит?

Кажется, моё сердце сейчас остановится. В мозге моём проносятся, как кометы, яркие и быстрые обрывки прошлого...

В пять лет я познакомилась во дворе на детской площадке с милым пухлым мальчиком, внешним видом очень напоминавшим Колобка из русской народной сказки. Я помню, как он тогда упал, а я помогла ему встать и ещё подорожник к его коленкам приложила. Мы разговорились, и я узнала, что мальчика зовут Демид. Мы подружились, и я стала ласково называть своего нового друга Дёмушкой... Милый, добрый, чистосердечный мальчик! Как мне тебя не хватало, когда ты переехал жить в другой район! Ты даже со мной не попрощался! А ведь мы клялись друг другу в вечной дружбе... Почему же ты так со мной поступил?..

— Припоминаешь? — ухмыляется Ерёмина.

Я растерянно перевожу взгляд на Настю и молча киваю головой.

— Теперь ты понимаешь, кто такой Диомид? — спрашивает она.

— Н-нет... — заикаюсь я.

— Фу, какая же ты глупая! — фыркает Ерёмина. — А ещё строит из себя профессора! Не задумывалась, что Диомид и Демид — одно и то же имя?

Кажется, что я сейчас умру прямо тут, перед Ерёминой. Неужели Диомид... Этого не может быть!

— Значит, не задумывалась, — усмехается Ерёмина. — А зря. Если бы ты знала это с самого начала, тебе бы было легче понять, почему именно тебя решил донимать новенький. Ты ведь ему жизнь испортила, или забыла?

Поднимаю на Ерёмину туманящиеся от слёз глаза. Но вместо какой-нибудь грубости в её адрес бормочу:

— Когда... испортила?

— В пять лет, когда сказала, что он толстый и похож на Колобка. Его засмеяли все дети. Он ещё на площадке тогда больше недели не появлялся. А потом и вовсе исчез. Помнишь?

Я молчу — сейчас я слишком хорошо помню всё, о чём говорит мне Ерёмина, чтобы отрицать это.

— А теперь он тебе мстит, разве непонятно? Простая схема действий обиженного человека, не правда ли?

Ерёмина тихо смеётся, а я стою совершенно сбита с толку. Когда это я сказала детям, что Диомид такой... пухленький? Я никогда ни при ком не говорила о его телосложении. При первой встрече я позволила себе неловкость подшутить над ним, но потом дома мама мне объяснила, что главное в человеке — не его внешность, а доброта и свет в душе. И я запомнила это на всю жизнь. Потому-то и с Мишей я начала общаться, не обратив внимания на его далеко не атлетичную фигуру. Я думала, что он будет полон света и доброты, но ошиблась... Однако надо бы подумать и о себе — есть ли во мне этот самый свет и эта самая доброта?

Я теряюсь. Надо что-то ответить Ерёминой, но я не знаю, что именно. Вдруг Настя наклоняется к самому моему уху и вкрадчиво, ядовитым голоском, говорит:

— А ты знаешь, кто на самом деле направил всех детей против Диомида? Я.

Эля

Я. Я... Я...

Слова эхом отдаются в моём ухе. Быть того не может! Настя... она...

Поднимаю на Ерёмину глаза. Она самодовольно улыбается, а мне почему-то хочется взять и стукнуть её.

— Зачем ты это сделала? — дрожащим от обиды голосом спрашиваю я.

— Само собой разумеется, зачем, — пожимает Ерёмину плечами. — Вы же так идеально смотрелись друг с другом. Играли допоздна, делились сладостями, веселились. И все прочие дети хотели с вами дружить. А я была как белая ворона. Только одна играла со мной, когда Демида не было поблизости, а когда он приходил, все сразу же забывали обо мне, будто бы вместо меня было пустое место. И тогда я возненавидела вас всех, а особенно тебя с Демидом. Потому я и решила устроить ловушку, в которую попались вы оба. Я сказала Демиду, что именно ты столь оскорбительно отозвалась о нём при других детях. И он поверил! Глупый, несчастный мальчик! Я слышала, что он страдал около десяти лет из-за комплексов по поводу своей фигуры. А всё это устроила его ненаглядная Русалочка — ведь именно так он называл дорогую его сердцу Эвелину, когда ждал её на скамеечке вместе с букетом ромашек...

От услышанного у меня в ушах гудит. Я поверить не могу в то, что рассказала мне Ерёмина. Она... она... Она... подставила меня? Она уничтожила в Диомиде всё то хорошее, что он готов был отдать другим! Она... она чудовище! А я ещё с ней дружила все эти годы...

— Кстати, чтобы не было разночтений, — продолжает Ерёмина. — Это я сфотографировала вас в кабинете, а потом выложила в группу сплетен. Дошло?

Дошло, думаю я про себя. Вот же змея... Хочется зарядить Ерёминой хорошую такую оплеуху, но я смотрю на Настю и понимаю, как жалко она сейчас выглядит со стороны. Ведь она повержена, не правда ли? Её замысел раскрыт, а мне теперь понятно, почему Диомид выбрал меня жертвой своих насмешек и издёвок. Он хотел мне отомстить. Вот только я не подставляла его! Как же теперь быть? Что делать?

Отхожу от Ерёминой, заставляя себя не вернуться и не врезать ей по её наглой «рыжей морде». Ещё успеется. Сейчас мне надо во что бы то ни стало поговорить с Диомидом. Нs где его искать? Ведь теперь парень живёт где-то в центре города, и найти его дом без точного адреса не представляется возможным. Хотя...

Идея появляется в голосе слишком быстро. И пусть она далеко — я бы даже сказала, совсем — неидеальна, я незамедлительно решаю воплотить её в жизнь. Что есть духу несусь в учительскую и, не постучавшись, распахиваю дверь. Сидящие за столом учителя тотчас оборачиваются и в недоумении смотрят на меня. Но мне всё равно. Подбегаю к стойке с классными журналами и замечаю с краю корешок бордового цвета. Прежде чем учителя успевают что-то сказать, я хватаю журнал с номером «11-А», раскрываю его и, к своему великому счастью, с первого раза попадаю на разворот, где указаны сведения об учениках. Лихорадочно перелистываю страницы и вижу на последней строчке:

«Хромов Диомид Александрович. Дата рождения: 17 мая»...

А дальше у меня всё словно плывет перед глазами. Это и правда... он. Мой Дёмушка. Тут же вспоминаю, как в детстве мы запоминали дни рождения друг друга. Дёмушка был

старше меня на восемь дней... Неужели всё это время я была так слепа? Я не увидела, не узнала в этом нахальном парне самого близкого мне человека, с которым мы делили всё — и радость, и печаль, и счастье... Как, как такое могло случиться?

— Гладкова, ты что делаешь? — слышу грозовой голос ОБЖ-ника и боковым зрением успеваю заметить, как он встаёт из-за стола. Фотографирую на телефон домашний адрес Диомида и, поставив журнал обратно на полку, выбегаю из учительской.

— Гладкова, стой! — доносится мне вслед возмущённый крик классной, которая прямо-таки «офигела» от моего поведения. Но я не слышу эти вопли. Я, перепрыгивая через три ступеньки, несусь вниз, по пути набирая номер такси. Выбегаю из школы, даже не застегнув куртку, отчего мою шею тут же обдаёт колючий ветер. Но я не обращаю на это внимания. Быстрее, быстрее!.. К счастью, такси приезжает минут через пять. Говорю нужный мне адрес и, торопя водителя, мчусь к тому, кто в детстве был для меня дороже всех на свете...

Диомид

В комнату заглядывает скупое осеннее солнце. Холодает. Скоро зима. На душе у меня также холодно. Тоскливо. И одиноко.

После ссоры с родителями относительно моего «разгульного» поведения я понял, что моя жизнь, собственно, уже закончилась. Я посчитал, что смогу издеваться на Элей сколько захочу. И ошибся. Я попал в собственный капкан — капкан чувств, пробудившихся при встрече Русалочкой. И уже тогда мне стало ясно, что вся эта затея с «главной тайной» — чушь собачья. Так и вышло. Я повержен. Сердце моё разбито, душа изранена. И лечить их некому. Да и незачем.

После нашей встречи с Элей прошло три дня. Я не хожу в школу и даже не посещаю свою страницу «ВКонтакте». Как теперь быть? Идей в голове ноль. Надо забыть всё, что произошло. Забыть, как страшный сон. Забыть как можно быстрее. Забыть навсегда.

Нехотя одеваюсь и беру с собой рюкзак. Выхожу на улицу и, не видя перед собой ровным счётом ничего, иду в городской парк. Долго стою на мосту, смотря на плавающих по серой водной глади уток. Нахожу в рюкзаке завалившееся печенье и, раскрошив его, кидаю уткам. Те жадно налетают на угощение и довольно крякают. Улыбаюсь. Счастливые...

Около трёх часов гуляю по парку, не обращая внимания ни на что вокруг себя. Прогулкой, по правде, это очень сложно назвать. Мне просто опостылело находиться дома. Вот я и вырвался из скучных стен, которые своим видом стискивают меня в бетонные объятия и заставляют думать о том, какой же я всё-таки урод.

Наконец, я возвращаюсь к дому. Поездка в лифте кажется мне невероятно долгой. На мгновение меня даже начинает тошнить. Вспоминаю тот день, когда мы встретились с Элей в торговом центре. Глаза у меня наполняются слезами. Забудь про неё, забудь... Её нет в твоей жизни. А тебя не должно быть в её...

Двери лифта раскрываются, и я ступаю на площадку. Достая из кармана куртки ключи. Поворачиваю вправо и... каменею. Ключи со звоном падают на пол. Возле двери моей квартиры сидит... Эля. И плачет.

— Эля! — вскрикиваю я. Девушка тотчас поднимает на меня голову. Я делаю к Эле шаг, но вдруг она вскакивает и, подбежав ко мне, словно в беспамятстве бормочет:

— Это не я, это не я так сказала! Это всё, она... она! Это не я... Дёмушка... — произносит она слабым голосом и... падает в обморок.

Эля

Открываю глаза оттого, что чувствую тепло на своей ладони. Слегка приподнимаюсь и кручу головой по сторонам. Где это я? Обстановка мне незнакома, а лежу я под пледом на большой кровати. Где же я всё-таки? Перевожу взгляд в сторону и... вижу рядом с собой Диомида.

Смутно начинаю вспоминать, что произошло. Кажется, я пришла к Диомиду, но никто не открыл мне дверь. В отчаянии я села прямо на лестничную плитку у двери квартиры и стала ждать. Прошло вроде около двух часов... Потом, кажется, вернулся Диомид, а дальше я ничего не помню...

Отвлекаюсь от собственных мыслей и принимаюсь рассматривать лицо новенького. Густые брови, тёмные волосы, острые углы скуловых костей... Какой красивый, думаю я. Замечаю отсутствие серёжки в ухе Диомида. Он действительно изменился. Но изменилась ли за это время я? Боже, мне ещё надо сказать Диомиду о том, что я не виновата! Но он, кажется, спит... Как же мне это сделать? Судорожно пытаюсь сообразить, что предпринять в данной ситуации, как вдруг не удерживаюсь и... чихаю.

Диомид мгновенно поднимает голову. Его тёмные глаза встречаются с моими.

— Русалочка? — спросонья бормочет он, но я перебиваю его.

— Послушай, мне нужно кое-что тебе сказать! Это была не...

— Я знаю, Русалочка, что ты поняла, кто я такой, — обрывает меня Диомид на полуслове; голос его звучит серьёзно. — Но, видит Бог, я думал, что тайной от тебя будет моё прошлое, но истинной тайной стало моё настоящее. Я пытался скрыть собственные эмоции, убежать от собственных чувств, покрыть их мраком, ложью и обидами, но ничего не вышло. Я захотел отомстить тебе за прошлое, за ту боль, с которой я жил все эти годы... Я разрушил твои с Мишей отношения... Я разрушил тебя и себя... Я разрушил всё. Но можешь теперь не бояться: больше я не посмею тебе мстить. Я проиграл, и я это признаю. Теперь только тебе решать, что делать со мной. Я виноват, и не возражай мне. Что бы ни случилось в моей или твоей жизни, Русалочка, помни: твой голос будет звучать в моём сердце вечно. Забудь про тайну — её больше нет. Эта нелепая история умрёт вместе со мной, а ты спустя время и не вспомнишь о ней. Если ты скажешь мне уйти, я приму это как должное.

Голос Диомида дрожит. Впервые вижу его таким. Замечаю на глазах новенького слёзы, и осознаю, что передо мной сидит тот самый Дёмушка, который обожал меня в детстве... и которого так любила я...

— Послушай же! — говорю я и касаюсь плеча Диомида. — Когда мы были маленькими... Я... не предавала тебя... Это... была Настя. — Голос мой дрожит, кажется, я сейчас разревусь. — Я всегда помнила о тебе. И очень переживала. Я думала, что это ты бросил меня... Не попрощался, уехал... — По моим щекам текут слёзы и попадают мне в рот. — Я так долго плакала... Ведь я... я...

Хочу сказать фразу из трёх слов и не могу. Сейчас слишком много боли у меня в душе. Сердце же просто кровью обливается. Предательство, ненависть, ложь, обида, расставание... Всё это — самое страшное, с чем может столкнуться человек... И всё это рухнуло на нас с Диомидом. Растоптало до молекул, до атомов. Превратило в развалины всё, что было так дорого сердцу...

Внезапно Диомид поднимает на меня глаза, и я вижу, как они блестят от слёз.

Диомид

Что?!

— Постой, — прерываю я Русалочку. — Это... была не ты?

Эля молча смотрит на меня — по её щекам текут слёзы...

Неужели всё это подстроила... Чёрт... Как я не додумался? Ерёмина...

Мне хочется выть. Разве так бывает в жизни? Разве бывает так, что люди, близкие друг другу, по чужой вине становятся либо непримиримыми врагами, либо расстаются необоснованно, не поговорив?

— Я бы никогда так не сделала... — тихо говорит Русалочка, глотая слёзы. — Ведь в человеке важны свет и доброта, а не то, как он выглядит.

— Скажи, а во мне есть... этот свет? — тихо спрашиваю я. Эля молча смотрит на меня около десяти секунд, а потом кладёт мне на щёку свою нежную ладошку.

— Есть. И это — твоя главная тайна.

Я ничего не хочу говорить в этот момент. Просто привлекаю Элю к себе и впиваюсь в её солёные от слёз губы своими. Исступлённо целую девушку. Ещё, ещё... Я знал, я сердцем чувствовал то, что она не могла так поступить. Почему же я тогда не поговорил с ней? Я виноват не меньше, чем ненавистная Ерёмина...

— Прости меня, прости... — нежно шепчу я, отрываясь от Русалочки. — Клянусь — я никогда больше не буду верить кому-то, кроме тебя. Обещай же и ты всегда верить мне. Обещаешь?

— Обещаю, — улыбается Эля. — А знаешь, почему?

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что Дёмушка — самый лучший и самый верный друг, — смеётся она, размазывая уже слёзы счастья по щекам.

— Только друг? — взволнованно говорю я.

— А чего же ты ещё хочешь? — лукаво смотрит на меня Эля.

— Я хочу, чтобы ты стала моей девушкой, — твёрдо отвечаю я. Щёки Эли краснеют, а глаза загораются подобно фейерверкам.

— Почему? — тихо говорит она.

— Потому что я люблю тебя, — отвечаю я, и наши губы вновь соединяются. Я крепко обнимаю Элю, она бережно обхватывает мою шею. И я слышу то, что, наверное, мечтал услышать всю свою сознательную жизнь:

— Я люблю тебя, Дёмушка...

Какое счастье, думаю я и ещё крепче прижимаю Элю к себе...

За окном в ночном небе загораются две яркие звезды. Мы сидим с Элей на крыше многоэтажки и смотрим на них. В наших сердцах горит такой же огонь. И я уверен, что теперь никому, даже самому сильному ветру, не удастся его погасить, ибо, как сказал Эльчин Сафарли, любовь — как горная река.

Она сметает на своём пути любые преграды.

Если не мгновенно, то очень скоро.

— Получилось! — кричу я и выбегаю из здания, где находится приёмная комиссия. Диомид тотчас обнимает меня и, подняв в воздух, кружит на виду у «обалдевающих» людей.

— Поступили? — спрашивает он.

— Поступили! — радостно отвечаю я.

— Ура! — Диомид целует меня в губы, а я понимаю, что вот оно, моё счастье. И я ни за что не расстанусь с ним. Никогда. Этим летом мы поняли немало важных вещей. И наше маленькое «путешествие» пошло нам на пользу. Впрочем, это совсем другая история. Если хотите, я когда-нибудь её расскажу. А пока некогда, так как наши с Диомидом губы заняты. Скажу лишь напоследок — какие бы тайны перед вами не стояли, к любой из них можно отыскать ключ. И помните: тот, кто добропорядочен, честен и смел, непременно найдёт дорогу к счастью.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net